

ГЛЕН КУК

Автор «Черного отряда» насыщает жестким реализмом
свои легенды о воображаемых странах.

Library Journal

ЖЕСТОКИЕ ИГРЫ БОГОВ

ОРУДИЯ НОЧИ. КНИГА 4

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Орудия Ночи.
Жестокие игры богов**

«Азбука-Аттикус»

2014

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Кук Г. Ч.

Орудия Ночи. Жестокие игры богов / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 2014 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-13641-0

Арнгенд, Касторига и Навая лишились королей. Граальская империя осталась без императрицы. Церковь потеряла патриарха – он не погиб, но был вынужден бежать. Ночь лишилась Харулка Ветроходца, самого великого из грозных изначальных божеств. Найдутся новые короли. В Граальской империи скоро появится другая императрица. Не останется пуст и патриарший престол. Нового Ветроходца не будет уже никогда. Старейшее и свирепейшее из Орудий погибло – от руки смертного! Ночь объята ужасом. Весь мир объят ужасом. Льды растут и движутся на юг.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-13641-0

© Кук Г. Ч., 2014
© Азбука-Аттикус, 2014

Содержание

1	6
2	10
3	20
4	24
5	26
6	30
7	38
8	41
9	45
10	57
11	62
12	65
13	77
14	83
15	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глен Кук

Жестокие игры богов

Орудия Ночи. Книга 4

Glen Cook
WORKING GOD'S MISCHIEF

Серия «Звезды новой фэнтези»

Copyright © 2014 by Glen Cook

All rights reserved

© Д. Кальницкая, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается выводу внучек:
Эле-Белле, Кошке-Кэти, Горошине-Ханне, Джози
и одинокому в этой толпе Джошу*

Арнгенд, Касторига и Наваия лишились королей, Граальская Империя лишилась императрицы, церковь лишилась патриарха (хотя он не погиб, а бежал), Ночь лишилась Харулка Ветроходца, величайшего из ужаснейших изначальных божеств. Ночь объята ужасом, весь мир объят ужасом. Льды растут и постепенно продвигаются на юг.

Найдутся новые короли. В Граальской Империи скоро воцарится новая императрица. Новый зад уже полирует патриарший престол.

Нового Ветроходца не будет больше никогда.

От удара сотрясается весь мир, а вместе с ним и Ночь. Старейшее и свирепейшее из Орудий погибло – от руки смертного!

Мир, на который обрушиваются жестокие перемены, ковыляет навстречу судьбе. Льды все ближе.

1

Антье, тяготы мирной жизни

Не проснувшийся еще толком брат Свечка уселся за накрытый к завтраку стол.

– Полюбуйтесь-ка на его самодовольную физиономию. Любитель фруктов и ягодок. – Уничижительное замечание прозвучало из уст Сочии, супруги Реймона Гарита, которая сидела за столом вместе с десятком приближенных графа.

– Совершенный, не обращайтесь на нее внимания, – вмешался Бернардин, кузен Реймона. – Снова рвется в бой. Или не снова, а все еще. Уймись уже, Сочия, мир наступил, радуйтесь.

Брат Свечка согласно кивнул.

Сочия знала, что долго это не продлится.

Вот-вот все соберутся с духом и снова начнутся ужасы.

– Весь белый свет перевернулся вверх тормашками, если уж устами Бернардина Амбершеля вещает глас рассудка, – заметил старик, откусил кусочек дыни и обратился к графине, которая после всех пережитых передряг стала ему как дочь: – Ради ребенка держи свои чувства в узде.

У Сочии был просто-таки огромный живот. Из-за затянувшейся беременности ее и без того нелегкий нрав еще больше испортился. Первенец уже должен был появиться на свет. Графиню терзали страхи, обычные для неопытной роженицы. Она отказалась последовать обычаю и удалиться от мира перед родами, как подобало даме ее положения.

Сочия Гарит играла при муже роль отнюдь не украшения – она помогала ему, даже управляла с ним вместе и не желала пропускать ничего важного.

Граф, мейсальский совершенный брат Свечка и все прочие приближенные Сочии, которым была небезразлична она и которые были небезразличны ей, давно уже потеряли надежду заставить ее вести себя, как подобает добропорядочной благородной особе.

Мало того! Она не расставалась с Кедлой Ришо – этой беженкой-простолюдинкой да вдобавок еретичкой из Каурена, такой же неразумной, как она сама. Сочия боготворила Кедлу: Кедла Ришо убила короля и тем самым изменила мир.

Брат Свечка знал Сочию еще с тех пор, когда она была вредной и жестокой девчонкой-подростком и жила вместе со своими тремя братьями в маленькой крепости на северо-восточной границе Коннека. Никогда не выказывала Сочия ни малейшего желания становиться благонравной девицей, занятой вышиванием и детьми.

Граф Реймон, как обычно, отнесся к поведению супруги с веселым снисхождением. Реймон любил Сочию страстно и глубоко. Такую любовь воспевали в песнях коннекские трубадуры, и она редко встречалась в эпоху браков по расчету. Однако же Реймон Гарит вступил в права наследования очень молодым, а те, кто мог бы заставить его жениться, руководствуясь политической выгодой, а не чувством, умерли рано и не успели обуздать молодого графа.

Реймон выбрал Сочию спутницей жизни почти сразу же, как увидел, потому что мгновенно узнал в ней родственную душу.

– Любовь моя, тебе нужно внимательно слушать совершенного, – сказал Реймон.

Удивленная Сочия прикусила язычок.

– Понимаю тебя, – продолжал Реймон, – я и сам не могу привыкнуть к тому, что теперь вокруг нет врагов, но таково уж положение дел: неприятеля мы вряд ли увидим, пока не придет домой Анселин или же каким-нибудь чудом не вернется к власти Безмятежный.

– От Анселина вряд ли стоит ждать неприятностей, – вставил Бернардин. – Он не позволит матери собою помыкать. Бьюсь об заклад, упечет ее в монастырь.

Сочия что-то пробурчала, будто бы напоминая собравшимся, что она все еще не в духе.

– Нельзя даже убить время, охотясь за братьями из Конгрегации, – не обращая на нее внимания, пожаловался Реймон. – Уцелевшие зарылись так глубоко, что уж обратно на белый свет им и не выкопаться.

– Было бы им дело до света, никогда б и не оказались в Конгрегации по искоренению богохульства и ереси, – проворчал брат Свечка.

Жующий солонину Бернардин усмехнулся. Он исповедовал мейсальство, но этим причудам с постами не следовал.

– Сцапал одного несколько недель назад, – рассказал он. – Они совсем не так глубоко зарылись, как надеются. И новый епископ вовсе не так умен, как сам думает.

– Ля Вель? – уточнил брат Свечка.

– Он самый. Новенький. Тупой как пробка, но зато первый честный епископ с досерифсовских времен. Прослежу, чтоб не отправился на тот свет.

Вот уже целое десятилетие в коннекской епархии, которую церковь намеревалась покарать и ограбить за потакание еретикам, с завидным постоянством мерли чалдарянские епископы.

– Честный? – переспросил брат Свечка.

– Сравнительно честный, – отозвался Бернардин, махнув рукой. – Хотя притащил с собой толпу родственничков-паразитов. Зато уж не разбойник в сутане вроде Мерила Понта или Мате Ришено.

– Любимая, а когда ты в последний раз была у госпожи Алексинак? – спросил вдруг граф Реймон.

Госпожа Алексинак была старшей из приставленных к Сочии повитух.

Брат Свечка решил, что это весьма умный поступок: граф не дал Бернардину сболтнуть, что у того имеется шпион в окружении нового епископа, а то вдруг и у ля Веля или Конгрегации имеется свой шпион в окружении графа.

Но вопрос был задан не только ради отвлекающего маневра.

Сочия не сумела толком ничего ответить.

– Так я и думал. Совершенный, после завтрака сопроводите мою жену, госпожу Сочию, к повитухе, никуда не сворачивая по пути и не слушая отговорок.

– Как пожелаете, – отозвался брат Свечка и довольно улыбнулся.

Граф Реймон редко прибегал к своей мужней власти, но если уж прибегал, то отказов не терпел.

– А ля Веля поддерживают в Броте? – спросил Свечка.

– Мы пытаемся это разузнать, – откликнулся Амбершель. – Назначил его Безмятежный, но всего за два дня до своего изгнания. Безмятежный ля Веля не знал. Эту кандидатуру предложил Горман Слейт, один из прикормленных принципатов Анны Менандской. Но и Слейт ля Веля не знал: выдвинул его от имени Валмура Джосса – одного из глав Конгрегации, что отправился в изгнание в Салпено. Джосс – коннектенец, но и он на самом деле не знал ля Веля. Имя кандидата изначально всплыло, когда его упомянул кузен ля Веля, Лачи Линдоп, еще один изгнанник из коннекской Конгрегации. До этого ля Вель с церковью связан не был – обычный прихожанин. Так что никто не ведает, что за епископ нам достался.

Совершенный уставился на Бернардина. Тот подмигнул. Этот приземистый, вечно встрепанный смуглый коротышка всем своим видом очень напоминал безмозглого при-

хвостня. Именно такую роль он играл при графе Реймоне. Однако вдали от посторонних глаз Бернардин Амбершель демонстрировал недюжинный ум.

– Известно, куда отправился Безмятежный, когда сбежал от главнокомандующего? – поинтересовалась Сочия, которой не нравилось, что ее исключают из беседы.

– Не от главнокомандующего, а от Предводителя Войска Праведных, дорогая, от Пайпера Хекта. Он раньше был главнокомандующим, еще до Безмятежного. А теперь главнокомандующим служит Пинкус Горт, Безмятежный его купил с потрохами.

– Уже не совсем так, – поправил графа Бернардин. – Горт вполне уживается с тем, кого Хект усадил на место патриарха.

– Но где все-таки Безмятежный? – не унималась Сочия. – И сколько еще бед он учинит?

– Сейчас он на Малом Пиноче – это один из островов Пиноче у побережья Фиральдии, где-то между устьем Терагая и устьем Сона – ближе к Сону. Он бы учинил множество бед, если б мог, но Сонса и Платадура блокируют ему сообщение. Королева Изабет не пускает его никуда – жаждет расплаты за смерть Питера.

Бернардин имел в виду Изабет Кауренскую, сестру герцога Тормонда IV, жену короля Питера Навайского. Питер одержал множество громких побед, укрощая врагов церкви, но потом пал, защищая родной город своей жены от арнгендцев, которые осадили его с благословения этой самой церкви.

Безмятежный был одержим ненавистью к Коннеку, где он подвергся ужасным мучениям, когда был еще патриаршим посланником в Антье. Еще до того, как стать патриархом, Бронт Донето участвовал в нескольких походах на Антье.

– Уж он найдет способ связаться с миром, – пробормотала Сочия. – Наверняка не просто так бежал на эти острова.

– Да уж, – рассмеялся Бернардин. – Не просто так – там его настиг шторм.

И Амбершель рассказал, как суда Безмятежного шли вдоль берега, но их настиг шквал и им пришлось пристать. Корабль Безмятежного сел на мель в скалах рядом с Малым Пиноче. Из команды и пассажиров мало кто уцелел, но низложенный патриарх спасся.

– Плыл-то он в Арнгенд. Его бы приютила Анна Менандская.

Но навайские суда взяли острова в окружение, едва Безмятежный успел обсохнуть.

– Мой разум начал страдать от недомогания, слишком уж мне тут хорошо и уютно, – сказал брат Свечка, отодвигаясь от стола.

– Ну вот, напрашивается на комплименты, – заметил Бернардин.

– Бернардин, слишком уж вы циничны, – отрезала Сочия. – Он же совершенный, а совершенные довольны лишь тогда, когда бредут куда-нибудь босиком по снегу, преодолевая голод и холод, а за ними охотятся и хотят сжечь.

– Ну, этот-то принимается визжать свиньей, стоит нам его о чем-нибудь попросить, – боится ножки промочить.

Брат Свечка согласился бы с этими словами, если бы его приперли к стенке. Но ему же уже стукнуло шестьдесят восемь – хочешь не хочешь, а прыти поубавится. Так не хотелось нагружать старые косточки.

– Скоро отправлюсь в путь и обгоню первый снег.

С каждой зимой снег выпадал все раньше.

За столом все примолкли и уставились на совершенного.

– Что?

– Но зачем же вам?..

– В ваши-то годы?

– Годы? Никто не думал о моих годах, когда понадобилось гонять меня с посланиями и знаками власти из Антье в Каурен и обратно.

– Мы думаем о ваших годах, потому что вы для нас очень важны, – заявила Сочия, – и не хотим, чтобы вы уезжали.

– Лучше не скажешь, совершенный, – согласился граф.

– Вобьете себе в голову эту чушь, так я велю Кедле ногу вам сломать, – добавила Сочия.

– Сурово.

– Любовь сурова, старый вы ворчун.

– Постараюсь запомнить. Путешествие меня пугает, а мои старые косточки действительно уже преодолели слишком много миль. Ну а пока мне нужно передать тебя на попечение госпожи Алексинак.

– А я-то надеялась, вы забудете.

– Отправляйся, Сочия, – отрезал Реймон.

– Как угодно вашей милости. – Девушка встала и отвесила мужу шуточный поклон (поклон получился не особенно низким из-за огромного живота). – Быть может, госпожа Алексинак знает, как убедить это маленькое чудовище наконец вылезти, – проворчала она, выходя из комнаты вслед за совершенным.

2

Обитель Богов, Небесная Крепость

В маленьком мире, состоявшем лишь из прибрежного городка, гавани и горы, исчезли все цвета – внезапно, будто обрушился удар молота.

Маленький мир по-прежнему существовал, но был уже черно-белым.

– Элен-коферы ушли. Обитель заперта.

Теперь не ускользнет никто и ничто.

Вершина горы уходила в плохо различимые темно-серые облака. Если приглядеться, можно было различить под венчающей вершину цитаделью призрачный радужный мост. Цитадель была Небесной Крепостью Старейших – богов, которые когда-то правили на севере срединного мира.

Высоко в крепости светились три окна. Элен-коферы, удивительные гномы, создавшие Небесную Крепость и радужный мост, оставили Обитель Богов жителям срединного мира, мира людей.

В большом зале с высокими окнами собралось девять человек – солдаты, волшебники, женщины, дети и двое мужчин, уже непоправимо подпорченных Ночью. Из предметов выделялись четыре заряженных картечью фальконета, способных убить даже богов, и четыре огромные каплевидные бутылки, которые гномы-стекольщики выдули из посеребренного стекла. Горла бутылей были изогнуты под прямым углом и, сужаясь на конце до толщины пальца, смотрели на стену напротив окон. Столы трещали под тяжестью самых разнообразных веществ и инструментов, как обычных, так и имеющих отношение к волшебству.

Волшебники и отмеченные Ночью деловито возились с посеребренными ретортами; остальные, держа в руках медленно горящие фитили, ждали возле фальконетов. Стоявшая рядом с бутылками женщина повернулась и спросила:

– Все готовы? Вэли? Лила? – Две девочки, одна за крайним левым, другая за крайним правым фальконетом, взволнованно кивнули. – Пайпер? Анна? – На этот раз кивнули мужчина и женщина за центральными фальконетами. – Пелла? Готов на подмогу в случае чего? – Хмурый мальчишка, стоявший позади всех, тоже кивнул.

– Хорошо. Тогда вызовем парочку богов.

Женщину звали Герис, она приходилась старшей сестрой солдату по имени Пайпер Хект и исполняла здесь роль волшебницы, хотя и не обладала магическим даром. Рядом с ней стояли Кловен Фебруарен, Феррис Ренфрау по прозвищу Отродье и Асгриммур Гриммсон. Фебруарен был великим магом своего времени, а Ренфрау – отпрыском героя и какой-то мелкой богини. А внутри Гриммсона жили осколки душ, принадлежавших той богине и ее небесному отцу.

Герис медленно обернулась по сторонам, внимательно оглядывая сотни фонарей и десятки зеркал, из-за которых в зале совсем не осталось теней, где могли бы укрыться сверхъестественные сущности.

– Ну? – нетерпеливым шепотом поинтересовался Отродье, почесывая перевязанное левое запястье.

Женщина подняла кувшин с его кровью. Свершить ритуал и отворить проход можно было только с помощью крови, принадлежащей потомку Старейших. На остальные приготовления ушел почти год.

Герис вылила содержимое кувшина в стеклянную воронку на конце длинной стеклянной трубки. Кровь была еще теплой.

Алая полоска заскользила вниз по трубке, диаметр которой не превышал одну восьмую дюйма.

Напряжение росло.

– Проклятье! – выругалась Герис. – Я не подумала о...

Зал содрогнулся. Зазвенело стекло. Шипящие фитили придвинулись ближе к запальным отверстиям на фальконетах.

Одна из посеребренных реторт задребезжала. Отродье и вознесшийся Гриммсон хором заговорили со стеной, оба – на древних языках. Отродье говорил на наречии, на котором изъяснялся сотни лет назад, еще в детстве. Вознесшийся же говорил на древнем андорежском, а еще на языке, которому научился от осколков обитавших внутри него душ. Оба призывали к осторожности и терпению. Иначе богов мгновенно отправят в небытие смертные, которые выучились искусству убивать Орудия.

Ночь знала солдата Пайпера Хекта, знала, что он – Убийца Богов. Хект открыл способ уничтожать создания Ночи. Его сестра Герис безжалостно расправилась с Харулком Ветроходцем – самым злобным из тех божеств, что терзали срединный мир еще в изначальные времена.

Собравшиеся в Небесной Крепости решили освободить богов из следующего поколения. Эти боги когда-то одолели Харулка и его родню, но потом их хитростью заточил вознесшийся.

Кое-кто сомневался, следует ли освобождать пленников. Харулк больше никому не угрожал, теперь ему не воцариться в мире, погребенном под толщей льда. Герис покончила с ним с помощью элен-коферов.

Но Герис нужны были божественные союзники. Одно чудовище погибло, но у Харулка имелась родня, и родня эта набиралась сил.

Отродье и вознесшийся говорили громко и быстро. Старейшие должны понять: многое изменилось. Если боги проявят обычную свою заносчивость, их уничтожат, а они и сообразить ничего не успеют.

– Дамы, спокойствие, – ободрил Пайпер Хект свою спутницу Анну Мозиллу и приемных дочерей. – Сосуды удержат их, куда боги не осознают свое положение.

– Если только первыми не явятся самые мерзкие, – поправила его Герис.

Дребезжащая реторта внезапно наполнилась дымом.

– Вот дерьмо! – выругался Ренфрау.

– Кто тебя только за язык тянул, женщина! – прогрехотал вознесшийся. – Это же Красный Молот.

– Ну конечно, – пробормотал себе под нос Хект.

Порывистый и туповатый бог грома всегда сперва принимался все крушить.

Вознесшийся что-то прорычал на языке богов, склонившись к самой реторте, но стараясь не попасть при этом на линию огня.

Дымом заволокло и другие реторты, хотя и не так быстро.

Эмоции материализующихся божеств были очень сильны. Хект явственно их ощущал. Боги кипели от недовольства.

В реторте с Красным Молотом появилось второе Орудие. Призрачные лица тарачились сквозь посеребренное стекло. Хект не помнил имени, но чувствовал, что именно олицетворяла эта сущность в пантеоне Старейших.

Бог войны, мыслитель, самый опасный из них, если смотреть в долгосрочной перспективе.

Новое Орудие яростно вцепилось в Красного Молота. Владыка войны видел, что смертные действуют уверенно, и чуял Убийц Богов.

В посеребренные сосуды одно за другим проникали и другие Орудия. Они боялись надеяться. После первой вспышки гнева создания успокаивались и начинали просчитывать ситуацию. Но ведь Старейшие целую вечность просидели в запечатанной вселенной, ненавидя друг друга.

И наверняка спятили.

Герис что-то сказала Отродью. Ренфрау склонился к левой реторте, а вознесшийся принялся бормотать, – по всей видимости, это была переключка.

В каждой посеребренной бутылки сидело по несколько Орудий. В пантеоне Старейших кроме богов числилось и множество духов послабее, кое-кого из них тоже утянуло в ловушку, которую устроил Асгриммур, поддавшийся безумию после своего неожиданного вознесения.

– Одного не хватает, – спохватилась Герис. – Где Прохвост?

– Он не выйдет, – объяснил Ренфрау. – Думает, его станут во всем винить.

– Раньше так всегда и бывало. – Какие бы беды ни приключались с северными Орудиями, виновником всегда был Прохвост. – Только не в этот раз. Что он затеял?

– Ждет, что мы совершим ошибку, – предположил Асгриммур. – Ему и мгновения хватит, чтобы ускользнуть.

– Прапра, закрой клапаны.

Усмехнувшись, Кловен Фебруарен подошел к правой бутылки, повернул ручку серебряного клапана, перекрывавшего трубку реторты, а потом обернул кончик трубки серебряной фольгой.

– Одна готова.

Отродье и вознесшийся проделали то же самое с ретортами, стоявшими слева, а Фебруарен запечатал бутылку с Красным Молотом и богом войны. Как только волшебник перекрыл клапан, трубку тотчас заполнил темный туман.

– Поиграть хочет. Пропустить его?

– Пусть ждет, – прогрохотал Асгриммур. – Не будет мешать, так и остальные станут поговорчивей.

– Прекрасно, – поддакнул Хект, который на самом деле ничего здесь не решал: все было полностью в руках его сестры.

– Так и сделаем, – объявила Герис. – Будьте начеку. Пока все шло как надо. Но мало ли что может случиться. Расслабляться нельзя.

Несмотря на ее предостережение, напряжение отпустило Хекта. Самый рискованный этап позади: Старейшие решили выслушать их. Трудно оставаться настороже, когда нет очевидной угрозы.

Нет очевидной угрозы? Но это же боги! И их нужно заставить покориться и служить, подобно духам или ифритам!

Хект задумчиво уставился в спину Асгриммуру. С подобным человеком он раньше дел не имел, ведь у андорежца внутри живет такое! Хотя среди всех собравшихся здесь Гриммсон был далеко не самым необычным.

Асгриммур приблизился к левой реторте и широко улыбнулся Вэли, которая волновалась тем сильнее, чем дольше все шло хорошо.

– Эти самые кроткие, – пояснил он (внутри бутылки плавали искаженные стеклом лики юных красавиц). – Во всяком случае, Эвийн кроткая, Гаурли – так себе, а Фастфаль и Спренгуль не очень.

Асгриммур положил на стекло левую ладонь. Это была его единственная рука: правой он лишился, когда, объятый безумием, напал на одного толстого старого вельможу из Граальской Империи. На стекле сеточкой капилляров проявился цвет.

– Асгриммур, уйди с линии огня – ты загораживаешь Вэли цель, – выкрикнул Хект.

Пайпер надеялся, что девчонка выстрелит в любом случае, но не был уверен, что ей хватит духу. Вот в Лиле он не сомневался. Лила не дрогнет и сделает что должно.

– Нет нужды тревожиться, Предводитель. Эти четыре Орудия осознали свое положение и согласны на наши условия.

– Вот так просто?

– Вот так просто. Создания Ночи принимают решения, не терзаясь понапрасну.

Это был камень в огород Предводителя Войска Праведных Граальской Империи. Хект постоянно посылал подчиненных в рискованные переделки, но всегда сначала раздумывал, а потом терзался.

– Пайпер, кончай командовать, – велела Герис. – Это мое дело. Не шуми и делай свое.

Хект переглянулся со своей возлюбленной. Анна не смогла сдержать улыбку. Ее забавляло, что важного полководца низложили до простого копыеносца. Или, вернее, пушкаря.

– Асгриммур, им можно доверять? – спросила Герис.

– Да.

– Ты понимаешь, что задница твоя на линии огня?

– Понимаю, милая. Если я ошибся, достанется прежде всего мне, но в глубине души я чувствую: доверия не заслуживает один Прохвост.

– Тогда возьми с них клятву и выпускай. Только когда будешь уверен на все сто. Понял?

– Понял.

Пайпер Хект уставился на Герис, а потом, прищурившись, искоса посмотрел на вознесшегося. Тут происходит что-то, о чем он не знает?

– Пайпер, ради всего святого, сосредоточься, – с мягкой укоризной попросила Анна, ведь он отвел взгляд от цели.

– А? Да, точно.

Нашел время отвлекаться на всякие глупости.

– Асгриммур, уверен ты или нет, уйди с линии огня, – проворчал Хект, пытаясь сохранить лицо.

Вознесшийся подвинулся, отсоединил от бутылки клапан и направил носик так, чтобы он указывал между Вэли и Анной.

Из трубки вырвалось густое облачко дыма. Быстро увеличившись, оно превратилось в столп, который тут же обернулся полупрозрачной двуногой фигурой, уплотнился, налился цветом и явил замороженным зрителям ухоженную миниатюрную блондинку с едва заметными седыми прядками. На вид ей было не больше сорока. Обнаженная блондинка встала так, чтобы между ней и Асгриммуrom оказалась реторта.

Новое облако дыма вылетело из реторты уже в форме колечка (видимо, это Орудие было не лишено чувства юмора), а потом, претерпев те же метаморфозы, превратилось в еще одну обнаженную женщину, посмуглее. Хект решил, что она, должно быть, олицетворяет собой ночь. При взгляде на нее пробирала дрожь.

Первая богиня наколдовала себе наряд, вышедший из моды много веков назад.

Третье Орудие предстало перед ними женщиной с бледно-рыжими волосами.

Вторая богиня проявила больше интереса к моде и облачилась в платье, похожее на платье Вэли.

Последней явилась страшно взволнованная высокая и худая блондинка. На вид она казалась моложе всех остальных.

Ни от одной из них почти не веяло сверхъестественным. Выпусти их в подходящей одежде на улицы Брота, никто бы и внимания не обратил. Ни одна не стала прибегать к чарам. Четвертая казалась самой красивой из всех, но красоту ее нельзя было назвать опасной.

– Фастфаль, Спренгуль, Гаурли и Эавийн, – представил вознесшийся.

– Эавийн нужно немедленно заняться садом, – заявила высокая блондинка, – или же все ваши труды пойдут прахом.

Говорила Эавийн на мертвом языке, но Предводитель Войска Праведных все понял. Слова достигали его разума, минуя уши.

Боги напрямую зависели от ее золотых яблок, но вот уже целую вечность им не удавалось этих яблок вкусить.

Сад Эавийн находился в печальном состоянии, и, вполне возможно, ему не суждено было больше плодоносить.

Хект поглядел на вознесшегося. Что думает Асгриммур? Герис тоже посмотрела на стурлангера и спросила:

– Асгриммур?

– Ничего не поделаешь. Она дала слово. Отпусти ее. Хотя ума не приложу, где она раздобудет столь необходимую магию.

– Ступай, Эавийн, – разрешила Герис. – Остальным не мешать. Встаньте у зеленой черты на полу.

Эавийн вышла. Остальные Старейшие, поджав губы, встали куда было велено. Хект решил, что они проверили Обитель Богов и выяснили, что магии тут нет. Им ничего не оставалось – только держать слово.

Трубка реторты, стоявшей прямо перед Хектом, снова задрезжала. Серебряная фольга чуть отогнулась, стекло под ней стало чернее ночи. Едва-едва, но ощущалась охватившая Прохвоста паника.

Сын Хекта Пелла встал рядом со своей сестрой Вэли, они вместе развернули фальконет и нацелили его на звенящую бутылку.

Орудие успокоилось. Трубку разбить ему не удалось.

– Асгриммур, кто следующий? – спросила Герис.

Вознесшийся и Отродье наблюдали, как Кловен Фебруарен возится с первой ретортой.

– Молот и Зир.

– Рискованно. Почему именно они?

– С Красным Молотом всегда рискованно иметь дело – он по-юношески порывист. А вот с Зиром все ровно наоборот: это самый разумный из Лучезарных, остальные уважают его за мудрость. Бог войны приспособится к ситуации.

– Прапра, все готово? Хорошо. Асгриммур, действуй.

Кловен Фебруарен подошел к вознесшемуся. Пока Асгриммур, положив ладонь на реторту, что-то быстро говорил, волшебник отсоединил от нее клапан.

– Асгриммур, уйди с линии огня! – сдавленным голосом велела Анна.

– Это затруднение можно... – начал было вознесшийся, делая шаг в сторону.

Краска отхлынула от лица Анны, и она ткнула горящим фитилем в запальное отверстие фальконета.

Из посеребренной бутылки вырвалась тень.

Особая картечь разорвала Орудие по имени Красный Молот на куски и разбила бутылку, уничтожив находившуюся там сущность и все остальное, что располагалось между пушкой и стеной. Защитный слой глины на стене порвало в клочья. От выстрела подскочили столы и раскололись кое-какие мелкие стеклянные приспособления. Из-за грохота все ненадолго

оглохли, а тех, кто стоял впереди перед фальконетом, контузило, кто-то даже потерял сознание.

Понимая, что больше некому, Хект взял ответственность на себя и знаками объяснил родным, что нужно перетащить пострадавших за фальконеты. Слух понемногу возвращался.

– Помогите матери перезарядить и перенацелить пушку, – крикнул он Пелле. – О них я позабочусь.

Хотя помочь пострадавшим от залпа он вряд ли мог. Оставалось только ждать, когда они очнутся сами.

Когда Пайпер снова обрел слух, первым, что он услышал, были слова Анны. Она хотела знать, верно ли поступила.

– Конечно верно, дорогая. Демон хотел наброситься на Асгриммура.

– Но...

– Ты все сделала правильно.

Как раз это ей сейчас и нужно услышать.

Преподанный урок не пропал даром. Все богини стояли как громом пораженные.

Вознесшийся поднялся, потирая уши.

– Они только что до конца осознали, что рядом Убийца Богов, – сказал он. – Как ни забавно, именно их страх перед ним и привел к тем событиям, из-за которых Убийца сюда явился.

– Убийцы, а не Убийца, – пробормотал Хект и оглянулся на Гриммсона, у которого словно бы прихватило живот. – В чем дело?

– От Серого Странника мало что осталось, но то, что осталось, охвачено смятением. Красный Молот был его сыном, а Зир – единственным настоящим другом.

Хект посмотрел на культу Асгриммура. У погибшего бога, друга Серого Странника, тоже была одна рука.

– А что Арленсуль?

– Ничего не ощущаю.

– Но ведь Красный Молот приходился ей братом?

– Только наполовину. Как и почти все древние боги. Серый Странник шустрый был малый.

– Ну, не зря же его прозвали Всеотцом.

– Не зря. А еще Арленсуль недолго любила Красного Молота.

– Каково теперь наше положение?

– Все послушают Герис. Для бессмертных гибель гораздо страшнее, ведь никакой загробной жизни они не ждут. Люди рождаются на свет со смертным приговором. Мы знаем о нем, боимся, но принимаем его неизбежность.

– Будем надеяться, Герис действительно получит желаемое.

Хотя Хект и не был уверен, чего же именно она желает.

Сестра совершенно определенно вложила всю себя в это дело.

Прошло еще четыре часа, прежде чем все наконец оправилось настолько, что смогли продолжать. Кое-кто успел перекусить. Бывалый солдат Пайпер Хект вздремнул.

Феррис Ренфрау пытался поговорить с освобожденными богинями, но те отвечали не слишком любезно. Не окажись они в таком шатком положении, никогда бы не стали иметь дело с этим вырожденком Арленсуль, с этим полукровкой.

Перед тем как заснуть, Хект не спускал глаз с Кловена Фебруарена. Безумное мальчишеское чувство юмора старика могло толкнуть его на какую-нибудь глупость.

Герис и вознесшийся успели навести порядок и выкинуть оставшиеся после выстрела обломки и осколки в окно.

Пелла им помогал. Он боялся высоты, но ему нравилось смотреть, как что-то падает.

Хект проснулся и увидел, что Старейших в комнате уже нет. Начал было громко вопрошать, что происходит, но потом осекся. Он просто не привык быть на вторых ролях. Неважно, куда делись Орудия, покинуть Обитель Богов им не удастся.

– Ты как? – спросил Хект у Анны.

– Нормально. Тоже чуть вздремнула, хотя до главного любителя похрапеть мне далеко. Хорошо, что она в состоянии шутить.

– А что с?..

– Я все сделала правильно. Другого выбора не было. Не выстрели я, пальнула бы Вэли. Хект оглянулся на Вэли, и та кивнула.

– Братик, не суетись, – велела Герис. – Она хорошо справляется. Мы все хорошо справляемся. Слух вернулся, никто не пострадал, все сыты. За работу.

– Ладно, Герис, но я не совсем понимаю, к чему ты ведешь. Ты убила Ветроходца, а ведь именно из-за него мы все это и затеяли.

– У Харулка есть родня: Врислакис, Пожиратель Душ Замбакли, Мерзостный Дьордьевайс.

– И что?

– А то, что все эти исчадия изначальной Ночи из-за надвигающихся льдов освободились. И некому им противостоять, ведь Асгриммур заточил Старейших.

– Но Харулк не смог от тебя отбиться.

– Он был один, а я нет. Просыпаются и другие злобные древние силы – Орудия, которые смотрят на все сквозь призму тысячелетий. К тому же лиходеи и нечестивцы из мира смертных нередко помогают им.

– Вот как?

– Помнишь Руденса Шнайделя? Есть те, кто занимается тем же, чем мы сейчас, только намерения у них злые.

Ее воодушевление поразило Хекта.

– Пайпер, ты же знаешь эр-Рашаля аль-Дулкварнена. К скольким воскрешениям он приложил руку? Колдун не уймется, пока не добьется своего. В Коннеке и в Арн-Беду ты расстроил его планы, но сейчас он уже наверняка замышляет новое злодейство.

Хект с удивлением смотрел на сестру.

– Ты знаешь, куда ведет тебя судьба, – продолжала Герис. – На этом пути тебе пригодится любая помощь. – Она махнула рукой в сторону реторт. – Если только наша неуклюжая выходка не настроила их против нас.

– Полагаю, неуклюжесть недорогого стоит.

Герис кивнула, лицо ее помрачнело, но она быстро справилась с собой и подмигнула Хекту.

– Вперед, братик, двигаемся дальше.

– Кто-нибудь проверил, не разбились ли от выстрела соединительные трубки?

– Прапра проверил. У стены все цело. Он приспособил емкость, предназначенную для божественных яиц, и соединил ее с трубкой от разбитой Анной бутылки.

– Но на ней не было двойного клапана.

– Нет, зато был на той, что перед тобой. У той трубки диаметр был больше, она изгибалась вниз перед вторым клапаном, но его отстрелило картечью.

Хект осмотрел емкость, которую приладил Фебруарен:

– Очень уж ненадежно. Чуть что – рухнет. Почему бы не подождать? Выпустим их и посмотрим, что можно сделать с нормальными трубками.

Герис взяла себя в руки и не стала огрызаться, хотя твердо намеревалась быть главной и за все отвечать.

- Прапра, что думаешь?
- На этот раз голова у Пайпера соображает хорошо. Для Прохвоста понадобится двойной клапан.
- Хорошо. Займемся этим.

В следующей партии освобожденных оказалось три богини. Одну из них Хект знал, это была Жена, так ее звали, хотя супругой она тоже приходилась – Серому Страннику.

На глазах у Хекта все трое принесли присягу и поклялись вести себя благонаравно. Асгриммур склонился чуть ближе, когда клятву давала вторая богиня.

– Жатва. Отвечала за зерно и плодородие, – сказал он выразительно, словно о чем-то очень важном. – За ней надо приглядывать. Она была главной женой Красного Молота, а эти Орудия умеют мстить. А самая симпатичная – Старица.

– Осталась одна реторта, – подойдя к ним, сообщил Кловен Фебруарен. – И один горемыка Прохвост в запасе.

Вознесшийся не уловил интонации, с которой волшебник произнес эти слова, и кивнул.

– Последние двое – бог и богиня. Но богиня – мать Красного Молота.

– Думаю, друг Асгриммур, ты кое о чем умолчал, – сказал Фебруарен.

– С чего ты взял?

– Не сходится что-то. Ты вроде как поймал в ловушку всех Старейших, за исключением Орднана и Арленсуль, так выходит?

В комнате воцарилась тишина, и не только в комнате – во всей Небесной Крепости, во всей Обители Богов: Кловен Фебруарен произнес имя, которое не позволялось произносить смертному.

Асгриммура затрясло.

– Старик! Клянусь яйцами Аарона! Поостерегся бы ты!

– А что? Его ведь больше нет – остался лишь призрачный шепот.

– Имена обладают огромной силой.

– Основная аксиома волшебства. Итак, не назвать ли тебе парочку имен тех, кого мы не найдем среди освобожденных Орудий, – не унимался Фебруарен.

– Не понимаю.

– Едва ли. Я, пока болтался с Железноглазым, не только байки травил да старался его перепить.

Герис встала за спиной у Асгриммура, вид у нее был весьма удрученный.

– Прапра, что-то стряслось?

– Возможно. Старая история. Но я пока не готов утверждать, что нас надули.

– Прапра!

– Ладно же! У нас тут кое-что не сходится.

– Что именно?

– Я выспросил у Железноглазого о Старейших все, что только смог. И остается еще целая куча богов и богинь, которые не попали в карманную вселенную, запечатанную Асгриммуром. Если допустить, что здесь было заточено действительно лишь двенадцать Орудий. А так утверждали элен-коферы.

Асгриммур обмяк.

– Это правда, – признался он. – Я должен был заметить. Но правда и то, что именно эти двенадцать Орудий были здесь, когда я запечатал Обитель. Думаю, получилось это благодаря отцу Корбана. Кажется, он присутствовал. Я помню не очень ясно.

– Асгриммур, я изучил северные мифы, – сказал Фебруарен. – Что-то в твоей истории не так.

– Старик, в каждой религии есть свои несоответствия. Мы по доброй воле даем себя ослепить. Что именно тебя беспокоит?

Чем больше наседали волшебники, тем больше тревожился вознесшийся.

– Прохвост.

– Хм... И что же?

– История Старейших весьма запутанная и долгая, да к тому же полна упомянутых несоответствий. Старейшие сокрушили изначальные Орудия: Харулка, Врислакиса и их родню. Но в те времена Серый Странник не был верховным богом Лучезарных, у него имелись отец и дед, а также братья. И все вместе они создали срединный мир и людей. Зир появился раньше многих Старейших. Он, вполне возможно, был другом еще Орднана деда. Гномы утверждали, что раньше он был более важным божеством. А потом случилась Война Богов: Лучезарные против Ранулов. Победили Лучезарные, но Ранулы не погибли: кое-кто из них перебрался сюда и сам стал Лучезарным, а остальные остались где-то неподалеку. Здесь не хватает их и еще кучи изначальных Старейших. Да еще вопрос с Прохвостом.

Асгриммур медленно и глубоко вдохнул, а потом медленно и шумно выдохнул.

– Раз тебе все это известно, старик, то ты, несомненно, знаешь и то, что отсутствующие здесь Орудия следует искать в Юсериме.

– Этого названия я не слышал. Железноглазый о таком не упоминал.

– Мы говорили о Девяти Мирах, но побывали лишь в этом, срединном мире и мире элен-коферов. Скорее всего, твои пропавшие боги и богини скрываются в мире Ранулов, где им не грозит Убийца Богов.

Асгриммур вроде бы и ответил на вопрос, но ответ этот никого особенно не устроил, ведь человеку свойственно искать во всем скрытые смыслы и мотивы.

– Прапра, это все страшно интересно, но, может, все-таки сперва покончим с нашим делом? – поинтересовалась Герис.

– Хорошая мысль. Но сначала следует убедиться, что дело не покончит с нами. Асгриммур, как насчет Прохвоста?

– А что с ним?

– Он ведь тут?

– Тут.

– Как это получилось? Я думал, его вышвырнули из Обители Богов, потому что он сыграл злую шутку с другими Старейшими.

– Не знаю. Вероятно, уговорил пустить его обратно, когда пал Всеотец.

– Прапра, как бы он сюда ни попал, он тут – и надо с ним разобраться.

– Я и стараюсь разобраться. Думаю, не помешает узнать, почему он вернулся.

– Потому что рассчитывал взять реванш, раз Серый Странник больше на пути не стоит. Хочешь все разузнать – проверь, не подставил ли Прохвост Орднана. Только займись этим в свободное время.

– Думаю, из-за победы над Харулком у нее началась мания величия, – пожаловался Кловен Фебруарен, глядя на Хекта.

Тот не улыбнулся в ответ. Пайпер устал, переволновался и хотел наконец выбраться из этого преддверия ада.

– Давайте закончим поскорее и вернемся домой.

– И ты туда же? Ладно. Во всем виноват ее отец Грейд Дрокер. О доме не волнуйся, там время идет медленнее, по тебе еще соскучиться не успели.

Так, теперь старик решил его позадирать.

Но Хект не намерен был играть в эти игры.

Споря друг с дружкой, Герис и Фебруарен в сопровождении Ферриса Ренфрау еще раз обошли реторты, выискивая слабые места.

– Асгриммур? Готов? – спросила Герис.

– Прости. Наверное, замечтался.

А замечтался Асгриммур как раз тогда, когда Герис предположила, что именно Прохвост, возможно, и виновен в несчастьях Серого Странника.

Хект внимательно следил, как вознесшийся беседует с оставшимися двумя Старейшими. Вот бы найти способ проверить, насколько сильны живущие внутри стурлангера призраки.

3

Люсидия, Тель-Мусса

Вот уже целый месяц в сторожевой башне Тель-Муссы то начинались лихорадочные приготовления, то воцарялась скука. Генерал Нассим Ализарин по прозвищу Гора все больше и больше злился. Наверное, сам Господь испытывал его.

Терпению Нассима пришел конец. Его вера ослабла.

Ализарин целыми днями просиживал на самой высокой башне, обдуваемой горячими ветрами Идиама. Его люди натянули над балконом навес, чтобы их старый командир воевал со своими призраками и совестью в тени.

Раньше Нассим Ализарин был великим военачальником ша-луг – могущественных воинов-рабов Дринджера, и выше его стоял только верховный командующий Гордимер Лев. Но потом Гордимер по неизвестной причине позволил убить сына Нассима Хагида, и Нассим взбунтовался. Поэтому теперь он был здесь, став орудием в руках врагов Дринджера.

Теперь-то Ализарин понимал: в убийстве его сына верховный главнокомандующий виновен лишь тем, что проявил безразличие. Наделенные властью часто бывают слепы, вот и Гордимер превратился в послушную марионетку в руках колдуна эр-Рашалья аль-Дулкварнена.

Именно Рашаль Шельмец и приказал убить Хагида. За это он еще заплатит.

Пока же Гора служил каифу Каср-аль-Зеда и надеялся повлиять на других недовольных ша-луг и заставить их изгнать Гордимера и эр-Рашалья.

Каср-аль-Зеду Ализарин помогал весьма умело, а вот с переворотом в Дринджере дела обстояли не так хорошо.

Теперь Горе поручили контролировать сообщение между Люсидией и Святыми Землями, чтобы рыцари-чалдаряне не знали, что именно происходит в Обители Мира.

Индала аль-Суль Халаладин бросил почти все силы каифата Каср-аль-Зеда на Большую войну и вторгся в Дринджер, пытаясь объединить каифат Аль-Минфет с каифатом Каср-аль-Зед, чтобы обратить их совокупную мощь против воцарившихся в Святых Землях безбожников.

Индала одерживал ошеломительные победы и терпел ужасные поражения: захватил Аль-Кварн и почти все храмы Аль-Минфета, взял в заложники каифа Касима аль-Бакра, но так и не одолел Гордимера Льва и не покончил с эр-Рашалем аль-Дулкварненом. Верховный дринджерийский командующий расположился на западе от реки Ширн и при помощи разных маневров пытался спровоцировать схватку, чтобы воспользоваться всеми доступными ему преимуществами.

Это хождение по кругу продолжалось вот уже несколько недель. Индала не поддавался – тянул время и надеялся дожидаться, когда силы Гордимера начнут таять. Нассим подозревал, что подобное может случиться и с самим Индалой, причем еще раньше. Войска аль-Суль Халаладина забрались дальше от дома, чем их враги.

Пусть его и покинут все остальные, но у Гордимера останутся вымуштрованные и опытные ша-луг.

Совесть не давала Нассиму покоя. Он опасался, что дело его уже не правое, и более того – догадывался, что Индала хочет сделать его верховным главнокомандующим Дринджера только для видимости, чтобы управлять им, как ему захочется.

Почему каифаты не могут объединиться против неверных и при этом не набрасываться друг на друга?

– Что такое, Мокам? – Нассим даже не повернулся, чтобы посмотреть, кто поднялся к нему на башню.

В ночном небе горели звезды.

– Вы видели, как прискакал всадник, генерал?

– Видел.

– Он принес вести от наших друзей в Вантраде. Черный Роджерт выступил.

– Наконец-то. Чего же нам ждать?

– У него в отряде более четырех сотен.

– Все вооруженные воины?

– Двадцать четыре рыцаря, в основном из Братства Войны, сквайры, офицеры, слуги и так далее. Остальные – пешие наемники, завербованные среди паломников, явившихся поклониться святыням неверных. Несколько женщин и детей, – доложил Мокам.

– Где это Роджерт раздобыл деньги на наемников? Они точно потребуют плату вперед, он ведь уже обманывал раньше наймитов и гизелов-фракиров. Братство Войны денег ему не даст: они, видимо, только присматривают за ним и держат в узде, но не помогают.

Гизелами-фракирами называли праманские племена, которые заключали союз с арнгендскими захватчиками, в основном чтобы насолить своим врагам, против этих захватчиков и выступавшим.

– Деньги взялись оттуда же, откуда и назначение в Гериг. От королевы Клотильды.

Королева Вантрада Клотильда, будучи с Черным Роджертом в родстве и, возможно, его любовницей, славилась такой же порочностью, как и он.

К своему мужу, королю Вантрада Берисмонду, который был на четырнадцать лет моложе ее, Клотильда не испытывала ничего, кроме глубочайшего презрения. Он страдал несколькими недугами, не самым безобидным из коих была его супруга, и не отличался сильным характером.

Молодой король считался правителем чалдарянских государств, завоеванных западными рыцарями в Святых Землях, но в последнее время власть его и правда сделалась совершенно условной. Его слабостью вполне успешно пользовались несколько графов и князей, хотя главной змеей оставался, конечно, дю Танкрет.

Нассим думал о безволии, кротком нраве и доверчивости мальчишки-короля.

Любой другой, менее кроткий и доверчивый монарх, уже давно велел бы перерезать пару глоток.

– И зачем я спрашиваю? Кто еще может снабдить его деньгами! Смею ли я надеяться, что она едет с Роджертом?

– Пока еще она не так низко пала, но не удивляйтесь, если услышите, что королева вдруг решит объехать свои владения и заглянуть по пути в Гериг.

– Нам известно, как именно поедет Роджерт?

– Нет, – признался Мокам. – Но дорога определит его выбор.

Пока Нассим не прекратил торговое сообщение, между Люсидией и Дринджером снова бесчисленные караваны, иногда настолько большие, что их сопровождали тысячи стражей. И каждый год в путь отправлялись тысячи паломников – правоверных и не только, ведь Святые Земли еще до Праманского Завоевания принадлежали чалдарянам, дэвам и дейншокинам.

Когда в Гериге правил Роджерт дю Танкрет, он не гнушался нападать на караваны – убивал тысячи паломников, и среди прочих – послов и даже своих собственных единоверцев, забирая их добро и милуя лишь тех, за кого можно было получить выкуп от родни или хорошую цену на невольничьем рынке.

Однажды Черный Роджерт захватил родственниц самого Индалы и дурно с ними обошелся.

Роджерт похвалялся, что это именно он замыслил тот поход в пустоши Пеквы, во время которого были осквернены святыни, связанные с Предвестниками. Мерзавец вопил на каждом углу, что поход этот не последний и в следующий раз он сотрет с лица земли все святые места правоверных.

Почти всем праманам Роджерт дю Танкрет представлялся воплощением врага.

– И все же что полезного нам известно? – спросил Нассим.

– Как я и сказал, ему придется следовать от одного источника к другому.

В Святых Землях ничто не оставалось тайной надолго: кто бы что ни делал, это сразу же подмечали сторонние наблюдатели. Многие местные жители воспринимали как захватчиков и разбойников не только чалдарянских рыцарей, но и правоверных и помогали одной из сторон, если их к тому принуждали или если им платили, хотя сами в борьбу не ввязывались.

Новости о возвращении Черного Роджерта распространялись быстрее чумы. Дю Танкрета ненавидели все.

И никто не донес, что через пустынные земли тайком пробираются небольшие отряды люсидийцев в сопровождении навьюченных верблюдов. Во всяком случае, не донес рыцарям и монахам из Братства Войны.

Роджерт дю Танкрет полагал, что в тени чалдарянских государств ему ничто не грозит, да и отряд его скорее походил на небольшую армию. Впереди и позади ехали разведчики – необходимая мера предосторожности даже в мирное время. А вот с флангов дозорных выставили недостаточно далеко.

У дю Танкрета было поразительное чутье на опасность, грозившую ему лично. Утверждали, что он одной ногой увяз в Ночи – в самой темной ее части.

Вот уже несколько часов ему было не по себе.

Из-за каменных завалов внезапно полетели стрелы и длинные копья, а следом ринулись с воплями две сотни люсидийцев. Копья ломались, и нападавшие хватались за мечи. Но прамане не собирались упорно сражаться: быстро нанесли максимальный урон (целили прежде всего в рыцарей), а потом отступили.

Чалдарянские преследователи загнали их в теснину, там прамане развернулись и принялись было отбиваться, но отступили под натиском солдат дю Танкрета.

И тогда ряды нападавших выкосили фальконеты Нассима Ализарина.

Черный Роджерт обуздал своих людей и заставил их отступить. Враги попытаются снова заманить его в ловушку, но он не поддастся. Дю Танкрет побросал погибших и кое-кого из раненых и снова пустился в путь.

– Хотя бы кому-нибудь удалось подобраться к нему близко? – спросил Нассим.

Кое-кто из солдат заявил, что видел, как его стрела вонзилась в щит Черного Роджерта, но никому не удалось пробиться поближе и воспользоваться мечом или копьем.

– И при этом его никто особо не защищал, – добавил Мокам.

– Они его любят не больше нашего, – проворчал аль-Азер эр-Селим. – Ночь его любит, вот что.

- Ты что-то пытался сделать? – спросил Нассим аль-Азера, своего мастера призраков.
- Лошадь его пугал, но она и ухом не повела.
- Да он самому ворогу родной брат, – проворчал старик Костыль.

О Роджерте такое говорили не впервые. Ему, совершенно очевидно, сопутствовала сверхъестественная удача.

– Наши доложили, что им удалось семнадцать человек убить и тридцать ранить, – сообщил Мокам. – Уже учли преувеличения. Может, и еще удачнее вышло.

– Не так хорошо, как я надеялся, – прорычал Нассим.

– Они не ударились в панику.

– А я на это рассчитывал.

Если бы чалдаряне обратились в бегство, вышло бы грандиозное побоище.

– Отправьте назад отряд дозорных, – распорядился Нассим. – Пусть ищут раненых – кого еще можно допросить.

– Будем считать, нам повезло: Черный Роджерт не тратит времени даром и не хоронит своих мертвецов, – заметил аль-Азер.

– И тем самым наживет себе еще больше врагов.

Нассим появлялся то слева, то справа от чалдарянского отряда – так, чтобы поднять как можно больше пыли, – и устраивал небольшие налеты. Горе предлагали отравить колодцы на пути у врага, но он не захотел настраивать против себя местных жителей, которые пили из этих же источников.

Рыцари добрались до Герига с потерями меньшими, чем надеялся Гора.

Нассим вернулся в Тель-Муссу, где его ждали вести из Дринджера: в пустыне на западе от Ширна, рядом с деревенькой под названием Патель, должна была произойти грандиозная битва.

Но вестям была уже целая неделя, а новые еще не дошли.

4

Альтен-Вайнберг, императрица

Элспет Идж, императрица Новой Бротской Империи, стояла перед высоким зеркалом в одном исподнем.

– Хильда, я дурнушка?

Элспет знала: она недостаточно пухленькая, но в остальном никак не могла решить, что же думать о собственной внешности.

– Вопрос не назовешь честным.

– Почему это?

– Потому что императрица никоим образом не может рассчитывать на мой правдивый ответ.

Элспет нахмурилась. Хильда Дедал уже целую вечность была ее главной фрейлиной, и они давно стали подругами – разумеется, в той мере, на какую осмелились. Хильда знала о навязчивых идеях Элспет и о ее неуверенности в себе, которая во многом была связана именно с внешностью.

– Избавьте меня от своих философских рассуждений. Мне просто нужен честный ответ.

– Если я назову вас красавицей, каких поискать, вы не поверите и начнете обвинять меня в том, что я говорю лишь то, что вы хотите услышать. А скажу, что вы невзрачны, снова последуют обвинения в...

– Хильда! Несносное вы создание!

– Это я-то? Хильда Дедал Аверанжская? Несносное создание? Может, все потому...

– Прекратим этот разговор.

– Сначала вы, Элспет.

– Хильда, я в ужасе. Когда дойдут вести...

– Рядом с вами будут капитан Дриер и браунскнехты – все браунскнехты. Теперь они ваши. А еще у вас будет Предводитель Войска Праведных, не говоря уже о Феррисе Ренфрау. Если старики попытаются вас обойти, единственный законный претендент на ваше место – сумасшедшая тетушка Аньес, а она даже не знает, какой нынче век на дворе.

– Может, им как раз того и надо.

– Довольно. Ваша беда не беззащитность, а время: слишком много свободного времени, вот и суетитесь, переживаете, забиваете голову всякими глупостями.

Элспет никак не хотела видеть того, что отражалось в зеркале, а отражалась там не писаная красавица, но стройная молодая девушка с каштановыми волосами, гораздо более миловидная, чем многие ее сверстницы.

– Хильда, я не хочу становиться императрицей.

– Последним из Иджей, кто стремился на это место, был ваш отец. И, судя по рассказам моего отца, во вкус он вошел только лет через десять.

– Почему исподнее вечно такое тяжелое и жесткое?

Леди Хильда уже привыкла к тому, что Элспет резко переключает внимание и перекакивает с темы на тему.

– Потому что его чаще приходится стирать. Видели бы вы, на какие ухищрения вынуждены пускаться прачки. Удивительно, что его еще не из железа кроют.

– И почему это вы всегда такая прямолинейная и разумная?

– Кто-то же должен уравнивать...

– Проклятье! Мне нужно...

– Нет, не нужно. И вообще, вот поддамся чувствам, брошу вас и отправлюсь домой мужа терзать.

– Что-что?

– Подумываю обзавестись еще одним отпрыском.

– Прекратите.

– Госпожа ва Кельгерберг прекрасно бы меня заменила. Все тонкости ей известны.

– Да что вы, в самом деле! Перестаньте!

Леди Хильда чуть сменила тактику, но униматься и не думала – она хотела развеять мрачные мысли Элспет.

– Что станете делать с Предводителем Войска Праведных после официальной коронации? Тогда он будет в полном вашем распоряжении.

– Вы забываетесь.

– Предводитель, Войско Праведных, священный поход Катрин – вот о чем вам нужно думать.

– Подумаю. Уже подумала.

– И что же?

– Хильда, я – девственница и намерена умереть девственной.

– А вот теперь вы совсем уж чепуху мелете. Скоро на рынке невест ваша цена взлетит до небес.

Это была правда, и Элспет об этом знала, но и решение свое менять не собиралась. Ее постоянно будут склонять к замужеству: старикам подавай наследника.

– Где они, Хильда?

На этот раз даже леди Хильда потеряла нить разговора.

– Они? О ком вы, Элспет?

– О Ренфрау. О Предводителе Войска Праведных. Почему не явились помочь мне?

– Явятся, но прямо сейчас они в Фиральдии разбираются с последствиями блестящей имперской победы.

Элспет места себе не находила.

Она чувствовала себя самозванкой, терзалась от неуверенности. Неужели же Элспет Идж заслуживает того, что Господь, судьба или Орудия Ночи сами вложили ей в руки?

– Хильда, я боюсь. Легко мечтать, что станешь великой императрицей, но вот когда все по-настоящему...

Куда же они запропастились?

Принцесса не чувствовала себя такой беззащитной, даже когда сестра отправила ее в изгнание в надежде, что Элспет сделает всем одолжение и умрет.

5 Коннек, Антье

Граф Реймон Гарит был искусным военачальником и правителем и умел убеждать других в своей правоте. Его несколько раз отлучали от церкви разные патриархи. Ужасная кара для епископального чалдарянина, но граф Реймон и в ус не дул. Ведь его отлучали те патриархи, которых в Коннеке не считали законными, так зачем обращать внимание?

Однако в последний раз графа отлучил Безмятежный, а он стал законным патриархом, хоть и с помощью взяток. Безмятежный, или Бронт Донето, затаил на Коннек злобу. Но и его булла была не совсем законной: Донето ведь изгнали из Брота.

Хотя даже в изгнании у Безмятежного оставались друзья и влияние. Особенно рьяно его поддерживала Анна Менандская, за которой стояла мощь арнгендских войск.

– Пока нужно тянуть время, – сказал Реймон Сочии, когда они лежали в постели. – Вот вернется домой Анселин – там многое изменится.

– А почему же ты... Ой! Точно мальчик будет: так и рвется наружу.

– Почему же я – что?

– Думаешь, что Анселин станет что-то менять? Ты разве его знаешь?

– Нет, но знаю, в каком он положении. Шпионы в Салпено все разнюхали.

– Что разнюхали?

– А то, что новый король Арнгенда вполне может сделаться нашим лучшим другом лишь потому, что его мать нас ненавидит.

О разладе между матерями и сыновьями Реймон Гарит знал не понаслышке.

– Ой! Уже скоро! Твой крошка-байстрюк вот-вот выпрыгнет наружу.

Эта шутка Сочии была направлена против Брота и епископальной церкви, ведь их с Реймоном брак не одобрил патриарх, но Гарит шутке не улыбнулся.

– Изъясняйся понятнее, – продолжала Сочия, пытаясь перевести мысли мужа на то, что его беспокоило.

– Анна всегда дурно обращалась с Анселином, открыто отдавая предпочтение Регарду. Ходят слухи, это все потому, что его настоящий отец не Шарльв Полоумный. Но Регард погиб, а Анна своими интригами сама сделала Анселина единственным наследником.

Реймон положил руку Сочии на живот – нежно-нежно, словно перышком погладил. Кожа на животе натянулась и блестела, пупок торчал, будто вот-вот выскочит.

– Так что же – Анселин назло ей станет поступать наперекор?

– Кое в чем. Может быть, почти во всем. Но ему ведь придется иметь дело не только с матерью. И ему не позволят делать что вздумается. – Реймон долгое время смотрел на живот Сочии. – Вполне возможно, сразу после коронации Анну Менандскую упекут в монастырь.

– Она изворотливая, – отозвалась девушка, которой трудно было сосредоточиться на беседе, потому что ребенок разошелся не на шутку. – Ты думаешь, мы победили.

Ничего такого Реймон Гарит не думал.

– С такой точки зрения я на ситуацию не смотрел. Но может, ты и права. По крайней мере, у нас будет передышка.

– А почему вдруг такое разочарование?

– Жизнь наша сильно изменится, если на нас и наше имущество перестанут покушаться.

– Принеси попить. Нет! Господи, только не вина! Воды или пива. Знаю! Принеси воды, которую благословил совершенный! – потребовала Сочия, а потом, напившись, сказала: – Пришла пора звать госпожу Алексинак, – и застонала. – Боль на этот раз сильная. А! – Девушка едва сдержала крик. – Любовь моя, зови повитух! И совершенного.

Сочия и понятия не имела, чем в такой ситуации поможет старик Свечка, но он был рядом в самые важные моменты ее жизни. И сейчас пусть будет рядом, особенно если что-нибудь пойдет не так.

Сочию охватил испуг, и внезапно брат Свечка ей отчаянно понадобился.

– погоди! Еще кое-что. Если я умру, на ком ты женишься?

Реймон Гарит не был большим знатоком по части женщин, но из этой ловушки сумел выскользнуть.

– Ни на ком, сердце мое. Буду растить сына и чтить твою память.

Не лучший ответ, но худо-бедно сгодился для того, чтобы успокоить жену.

– Вот болтун. Иди зови повитух.

Первый раз брат Свечка увидел новорожденного Люмьера в комнате, куда набилась куча женщин. Кого-то из них он знал, кого-то нет: из знакомых там были Кедла Ришо, госпожа Алексинак и несколько дам, представляющих небольшой двор графа Реймона, а из незнакомых – кормилица и мать Реймона, явно не одобрявшая происходящее. Теперь ее звали сестра Клэр. Последние двенадцать лет бывшая графиня провела взаперти в монастыре, а нынче по настоянию сына явилась взглянуть на своего первого внука.

В присутствии Реймона сестра Клэр ничего не говорила, но ее расстроило, что собралось столько еретиков и ведьм, да и выбор сына она не одобряла: эта соплячка из приграничных земель мало чем отличалась от простой крестьянки.

Брат Свечка держался с сердитой старой монахиней любезно, но его охватило легкое недоумение: Реймон о матери ни разу не упоминал; очевидно, он не слишком-то ее любит, так зачем же звать?

Реймон Гарит руководствовался весьма непростыми моральными принципами собственного изобретения и не всегда мог даже сам себе их объяснить.

Это уже потом Бернардин расскажет совершенному, что Гарит подозревал мать в причастности к гибели отца – тот умер, когда Реймон был еще совсем мальчишкой. Возможно, графиня изменяла мужу. Такие истории слагают коннекские трубадуры, только вот в этой все пошло наперекосяк. Или же дело было в религии. Дальше копать Бернардин не стал.

Сочия сидела в постели. Две женщины пытались привести ее в божеский вид. В юной графине вдруг взыграло тщеславие?

– Совершенный, я так рада. Идите сюда. Гоните с дороги этих старых ворон.

Гнать никого брат Свечка не стал и очень осторожно приблизился к кровати. Среди присутствующих легко было определить майсалянок и чалдарянок. Но вот понять, какие из чалдарянок поддерживают Брот, а какие почившего в бозе вискесментского патриарха, было уже сложнее. Епископальных чалдарянок присутствие Свечки оскорбляло: мало того что мужчина, так еще и еретик.

Сочия подлила масла в огонь – похлопала по постели рядом с собой и сказала:

– Садитесь. Взгляните на него. Как он вам?

Монах сказал, что думал:

– Он должен быть в материнских руках, пить материнское молоко.

В комнате воцарилась тишина. Женщины изумленно уставились на старика, да и Сочия не особенно обрадовалась его словам.

– Сочия, ты его мать, так будь ею. Не дай тщеславию встать между вами. И всему остальному тоже. Сестра Клэр, вы ведь не сами вскормили Реймона? – Замечание Свечки угодило прямо в цель. – Сочия, это прекрасный мальчик, безупречный во всех отношениях. Если вырастить его должным образом, он станет достойным наследником графу Реймону.

Сочия сердито кивнула. Она не раз слышала рассуждения брата Свечки о том, почему столько вельможных сыновей вырастают злодеями или просто неумехами.

С этим трудно было поспорить: зачастую великих и любимых подданными владык сменяли на троне дурные наследники.

– Рианна, дайте сюда дитя, пожалуйста, – велела Сочия и, принимая ребенка из рук кормилицы, сказала: – Совершенный, я назову его Люмбером.

– Чудесно. Дай Боже, чтобы он вырос достойным своего имени.

Мать Реймона, скрипя зубами, что-то пробормотала себе под нос, но негромко – чтобы не навлечь на себя порицание. Ее, скорее всего, предупредили заранее.

Свечка вздохнул. Религиозные разногласия – такое сумасшествие. Когда иноземные захватчики не трогали Коннек, тут все шло так же гладко, как при Древней Империи.

– Вы, конечно же, станете его воспитателем, – заявила Сочия.

– Мудрое ли это решение? Мне уж недолго осталось.

– Мудрое? Не знаю. Но правильное, и я так хочу. Хотите поддержать?

Ребенок успел заснуть, уткнувшись в грудь матери.

– Я непременно его уроню! Еще головой стукнется об пол.

– Не уроните! С Кедловыми-то малявками как-то управлялись.

– Если уронить ее бесененка, на тебя не накинется огнедышащий граф. Кстати, об огнедышащих графах, где Реймон?

– Не знаю. Видела его после родов. Реймон сказал, нужно возглавить дозорный отряд. Что-то стряслось возле Дешара, неподалеку от Вискесмента. Может, Анна и Безмятежный шалят.

Брат Свечка нахмурился. И это в день рождения сына? Отряд мог бы возглавить и Бернардин.

Нужно Реймону научиться доверять дела другим.

В Сочии мигом проснулось любопытство. Когда речь заходила о политике, а Анна и патриарх – это точно про политику, она тут же забывала о Люмбере.

Старик взял ее за руку и не отпускал, внимательно изучая собравшихся здесь женщин.

То, что он увидел, не слишком его обнадежило – вряд ли Люмбера сумеют тут воспитать.

Мальчик, как и его отец, сблизится лишь с двумя женщинами – собственной кормилицей и няней. Его научат ставить их ниже себя или тихо презирать, и со временем он начнет относиться так ко всем, кто ниже его по положению.

Каким-то чудом графу Реймону удалось не поддаться этому пороку.

– Сочия, ты же меня знаешь, я мрачно смотрю на жизнь. Не принимай близко к сердцу мои угрюмые размышления о будущем Люмбера.

Свечка принял решение: ради этого младенца он не вернется в Сен-Пейр-де-Милеж, но останется в Антье.

И быть может, пока Господь не призовет его к себе, монах успеет научить мальчика осознавать реальность.

– Мрачно смотрите на жизнь? Да вы, пожалуй, слишком уж радужно на нее смотрите в нынешние-то суровые времена. Мы вас еще удивим. Зарубите себе на носу: вы остаетесь тут, пока Люмбер не вырастет и не станет мужчиной.

– Быть может, именно столько времени мне и нужно будет, чтобы снова стать совершенным, я ведь перестал им быть, как раз когда тебя встретил.

– Вечно-то вы со своими заумными рассуждениями и шуточками. Давайте берите его. Я настаиваю.

Интонации, прозвучавшие в голосе Сочии, совершенного обеспокоили.

Он взял младенца. Тот немедленно открыл голубой глаз. Глаз этот толком не мог еще ни на чем сфокусироваться, но брат Свечка вообразил, что малыш его запоминает.

Такие маленькие крохи похожи на сверхъестественных созданий.

6

Обитель Богов, Тирания Ночи

Все Старейшие приняли человеческий облик. Даже Асгриммур не знал, виновато ли в этом присутствие людей, или Орудиям просто так удобнее. Кое-кому из богов трудно было удержать форму, и время от времени они начинали мерцать. Возможно, именно поэтому во времена расцвета северных богов их и прозвали Лучезарными.

– Магии нет! – пожаловалась одна из красавиц. – Волшебство пропало.

Почти все Орудия к тому времени вышли из Небесной Крепости, но кое-кто остался наблюдать за смертными. Пайперу Хекту было весьма не по себе: во-первых, давала о себе знать попорченная вера, во-вторых, он боялся за родных, хотя Асгриммур и уверял его, что все будет хорошо.

– Старейшие понимают, что просто перешли из тюрьмы поменьше в тюрьму побольше. Они погибнут, если этот мир так и останется закрытым. Чтобы выжить здесь, нужна магия, а магии нет. Начнут выкидывать фокусы – им отсюда не выбраться. Этот мир сжимается и со временем делается не больше булавочной головки.

– Это элен-коферы подстроили? Вот проходимцы!

– Виноваты боги: именно они придумали, как тут все должно быть устроено, а элен-коферы просто выполнили заказ.

Хект решил в эту тему не углубляться: даже самые невразумительные вещи оказываются правдой, если речь идет о Ночи.

В комнату вошла Жатва. На ходу она жевала нечто напоминавшее дичок-переросток странной формы.

– Первый урожай Эавийн. Не очень-то яблочки удались, но сойдет пока, – сказала она и неторопливо обошла зал, с любопытством заглядывая всем через плечо.

Хекту и самому было любопытно. Когда это Жатва успела бегло заговорить по-фиральдийски? Значит, яблоки и правда действуют.

Отродье, Кловен Фебруарен и Герис подготовили к отправке первую партию оставшихся от сраженных Орудий яиц: в стеклянной емкости уже лежало более ста фунтов этого добра.

От вознесшегося толку было мало. Его сильно потрясло предположение о том, что гибель Всеотца, возможно, была подстроена. Неужели и им самим кто-то манипулировал? Как это ему, только что вознесшемуся и охваченному безумием Оудию, удалось создать закрытую вселенную и загнать туда двенадцать богов?

Асгриммур пытался обсудить все это с Герис, но ей было не до того.

– Перестань уже мучиться из-за прошлого, – наконец проворчала она. – У нас есть неотложные дела. Прохвост очутился здесь, потому что тот, кто засел у тебя внутри, бросил на это все остатки своих сил. А теперь помощи-ка с дробилкой.

Некоторые яйца покрупнее не пролезали в трубку, и Герис собиралась их разбить – от сильного удара они разлетались на куски.

Анна с детьми тоже помогали – убирала из комнаты те инструменты и материалы, которые были больше не нужны. Лучезарных их равнодушие злило.

Два больших и еще теплых яйца положили на отдельный стол и весьма недвусмысленно нацелили на них фальконеты. Герис сказала, что еще можно обратить вспять то, что произошло с этими двумя Старейшими.

Хект с радостью бы их уничтожил. Создания Ночи, все до единого, бросали вызов его вере – и той, что он принял в детстве, и той, что усвоил позже, перебравшись на запад.

Умом-то Пайпер понимал, что все, что связано с Ночью, правда, но сердце отчаянно не желало верить. Бог один, и нет другого!

– Пайпер, ты что? – спросила Герис.

– А?

– Снова в облаках витаешь среди бела дня.

– Приходится, здесь же не темнеет никогда.

Пайпер оглянулся на дверь. На окрашенном зеленом пятачке стояли с полдюжины Старейших – точь-в-точь обычные люди, только одеты допотопно. Среди прочих одна из матерей Красного Молота (в разных мифах эта честь приписывалась разным богиням), его жена и дочь этой самой жены, рожденная неизвестно от кого.

Хекту от них было не по себе.

У народов, поклонявшихся Старейшим, были довольно странные представления о справедливости.

– В мире, где все живут по закону «око за око», последний уцелевший как раз и держит всех за яйца.

– Что такое, Пайпер? – удивилась Герис.

– Ничего. Вспоминаю слова Пинкуса Горга, – отозвался Хект и посмотрел на родных.

Они устали, хоть и не физически. Пелла по очереди подменял сестер и Анну на пушках. Мальчишка вполне мог всех удивить, когда забывал о своих замашках.

– Сколько еще времени сидеть на фальконетах? Асгриммур говорит, они нам больше не нужны, но меня терзают сомнения. Все думаю: вот была бы потеха, возьми Старейшие верх.

– Ты как раз потому и появился, что Орудия вот уже тысячи лет берут верх, – отозвался Кловен Фебруарен. – Поживи чуток с ними, и поймешь ход их мыслей. Немалую роль тут играет тот простой факт, что смерть никогда не случается с ними.

– Все должно измениться, – ответил Хект.

– Перемены начались сотни лет назад. Но боги все неверно истолковали, именно потому все мы здесь сегодня и оказались.

– Прапра, ты зачем пришел в разговор встречать?

– Хотел сказать: надо работать дальше и не волноваться о каких-то там глупых прилипаниях.

– Ваш намек не понял. Если он, конечно, был, этот намек.

– Прекрати волноваться о богах. Они не смогут нам помешать – это же чистой воды самоубийство. Вы их приперли к стенке: крути как вздумается, хочешь так, а хочешь сяк.

Хекта слова волшебника не слишком-то убедили, но потом он вспомнил, что Старейшие уже и так находились в своем персональном раю, специально созданном элен-коферами. Самоубийство не гарантирует им никакой чудесной посмертной жизни.

Насланные ворогом сомнения, словно зловредные муравьи, подтачивали основание его веры.

– Если я правильно поняла прапра, можно отпустить Анну с детьми. Осталось только скинуть мусор в навозную кучу, – сказала Герис и махнула рукой. – Ренфрау, займемся этим.

– Как пожелаешь.

Отродье отвернул клапан. И вот уже тысяча янтарных горошин – самые маленькие размером с булавочную головку, а самые большие до дюйма в обхвате – покатались вниз по

трубкам из посеребренного стекла. Следом за ними катился серебряный шарик, чтобы ни одному созданию Ночи не удалось проскользнуть назад.

Отродье снова закрыл и открыл клапан. Горошины и шарик исчезли в Асгриммуровой карманной вселенной.

– Первая партия готова, – обрадовалась Герис. – Теперь надо перемалывать и колоть. За час управимся, а через два уже будем попивать элен-коферовский эль.

Хект снова оглянулся на родных:

– Ты уверена, что обойдешься без поддержки?

– Вот ты и останься. Возьми себе фальконет, – велела Герис и шагнула вперед мимо него. – А вы, господа боги, если вздумаете вдруг пошалить с нашими смертными девчонками, помните: их мать, отец и тетка уже прикончили четыре могучих Орудия.

Не четыре, а больше, но Хект не собирался запугивать богов. И Герис бы не мешало вспомнить о здравом смысле. Она что, не замечает, что почти все здесь присутствующие не боги, а богини.

Хекта удивила неожиданная забота сестры о Лиле и Вэли.

Кое-кто из богов действительно славился своей распушенностью. В древних северных мифах и верованиях целомудрие, непорочность и верность ценились гораздо меньше, чем среди последователей Аарона Чалдарянского. Чалдаряне же, в свою очередь, придавали этим добродетелям меньше значения, чем прамане: те готовы были закидать камнями любого, кто даже только помыслил о совокуплении с кем-то, кроме юных мальчиков или вечно девственных гурий из райских садов.

Анна и дети ушли, а Хект, опершись на фальконет, задумался о разных религиозных причудах.

Предвестники предельно ясно выражали свое отношение к вопросам секса, и отношение это было весьма суровым: среди правоверных содомитам не место. Но люди всегда смотрят сквозь пальцы на неудобные для них правила, так поступали и прамане. Схожим образом полезные божества, существовавшие еще до Откровения, не исчезли в лучах света единственного Бога, но превратились в ифритов и прочих духов на службе у ворога. А что касается мальчиков...

Это смущало и ужасало Пайпера Хекта, еще когда он был молодым Элсом Тейджем.

Ему вспомнился Оса Стил, которого при помощи чар превратили в вечно мальчика для утех. Уже почти сорокалетний, он все еще выглядел как двенадцатилетний ребенок и до сих пор не верил, что те, кто сотворил с ним такое непотребство, не заслуживают его преданности.

Дробилка работала не переставая. Стены комнаты дрожали. Грохот отвлек Хекта от мрачных дум.

– Все идет как надо, но получается дольше, чем я рассчитывала, – посетовала подошедшая Герис.

– Так всегда и бывает.

– Почему? Отдельные этапы прошли без сучка без задоринки.

– Мои люди называют это «трением» – естественные помехи, которые все замедляют, даже если не приключается особых бед. Титус Консент пользуется специальной формулой, чтобы вычислить «трение» на каждую кампанию. И знаешь что?

– Не помогает?

– Помогает. Но когда мы вычисляем трение, при этом, в свою очередь, создается дополнительное трение. Полагаю, тут задействован некий еще не открытый закон природы.

– А тебя это не доводит до иступления?

– Конечно доводит. Но если смириться, не пытаться это побороть, а просто принимать во внимание, все идет вполне сносно. Многие командиры не умеют работать с трением –

кричат, угрожают, наказывают и тем самым делают только хуже. Когда люди боятся ошибиться, то действуют еще медленнее.

- Больше заумных рассуждений – больше трение.
- Может, ты и права. Они подготовили следующую партию.

Фебруарен успел просеять через решето субстанцию из дробилки. Мелкие частицы пересыпались по трубке в пустоту, а большие снова отправились в дробилку.

- Дело быстрее пойдет, если добавить туда воды.
- Или масла, – предложил Отродье.
- Если масла нальем, получится липкая жижа.

Разгорелся яростный спор.

Хект сдержал гнев. Слишком уж буднично эти люди рассуждали об уничтожении Орудий Ночи, словно речь вовсе не шла об останках древнейших существ, чей возраст исчислялся, возможно, тысячелетиями.

Учатся ли Орудия за столь долгую жизнь хоть как-то сопереживать? За долгий век у этих созданий было несметное количество возможностей досадить смертным.

- Пайпер, ты куда эту штуку навел? – спросил Кловен Фебруарен.
- Что?

- Свою игрушку-погремушку – оперся на нее так, что дуло смотрит прямо в пол.
- Чтобы срикошетило от пола.

- Творческий подход. Но так хорошие ребята пострадают больше.
- По зрелом размышлении соглашусь с вами. Сколько еще ждать?

– Все зависит от твоей сестрицы. Она хочет все закончить в один прием. А я бы еще посидел пару часов внизу в таверне. И вздремнул бы хорошенько.

- Тяжко, наверное, жить на свете ехидным старикашкам.
- Не то слово.

Герис стояла поблизости – слышала, как они ее обсуждают, и видела, как согласно кивают вознесшийся и Отродье, но и ухом не повела.

Работала дробилка, тряслись стены.

В комнату, протолкавшись мимо возмущенных богов, вбежал Пелла:

- Отец... Там мост...
- Представь, что новости не срочные, вдохни поглубже, а потом рассказывай.

Мальчишка сделал несколько вдохов.

- Мост. Та богиня с яблоками – она ворует волшебство из радуги.
- Асгриммур!

– Проклятье! Только в радужном мосту и осталась магия, но кто мог подумать, что этим недоумкам придет в голову распускать работу элен-коферов?

- Можно вытащить пушку в коридор, – предложил Хект, – просунуть в окно и пальнуть.
- В этом нет нужды. Дайте мне поговорить с Эвийн. Герис?
- Иди. А я останусь и подумаю, как нам отсюда улететь.

После ухода Асгриммура соратники Хекта стали действовать осторожнее. Никто уже не поворачивался к божествам спиной. Но Орудиям было не до них. Старшая из богинь махнула рукой, и младшая отправилась вслед за Асгриммуром. Хект догадался, что ей велели поддержать вознесшегося.

Какой смысл бежать из заточения, если при этом оказался в другой тюрьме, разве что побольше?

Старшая богиня что-то сказала.

– Классический андорежский, – пояснил Отродье. – Во времена моей молодости у Старейших в деревнях еще были последователи. Возможно, я смогу с ней объясниться.

– Она, скорее всего, понимает каждое наше слово, – заявила Герис. – Хочет поговорить с тобой, но так, чтобы Убийцы Богов ничего не поняли.

– Леопард – это леопард, а лев – это лев, – поддакнул Хект.

– Логично, но что это значит? – не понял Ренфрау.

– А то, – объяснила Герис, которая слышала эту поговорку еще в плену на востоке, – что не следует себя обманывать и думать, что лев или леопард станут чем-то иным. Могучее Орудие, даже если ему яйца в тисках зажали, все равно мыслит как божество.

– Понял. И это тоже, – кивнул Ренфрау и повернулся к разгневанной богине.

Ничего другого Хект и не ожидал. Ему подумалось, что Герис как раз и пытается приручить леопарда.

Его сестра тем временем взяла со стола два все еще горячих янтарных яйца.

– Они пока не погибли окончательно. – (Дробилка еще работала.) – Но мы не станем их возвращать, пока чувствуем себя рядом с вами неуверенно.

– Заложники? – уточнил Ренфрау.

– Оставь свои угрозы, – отрезала богиня. – Я не Красный Молот. Оскорбляя мое достоинство, рассудок мне не затуманишь. Я понимаю, что мы в вашей власти. Унизительно, но даже боги преклоняют колена, если это необходимо.

– Колена преклонять не надо, – отозвалась Герис. – Просто помогите. Баш на баш. Мы просим помощи лишь на отпущенный нам смертный срок.

– Это и так ясно, Герис Убийца Богов. Продолжай делать то, что делаешь, – ответила богиня и отвернулась.

В комнате появился единственный бог мужского пола. В руках он нес веревку длиной футов пятнадцать.

– Где ее прятали? – проворчала Герис.

– Чтоб меня! – с благоговейным ужасом воскликнул Ренфрау.

– Что это такое? – поинтересовался Хект.

А Фебруарен кивнул с понимающим видом:

– Это, Предводитель, Гейстрир.

– Будьте здоровы. И что же?

– Гейстрир – веревка, которая всегда оказывается нужной длины. Такая крепкая, что не порвалась, даже когда ею связали великана Блогнора.

Вслед за богом вошла Лучезарная дева с копьем в руках. Оружие выглядело совершенно обычно – пехотное неметательное копье, древко длиной восемь футов, наконечник длиной один фут и шириной два дюйма, с острыми краями. Острие светилось тьмой.

– Пронзающее Сердца, – так же благоговейно произнес Ренфрау.

Потом Старейшие принесли рог, молот, потрепанные шелковые туфли и флейту. Выглядело это все не очень-то внушительно.

– Если мост сгинул, то какой ужас нам предстоит, когда настанет пора выбираться отсюда, – пробормотал Отродье. – Эти артефакты нам помогут.

– До сих пор не понимаю, что я тут делаю. Вот-вот грянет большая война на востоке, нужно к ней готовиться.

Пелла ушел из комнаты сразу же после того, как доставил свои тревожные вести. А теперь с посланием прибежала Вэли.

– Герис, Асгриммур просил передать, что все не так скверно, как он думал. Радуга еще держится, просто стала уже – на повозке не проехать.

– Как увижу Железноглазого – удавлю. Недомерок все предвидел.

Почти все смертные переправлялись по радужному мосту в запряженных козлами повозках, ведь не каждому хватало духу на прогулку по воздуху. А козлов элен-коферы

забрали с собой, когда в спешке покидали Обитель Богов. Теперь отсюда никому не сбежать, каких бы дров ни наломали зарвавшиеся неумехи из срединного мира.

Что бы ни случилось, всем – и смертным, и Орудиям, – чтобы выбраться из Небесной Крепости, придется пешком пройти по радужному мосту.

Мост – вот он, хватило бы только храбрости.

Дробилка громыхнула в последний раз. Небесная Крепость застонала и содрогнулась. Под присмотром Герис все до последнего осколки и пылинки, сопровождаемые серебряным шариком, скатились в закрытую вселенную.

– Прекрасно. Теперь самое время выпить пива. Кружечку. Или три. Или десять. И неделю проспять. Как проснусь, там и решу, что дальше делать.

Никто ничего не спросил. Никто не хотел, чтобы Герис вспомнила о еще каком-нибудь неотложном деле. Разве что Прохвост.

Даже самые нечувствительные к силам Ночи люди вроде Пайпера Хекта ощутили охватившее Орудие отчаяние, когда угодивший в ловушку бог наконец-то осознал, что его выпускать не будут.

Остальным Старейшим было все равно: он уже успел исчерпать их запасы терпения и потерять дружеское расположение.

Хект наблюдал за тем, как Герис упаковывает яйца, оставшиеся от Зира и Красного Молота, и восхищался ее скрупулезностью, ведь в подобных обстоятельствах естественно спешить и действовать неосмотрительно.

– Что будем делать с фальконетами? – спросила Герис. – С собой мы их забрать не сможем.

– Проклятье! Дай мне минутку на раздумье, вообразу себя Кейтом Руком или Драго Прозеком.

На лицах у наблюдающих за ними Орудий отразилось любопытство.

– Так над ними поработаю, чтоб исправить мог только кто-нибудь из моих ребят. – (Пусть боги поломают голову.) – Когда-нибудь сюда вернется Железноглазый. Правда, сначала я его отлуплю хорошенько. Отстроит радужный мост и нацелится вывезти по нему фальконеты на своих козлиных повозках.

– Сделай так, чтобы их не смогли потом использовать против нас, а потом пошли выпьем пива.

– А где бочка с огненным порошком? Все, вижу. Идите, я следом.

Удивляясь, с чего бы это сестре так захотелось пива, Хект засунул железный осколок в запальное отверстие пушки. Герис не очень-то любила выпить. Может, в Обители Богов пристрастилась?

Стены комнаты задрожали. Хект уловил отголосок гнева, который испытывало запертое Орудие, и ненадолго погрузился в раздумья.

– Лучше сделаю. На всякий случай.

Он поднял с пола бочку с огненным порошком.

– Отец, будешь тут весь день копать?

– Вэли, а ты зачем вернулась?

Со стола упала какая-то стеклянная вещица и разбилась. И Пайпер, и девочка подскочили от неожиданности.

– Меня Анна послала узнать, почему ты не спустился вместе с Герис.

– Доделать кое-что нужно было, – отозвался Хект, прилаживая пружину. – Почти готово.

– Все уже начали перебираться через мост.

– Я и не заметил, что столько времени прошло.

– Она просто волнуется. Ты же ее знаешь.

– Хм... – пробормотал Пайпер, осматривая фальконеты: орудия заклепал, бочку с огненным порошком установил где надо.

– Отец, она и правда очень переживает. Когда тебя нет рядом.

– Пошли.

Стены снова дрогнули. Хекту показалось, что на этот раз не так сильно. Пленник подрастерял запал.

Хитроумные боги устроили через радужный мост удобную переправу: один из них привязал Гейстрир к большому камню на противоположной стороне, Пронзающее Сердца воткнули прямо в радугу и обмотали веревку вокруг него, а оставшийся конец закрепили на позеленевшем от старости медном столбе, воздвигнутом в честь чего-то (чего именно – никто уже не помнил).

– Быть может, он как-то связан с Сумеречной войной, – предположил Асгриммур. – Точно не знаю. Ты все изменил. Больше не свершится судьба, определенная на заре времен.

– Жаль, но я вовсе не такая важная шишка. Анна и Герис – более могущественные Убийцы Богов.

– Неправда. Вспомни о Сэске и тех древних, которых ты одолел в Коннеке. Но к чему сейчас об этом волноваться? Нужно перейти мост.

Хект уже некоторое время пытался справиться со страхом. Высота бывает разная. С этой высоты можно было падать бесконечно и так и не достичь дна.

Ни тренировки, ни обучение не готовили Пайпера ни к чему подобному. С таким испытанием нельзя столкнуться, потому что подобной ситуации просто не может быть. Это горячий бред язычников, еще не осененных словом Господним.

– Просто подойди к столбу, хватайся за веревку, закрой глаза и иди, – посоветовал Асгриммур. – Я сзади.

Хект быстро огляделся по сторонам. Почти все уже успели переправиться. Лила весьма уверенно вышагивала по середине моста, едва касаясь пальцами веревки. Впереди нее шла богиня, а позади – еще одна. Обе держались достаточно далеко и не успели бы помочь, если бы девочка оступилась.

Анна ждала на той стороне. Раз она сумела, сумеет и Пайпер.

Хект как раз подходил к мосту, но тут мимо пробежала Вэли. Она взлетела на радугу с такой легкостью, словно та была высечена из гранита и достигала мили в ширину. Позади бежала Старица, младшая из Лучезарных. На мосту уверенность ее чуть поутихла. Вэли обогнала богиню, медленно шагавшую позади Лилы.

– Молчи, – тихим голосом предупредил вознесшийся. – Не то отвлечешь ее.

– Не буду. Но я сомневаюсь в богине, которая за ней гонится.

– Она не опасна. Но я напомню ей не злить Убийц Богов.

– Прекрасно. А Убийцы Богов призовут к ответу свою дочь, если она учинила какую-нибудь глупость.

– Ну вот, – сказал Асгриммур, еле-еле сдерживая смех. – Молодежь развлекается, только и всего.

Судя по тому, как вели себя Вэли и Старица, так оно и было.

Хект стиснул зубы, закрыл глаза, уцепился за веревку и шагнул вперед.

На той стороне к нему бросилась Анна:

– Ты справился.

– Конечно справился. Будто через ручей перешел по поваленному стволу.

– Только чтобы намочнуть, долго падать придется. Пайпер, нужно поговорить с девочками.

Вэли и Лила стояли рядом, всего в нескольких футах. Лила изо всех сил пыталась изобразить святую невинность. А значит, именно она и затеяла то, чему он только что стал свидетелем.

- Да. А где Пелла?
- Все еще там с этой Эавийн.
- Неужели?
- Втюрился в нее, только дело безнадежное. Она занята.
- Прекрасно. Не хочу, чтобы кто-нибудь из нас сблизился с этими демонами.
- Ревнуешь?
- Волнуюсь за наши души.

К противоположной стороне моста подошел Пелла. Асгриммур вернулся, чтобы его подстраховать. Его об этом попросил Хект.

- Он всем помогает.
- Да. Наверное, это хорошо.
- Он гораздо любезнее богов. Эти-то и друг дружке помогать не стали.

Именно так. Те из Старейших, кто уже пересек радужный мост, устремились по дороге вниз, им и дела не было, как там остальные.

- Все как у людей.
- И даже более того. Слишком уж они в себе уверены.

Феррис Ренфрау и Кловен Фебруарен тоже шагали вниз по дороге. Им тоже дела не было, что происходит у них за спиной.

Пелла перешел мост. Лицо его сделалось блее мела.

– Надеюсь, отец, что ничего подобного нам никогда больше делать не придется. Не очень хорошо переношу высоту.

- Я тоже. Асгриммур, кто еще остался?
- Только Эавийн. Пытается взрастить свой сад.

– Не хочет верить, что все так вышло, – пояснил Пелла. – Надеется, что стоит только по сильнее пожелать, и все сбудется.

– Кое-кто из смертных мыслит точно так же, – отозвался Хект.

– Но ведь у богов так и есть? – вмешалась Анна. – Стоит им чего-то пожелать, и все сбывается.

– Вот она идет, – заметил Асгриммур.

Эавийн медленно взошла на мост. В руках она несла красный мешок.

– Яблоки, – сказал Пелла. – Все такие скукоженные, страшненькие.

– Откуда у нее мешок? – удивился Хект. – Нажелала себе?

– Гномы оставили, – заметила Герис. – Боеприпасы в нем принесли.

Эавийн только-только схватила за копьё Пронзающее Сердца, как вдруг прогремел взрыв. Разворотило часть фасада Небесной Крепости.

7

Тель-Мусса, призрак завтрашнего дня

Гора и его приближенные с нетерпением ждали вестей из Дринджера. Чем дольше длилось молчание, тем больше крепились подозрения, что ничего хорошего новости не принесут. Поползли даже слухи, что несчастье было так велико, что и в живых-то никого не осталось, чтобы о нем рассказать.

Но бывалые солдаты в это не верили. В живых всегда кто-нибудь да остается.

Нассим Ализарин почти не уходил с парапета башни, неотрывно вглядываясь в даль, хотя что именно он ожидал увидеть, никто не знал. Командиру никто не мешал.

Подошел Мокам.

– Посланник едет, – доложил он.

Гора видел это и сам.

Ализарин ощущал себя древним, как само время, все чувства в нем давно выгорели.

– Всадник скачет не с юга, – сказал он. – Может, какая-нибудь безделица.

Но в глубине души Нассим чувствовал иное: гонец везет именно те вести, которых они так долго ждали. И вести эти нерадостные.

– Пойдем поприветствуем его как подобает, – со вздохом сказал Гора.

В большом зале крепости обычно собирались солдаты: здесь они трапезничали, занимались каждодневной работой, здесь же обсуждали планы будущих битв и объявляли о том, что следовало знать всем. Сейчас зал начал заполняться народом.

Гонец от усталости едва держался на ногах. Одет он был так, как обычно одевались телохранители Индалы. Нассим счел это дурным знаком.

Он велел принести еды и воды и приказал воинам, изнывавшим от нетерпения, молчать и ждать. Еще несколько минут ничего не решат.

Посланец немного поел, немного попил и на глазах ожил.

– Теперь я в порядке. Было несколько сражений подряд. Иногда побеждал Индала, иногда Гордимер. Когда торжествовал Гордимер, у нас было больше дезертиров, чем погибших. Военачальник ша-луг столкнулся с той же бедой. Его солдаты из арианистов бежали с поля боя как раз перед тем, как продались макстрийцы.

– Значит, Индала победил? – спросил Нассим.

– С трудом. Битва еще не закончилась. Ша-луг отказываются сдаваться. Эр-Рашаль причинил страшное зло. Индалу серьезно ранили, и командование принял его брат. А потом погиб Гордимер, когда вел в бой ша-луг. Тогда удача едва от нас не отвернулась.

– Значит, сбылось пророчество. Гордимера одолело войско, явившееся с севера. Вот только не его он ждал.

– Так говорят.

– Значит, Дринджер пал. Что теперь?

– Индала залечит раны. Его воины заставят умолкнуть самых упрямых и объединят каифаты, чтобы мы смогли очистить Святые Земли, пока не начался новый священный поход.

Такой ведь и был вначале план.

– Есть одно «но», – заметил Нассим. – Тистимед Золотой может напасть на Люсидию еще до того, как Предводитель Войска Праведных доберется до Святых Земель.

Гонец хмыкнул, изображая интерес к беседе:

– Тистимеду в последнее время непросто справиться с сыновьями. Несмотря на большие потери в войне с северными дикарями, он снова шлет войска в Гаргарлицейскую Империю, отрядами поменьше командуют сыновья. Если им удастся отбить земли, потерянные во время войны с Посланцами, Тистимед отправит своих отпрысков против каифата, чтобы занять их чем-нибудь и не допустить восстания.

– Генерал, это меня не касается. Я свои вести принес, а теперь мне бы поваляться недельку. Пузом вниз.

Нассим усмехнулся: ему ли не знать, каково это.

– Понимаю. Вам приготовили место. Мокам проводит.

– И еще кое-что, – добавил посланец, с трудом поднимаясь. – Азим аль-Адил велел передать, что эр-Рашаль, возможно, не укроется в Холмах Мертвых, а побежит сюда. Пленники сказали, он собирался так поступить, когда мы взяли Аль-Кварн.

Аль-Кварн располагался как раз между передовой и пустошами Верхнего Дринджера, где лежали в земле бесчисленные мертвецы древности. Каждый раз, когда его изгоняли из Аль-Кварна, эр-Рашаль скрывался именно там.

Гору охватило дурное предчувствие.

– Но почему сюда?

– По всей видимости, ему нужен Анделесквелуз. С мертвыми ему спокойнее.

– Чудесно. Мокам, проводи посланника до койки. Все остальные – офицеры, мои старые соратники, – идемте на башню.

– Аз, ты хотел что-то спросить? – уточнил Нассим.

– Просто пришла в голову одна мысль. Новости мрачные. Индале трудно будет удержать Дринджер. Ша-луг не сложат оружие.

– Военачальник ша-луг, ваш заклятый враг, пал, – сказал один из командиров из племени самого Индалы. – Что будет теперь?

– Будет радость, и будет печаль. Буду радоваться, что он сгинул, и печалиться, что не от моей руки. Но вы же не это хотели услышать. Вы хотите знать, изменит ли гибель Гордимера положение дел между нами.

– Именно так, мой господин.

– Мы с Индалой заключили соглашение, и я не нарушу слова. К тому же моим заклятым врагом был скорее не Гордимер, а эр-Рашаль. И не был, а есть. Если он направляется сюда, то едва ли сможет удержаться и не напасть на нас.

– На его месте я бы сошелся с Черным Роджертом, – предположил Костыль. – Если уж он действительно желает за нас взяться.

Неужели эр-Рашаль настолько низко пал, что обратится против своих же единоверцев?

Да. Так уже случалось прежде. Проклятье, он же обратился против самого Господа!

– Он обдумает этот ход, но главная его цель – Анделесквелуз. Я прав, Аз?

– Вероятно. Тогда мы привезли ему мумии. Зачем – никто не знает. Вроде бы он ничего с ними так и не сделал. Видимо, если путь к обычному убежищу заказан, колдун направится в одержимый город. Чем-то Анделесквелуз для него важен.

– Сделал он что-то с мумиями или нет, мы точно не знаем, – задумчиво проговорил Нассим. – Рассказывать он бы никому не стал.

– Все равно узнали бы. Он бы этим воспользовался.

– Может, и так. Забудем пока про них. Подумаем о завтрашнем дне. Что нам предпринять, чтобы отравить ему жизнь, если он все-таки объявится?

– А почему вы на меня-то смотрите?

– Потому что ты единственный мастер призраков на сотню миль в округе.

– Только бесполезный, как скаковое седло для свиньи, если доведется схлестнуться лицом к лицу с эр-Рашалем.

– А я и не хочу, чтобы ты с ним схлестнулся. Лучше замани его в ловушку. И то только если по-другому не выйдет.

Все замолкли.

– Лев пал, – сказал в конце концов кто-то из старинных соратников Горы.

Будто бы на что-то намекая.

– Верно, генерал, – подхватил Костыль. – А Гордимер был верен себе и не назначил преемника. Проклятье! Я так хотел, чтобы именно мы его сокрушили.

– У Господа свои замыслы, – отозвался Нассим.

Снова воцарилась тишина. Старые товарищи Ализарина успели подрастерять уверенность в загадочном замысле Всевышнего.

– Но воля Господня лучше всего вершится теми, кто приуготавливается тщательней прочих, – добавил Нассим. – Что делать, если все же сумеем заманить эр-Рашаля в ловушку?

– Понадобится подкрепление, – сказал мастер призраков.

– Аз?

– Рано об этом, сначала нужны достоверные сведения о том, где сейчас Шельмец, куда направляется и что собирается делать, добравшись до цели.

– Конечно, нужны сведения, – проворчал Гора. – А как их добыть? Тебя пошлем его расспросить?

– Начните с него самого, – предложил Костыль. – Суть Шельмеца определяет его поступки.

Разгорелось оживленное обсуждение, в котором участвовали все, кто хоть что-нибудь знал об эр-Рашале.

– Я устал, – сказал через какое-то время Нассим. – Идемте спать, утро вечера мудренее. Самое важное: Шельмец придерживается чересчур лестного мнения о себе любимом, с пренебрежением относится к мудрости других и ненавидит нас. Здесь-то мы и зацепимся.

Укладываясь на свой тюфяк, Ализарин гадал: не слишком ли лестного мнения он сам придерживается о себе? Станет ли могущественнейший в мире волшебник, даже самый мелочный, тратить время на надоедливых блох из Тель-Муссы?

Волноваться нужно о дю Танкрете. Черный Роджерт твердо вознамерился избавиться от докучливого осинового гнезда под названием Тель-Мусса. Об этом знали все. Юнцы из Люсидии, которых Гора послал смешаться с местными, каждый день слышали об этом.

Хотя не исключено, что именно этого и добивался Черный Роджерт. Этому злодею хитрости не занимать.

У Нассима имелись виды и на Черного Роджерта, планы его строились на характере дю Танкрета.

Засыпая, Ализарин спросил себя: не изучают ли сейчас враги его самого?

8

Антье, Коннек, пробуждающиеся невзгоды

Брат Свечка наблюдал, как две юные девицы нянчатся с Люмбером. Даже без наставлений Эскамеролы, кухни Кедлы Ришо, они обращались бы с младенцем как с новорожденным божеством. Жители Антье благоговели перед графом Реймоном и графиней Сочией, несмотря на их необузданный нрав и дурные манеры.

– Совершенный? – поманил монаха заглянувший в комнату Бернардин Амбершель.

– Вернулись? – сказал Свечка, выходя к нему. – Вид у вас взволнованный.

– Так и есть. Прибыл гонец из Каурена. Королева пишет, что Реймону пора занять герцогский престол. Она хочет вернуться в Наваю.

– Сменила гнев на милость?

– Вроде того. Решила, что ей нужна поддержка Коннека, чтобы дать отпор навайской знати. А почти все коннектенцы хотят видеть на герцогском престоле только Реймона.

– Я-то думал, она со своей знатью вполне ладит.

– Вы же знаете это сословие: всегда найдутся злодеи, поджидающие удобной возможности.

Брат Свечка подумал, что такова уж природа человека. Вечно-то ему мало, он готов пуститься во все тяжкие, лишь бы ухватить призрачный обрывок власти.

– Хорошо. Но есть и другие новости, так?

– Есть. Мы не нашли того, что искали. Все потому, что корабль, который отправили, чтобы подобрать Безмятежного с его острова, натолкнулся на платадурскую галеру. – У Бернардина имелись весьма своеобразные друзья. – Но самое главное – в следующий раз с Безмятежным, возможно, будет Анселин. Анселин пропал. Те, кто ездил вместе с ним в Святые Земли, не знают, что с ним случилось.

– Вы хотите подловить их на реке?

– Выступим, как только подлатаемся.

– А меня хотите с собой утащить – сделать свидетелем своих свершений.

– Вовсе нет. Мы хотим, чтобы вы остались здесь и позаботились о Сочии: хорошо бы ей вспомнить, что она мать.

Совершенный открыл было рот, но потом снова его закрыл. Сказать ему было нечего.

– Реймон не слепец и видит, что у Сочии с самого начала это дело не задалось. У нас обоих были дурные матери. Граф надеялся, что сестра Клэр послужит красноречивым примером, но Сочия – это Сочия. Намек получился слишком завуалированный.

Теперь понятно, зачем вдруг понадобилась сестра Клэр и какой логикой руководствовался Реймон.

– Реймон хочет, чтобы Сочия стала хорошей матерью – не такой, какая была у него самого. Но не знает, как втолковать это жене.

– А я, выходит, знаю? – изумился Свечка.

Почему бы просто не припереть Сочию к стенке и не сказать ей все как есть? Она вполне все понимает, если говорить без обиняков.

– Сочия вас боготворит. Быть может, потому, что своего отца она не знала.

– Понимаю.

– И действительно к вам прислушивается.

– Весьма редко. Иногда мне удается ее перехитрить: она думает, это была ее идея, а я начинаю с ней спорить, тогда девчонка упрямится и делает как надо.

– Ну вот, вы нашли способ, а мы ничего не можем добиться, – посетовал Бернардин. – Надолго не задержимся. Хотим убраться отсюда, пока шпионы епископа не разнюхали про нашу затею. Так Реймон говорит. Но я-то думаю, он хочет удрать, пока Сочия не возомнила, что уже достаточно окрепла, и не собралась с нами.

– Согласен. Сочии действительно нужно наконец осознать, что после родов у нее все еще остались кое-какие материнские обязанности.

– Превосходно. Скажу Реймону, что мы можем на вас рассчитывать.

– А что касается Каурена...

– Воспользуйтесь этими новостями, чтобы отвлечь Сочию. Пусть пока учится воспитывать Люмьера и готовит поездку в Каурен. Реймон собирается отправиться на запад, как только справится с нынешним делом. Может, и пленников высокопоставленных с собой прихватит. – Бернардин усмехнулся. – Изабет ведь рада будет заполучить Безмятежного?

– Не хотел бы я тогда оказаться на его месте. Или даже на месте Анселина. Хотя Анселина она, наверное, отпустит в обмен на выкуп. Он ведь ничего не сделал.

– Скажите Сочии, что пешком вам нельзя. Вам портшез полагается.

– Пытайтесь меня подкупить.

– Все может быть. Берегите себя. Вернемся недели через две – не позже.

Сочия разошлась не на шутку – мерила шагами комнату, размахивала руками, грязно ругалась и молола всякую чепуху. Терпеть ее гневные тирады приходилось брату Свечке, ведь Реймон был далеко, и его достать она не могла. Но монах почти не слушал.

– Вы меня совсем не слушаете!

– Что ты там такое сказала? Я же не слушаю ничего.

– Да обратите же на меня внимание!

– Зачем? Ничего нового я не услышу.

– Совершенный, вы что-то замышляете. Проклятье! Что происходит?

– Как зовут твоего сына?

– Что? – удивилась сбитая с толку Сочия. – Люмьер. Зачем вы задаете мне такой глупый вопрос?

– Кто мать Люмьера?

– Я. Совершенный, куда вы клоните?

– Как тебе понравилась сестра Клэр? Мать Реймона?

Эти слова подлили масла в огонь. Больше матери Реймона Сочия презирала разве что тех злодеев, которых не знала лично, – Анну Менандскую, Безмятежного и еще, быть может, главнокомандующего патриаршими войсками. И то не наверняка.

– Реймон рассказывал тебе, каково это – иметь такую мать? – не унимался Свечка.

– Да, – отозвалась девушка и разразилась еще одной гневной тирадой; правда, голос у нее дрожал и смолкла она довольно быстро.

Сочия понимала: ее заманивают в мышеловку.

– Где Люмьер?

Мышеловка готова была захлопнуться.

– Точно не знаю, – нахмурившись, отозвалась графиня. – С няньками.

– Несомненно. Но вот тебе еще один вопрос – важный. Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Не отделивайся отговорками.

– Валяйте.

– Почему Люмьер не со своей матерью? Почему его мать не знает, где ее сын? – И когда Сочия уже готова была взорваться: – Почему Реймон так сильно ненавидит свою мать?

Брат Свечка не рассчитывал, что ему удастся сотворить чудо. Характер Сочии складывался годами. Свежее воспоминание о сестре Клэр помогло, но не слишком.

Свечка обладал определенным статусом, к его мнению прислушивались, и поэтому Сочия сделала над собой усилие. Но даже когда ею двигали благие намерения, она не могла стать безупречной матерью для следующего графа Антье.

У нее гораздо лучше получилось подготовить эскорт для путешествия в Каурен.

– Никогда не прощу вам эти сравнения с матерью Реймона, – проворчала Сочия. – Ужасно.

– Понимаю, девочка моя. Ты – та, кто ты есть, но следует приложить усилия. Ради Люмера.

– Совершенный, если бы существовал хоть какой-нибудь способ...

– Быть может, если бы у тебя у самой были в детстве мать и отец...

– Прекратите. Я не могу быть матерью в традиционном смысле слова. Мне больно это осознавать. Но я буду стараться изо всех сил.

– Это все, чего я прошу. Мать Реймона не старалась вовсе.

Графиня принялась гневно сокрушаться о собственных недостатках.

– Девочка моя, тебе всего-то и надо показать ребенку, что он для тебя что-то значит и ты готова ради него сделать усилие. Что бы ты ни чувствовала, помни: ты не одна, у тебя есть Реймон. Пусть муж напоминает тебе: встречаются добрые люди, у которых были дурные матери, но мало найдется дурных людей с добрыми матерями.

– Ну вот вы опять за свое. Что бы я ни делала, мне не выкрутиться.

– Все выдумываешь и выдумываешь.

Через шестнадцать дней после разговора с братом Свечкой в Антье вернулся Бернардин Амбершель. Его принесли трое израненных воинов, но самыми серьезными были раны самого Амбершеля.

Сначала до брата Свечки дошли слухи: приключилась какая-то беда. Монах поспешил в резиденцию Гаритов.

Вокруг замка уже шныряли подозрительные типы – судя по виду, члены Конгрегации.

– А вот и вы! – прорычала Сочия, когда, как ему и было велено, брат Свечка явился в зал для аудиенций в замке графа Реймона.

Его глазам предстало любопытное сборище: кроме обычных официальных лиц, которые и должны были явиться в столь серьезной ситуации, собрались также представители религиозных меньшинств и именитые купцы и ремесленники. Рядом с графиней стояла весьма мрачная Кедла Ришо. Она поманила Свечку.

Сочия как раз говорила что-то Альфесу Мачину, самому зажиточному местному виноделу, но тут повернулась к монаху:

– Реймон потерпел фиаско.

– Его заманили в ловушку?

– Нет, но с тем же успехом могли и заманить. Мой дурачок забыл, что Безмятежный был одним из сильнейших волшебников в коллегии, пока не купил себе место патриарха. Граф не стал его убивать, а попытался захватить в плен. Безмятежный этим воспользовался и сдерживать себя не стал.

Старик не нашелся с ответом.

– Бернардин говорит, шайку Безмятежного перебили, сам Безмятежный ранен, но сбежал. Те из наших воинов, кто уцелел, уже не в состоянии были его преследовать.

– А что с Анселином?

– Его там не было. Ага, начинается веселье!

В зал вошел разряженный епископ ля Вель в сопровождении священников. Ля Вель направился прямо к Сочии, расталкивая всех на пути. Никакого почтения графине он не выказал, наверняка считая ее «просто женщиной».

С другой стороны, брат Свечка не углядел в его поведении той невообразимой надменности, которой отличались предшественники епископа.

Ля Вель что-то объявил.

– Кедла, пора, – скомандовала Сочия.

И Кедла огрела епископа по затылку рукоятью топора. На священников из его свиты мигом нацелились мечи, копья и арбалеты.

– Посадить их в темницу, – велела Сочия. – Потом с ними разберусь. А выползет на свет божий какая-нибудь гадина из Конгрегации – хватайте ее.

– Уже иду, – отозвалась Кедла и снова ткнула ошалевшего епископа рукоятью топора.

После ее ухода ушли и многие из подданных графа Реймона.

Брат Свечка открыл было рот.

– Погодите минутку, – попросила Сочия и встала с трона, предназначенного для графини Антье. – Слушайте все! Мы владеем ситуацией. Возвращайтесь к своим делам. О недопустимом поведении сразу же сообщайте. Быть может, Реймона больше нет, но это ничего не меняет. Антье останется таким, каким его сделал граф Реймон Гарит.

И чтобы доходчивее донести до всех свою мысль, Сочия пересела на трон мужа.

Расходясь, подданные оживленно переговаривались между собой.

– Вы мне нужны как никогда, – призналась Сочия, склонившись к Свечке.

– Неужели?

– Будьте рядом и обуздывайте мой гнев. Внутри меня зреют ужасные мысли.

– Мы справимся, если ты будешь со мной честна. А прямо сейчас нужно сохранить мир.

Старик не сомневался, что грядут всяческие зверства.

– Дурной сегодня день для епископальных – тех, чье вероисповедание хорошо известно. Не говоря уж о членах Конгрегации, – едва заметно улыбнулась графиня.

Брата Свечку охватило мрачное предчувствие.

Она решила дать волю черни, чтобы та выплеснула свой гнев на приверженцев бротской церкви, не важно – виновны они или нет.

– А для дэвов и дейншо?

Этим всегда доставалось, когда начинались беспорядки.

– Нет. Такого я не потерплю.

Странное и жестокое дитя эта Сочия Рольт. И как же она намеревается защитить этих вечных козлов отпущения?

Свечка молил доброго Господа, чтобы Реймон Гарит просто пропал. Или выполнял какую-то ужасно секретную миссию, но только не погиб. Иначе кто обуздает темную сторону Сочии?

Но он уже знал, что надежды эти тщетны.

9

Обитель Богов, Сумерки Мира

Из Небесной Крепости валил серый дым. До Пайпера Хекта и его спутников донесся оглушительный грохот, потом посыпались обломки. Прогремело еще два взрыва – не таких сильных.

– Что за дьявольщина? – гневно спросила Герис. – Что стряслось?

– Кто-то угодил в мою ловушку, – отозвался Хект.

– Но кто? – удивилась Анна. – Все же вышли из крепости.

С неба все сыпались обломки. Завоняло огненным порошком.

Хект оглянулся на Эавийн. Из-за взрыва она испугалась, выпустила Пронзающее Сердца и оступилась. Богиня ухватилась за Гейстрир, но сумела зацепиться лишь одним пальцем. Мешок с яблоками выпал у нее из рук, и, дернувшись, чтобы его поймать, она тоже рухнула в пропасть.

Падать предстояло долго. Внизу в двух тысячах футов ждали острые, словно ножи, базальтовые скалы.

Вознесшийся резко и мучительно сменил обличье и в образе гигантского орла с криком устремился вниз вслед за Эавийн. Пикировал он быстрее, чем падала богиня.

Любуясь этим эффектным зрелищем, остановились все те, кто уже спускался по дороге к гавани.

– Пайпер, в твоей ловушке была задействована особая картечь? – спросила Герис.

– Да. Пустил в дело все, что нашел, и два фальконета тоже. Это наверняка один из демонов.

– Правильная, видимо, была мысль.

Орел подхватил падающую богиню и скрылся из виду.

– Может, спустимся уже? – предложила Герис. – Пока там внизу кто-нибудь не набе-докурил.

Хект, рассматривавший дыру в Небесной Крепости, хмыкнул.

– Можно смастерить еще парочку смертоносных приспособлений, – продолжала Герис, тоже глядя на Небесную Крепость.

Ветерок потихоньку развеивал дым.

– Мало еще там все разворотило, – сказал Хект.

Из дыры густой патокой вылилось черное пятно и сползло по стене крепости. Пятно имело четкую форму и не оставляло следа.

– Прохвост вырвался, – протянул Хект.

– Наверное, дробилка так тряслась, что клапаны ослабли, а мы и не заметили.

– Тогда понятно, почему в конце мы улавливали его чувства. Жаль, не насторожились.

– Когда торопишься – что-нибудь обязательно пойдет не так. Что сделано, то сделано.

Спускаемся. У меня есть средства на такой случай.

Хект поразился равнодушию Герис: злобное Орудие сбежало, но для нее это просто еще одна рутинная задача.

Пока старшие разводили суету, девчонки подбежали к краю пропасти посмотреть, что приключилось с Асгриммуром и Эавийн.

– Я их не вижу, – сказала Лила. – Но они точно спустятся раньше нас.

Лила и Вэли посмотрели на ползущее по стене крепости черное пятно, потом на мост, на пропасть, о чем-то пошептались, и Вэли бросилась по радуге обратно на ту сторону.

Хект прикусил язык, чтобы не закричать и случайно не отвлечь ее. Поблизости не было Асгриммура, который поймал бы еще одну упавшую девицу.

Анна тоже молчала.

– Я ее, конечно, люблю, но она просто чокнутая, – заявил Пелла.

Трудно было поспорить с этим утверждением, глядя, как девчонка без тени страха бежит по цветной пустоте.

Вэли сдернула с позеленевшего столба конец Гейстрира и поспешила назад, на ходу сматывая веревку. На середине она выдернула из радуги Пронзающее Сердце и прихватила с собой и его.

– Можно подумать, она одна из них, – вздохнула Анна.

– Да, – отозвался Пайпер и впервые за долгое время снова задумался: кто же такая Вэли Дюмейн?

Девочка меж тем вручила ему копье.

– Представляешь, оно такое легкое!

Хект переглянулся с Анной, а остальные уставились на Гейстрир, который быстро укоротился до прежней длины.

Вэли повязала веревку вокруг талии.

– А где тот молот? Готова поспорить, с его помощью можно разбить мост.

Черное пятно меж тем исчезло из вида – его скрыла окружающая Небесную Крепость стена.

– Вполне возможно, – ответил дочери Хект. – Но молота здесь нет. Девочка моя, нам с тобой нужно побеседовать. Нельзя так рисковать.

Краем глаза Пайпер заметил, что Лила, услышав его слова, скорчила рожу и ухмыльнулась Вэли.

– Пайпер, побереги нотации на потом, – сказала Герис. – Мы и так уже последние.

– Тогда идем.

– Уж вниз-то проще, чем наверх, – съязвила Анна.

– Ребяшня, никто чур не бежит.

Черное пятно стекло в сад Эавийн. Ему едва хватало сил, чтобы двигаться. Засевшая внутри серебряная пыль причиняла нестерпимые мучения. Божество так ослабло, пока выбиралось на волю и преодолевало затворы и клапаны, что не почуяло ловушки.

Орудие не погибло, но почти растеряло все силы, способность здраво мыслить и осознание самого себя. Повинуясь инстинктам, создание приползло в сад и отыскивало там одно сморщенное зеленое яблоко – худое подспорье.

А потом Прохвост сделал то, что не сделал бы в трезвом уме ни один бог, – пожрал единственное растущее в саду дерево. Лишь потом Орудие осознало свою ужасную ошибку.

Дерево было последним. Быть может, золотых яблок больше уже никогда не будет. Взалкав сил и утраченного бессмертия, Прохвост, вероятно, подписал смертный приговор всем Старейшим.

Им овладели такой гнев и такая ненависть, что о сожалении он вскоре забыл.

Прохвост обернулся стройным невысоким юношей с полыхавшей всеми оттенками рыжего шевелюрой и вытянутым, резко очерченным лицом. Лицо это раскраснелось от гнева.

Через пролом в стене божество вышло к радужному мосту. Ему казалось, что идет оно уверенным бойким шагом, но посторонний наблюдатель решил бы, что мальчишка пьян или не в своем уме.

Прохвост двинулся на ту сторону.

И снова голод заглушил доводы рассудка.

Орудие проглотило немного волшебства, удерживавшего мост. Магия элен-коферов не слишком ему помогла – так полумертвый от голода человек принимается есть траву и речной ил. Чтобы насытиться, такой силы нужно ой как много.

Радуга распалась.

Рыжий юноша испуганно вскрикнул и рухнул в пропасть.

Украденного волшебства еле-еле хватило, чтобы обратиться в некое парящее создание, но и этому созданию удалось лишь замедлить полет и выбрать место падения.

Гавань так и манила, но там негде укрыться, и его точно заметят.

А Прохвост не хотел, чтобы враги узнали о его побеге. Ему нужно было свершить месть.

Бог проскользнул мимо городка элен-коферов на заросшую кустами пустошь. Одно крыло зацепилось за низенькое кривое деревце. Прохвоста развернуло в воздухе, он рухнул на землю, и его охватила всепоглощающая боль.

Даже боги, проявив неосторожность, вынуждены подчиняться законам физики.

Боги, богини и люди из срединного мира собрались в таверне элен-коферов. В ход в огромных количествах пошел гномий эль. Элен-коферы любезно оставили им вдоволь бочек.

Феррис Ренфрау и Кловен Фебруарен упились весьма основательно. Асгриммур тоже хотел, но у него ничего не вышло, ведь он так и застрял в орлином обличье. Эавийн на вечеринку не пришла: очутившись на твердой земле, тут же бросилась собирать свои недоделанные яблоки. Анна наклюкалась. Дети злились, потому что им не разрешали ни присоединиться к веселью, ни выйти из таверны. Особенно негодовал Пелла, который размечтался, что поможет Эавийн.

– Я-то думал, тебе не терпится спуститься с горы и хлебнуть лучшего пива из запасов Железноглазого, – прошептал Хект, склонившись к Герис.

– Так и есть. Но я не могу дать себе волю, пока еще не все закончилось. Вот и держусь.

Хект вопросительно хмыкнул.

– Ты же сам видел, что именно спустилось вслед за нами с горы.

– Полагаю, это был Прохвост.

– Кто ж еще. Так что посплю, а потом займусь им.

Пайпер засыпал ее вопросами. Что Герис затеяла? Понятно, она намерена покончить с Прохвостом.

– Я с тобой.

– Пайпер...

– Герис, прекращай. Ты же знаешь...

– Пайпер, клянусь волосатыми яйцами Аарона! Мы же с тобой оба Убийцы Богов или как?

– Как сказал бы Пинкус, или как. Ты права. И нам обоим постоянно кажется, что мы-то уж умнее всех на свете. К счастью для меня, в моем случае все так и есть.

– В сантеринском такую болтовню называют одним хорошим словом. Если я перейду на свой самый приличный церковный бротский, то скажу просто: ты мелешь чушь!

Кто-то хихикнул.

К ним незаметно успел подойти Кловен Фебруарен.

– Если вы, детишки, хотите поохотиться на богов, следует заручиться поддержкой всех возможных союзников. Прохвост – первоклассный злодей. Без боя не сдастся.

– Он прав, – признал Хект.

– Да, – кивнула Герис. – Вызываешься добровольцем, прапра?

– Только просплюсь сначала. Хотя тут уж не до добровольцев. С Прохвостом надо разобраться, если хотим отсюда выбраться. Так что укротите его или убейте. И поскорее. Мы заперты здесь, пока Железноглазый не поймет, что пленников можно безопасно выпустить, не погубив при этом все девять миров.

– Правильно, – согласилась Герис. – Тогда иди спать. Начнем спозаранку.

– А ты сама куда? – поинтересовался Хект.

– В кузницу. Посмотрю, что оставили нам элен-коферы. А потом тоже спать.

– Сколько у Лака друзей среди наших Старейших? – спросил Фебруарен.

– У Лака? – удивился Хект, глядя на примкнувших к охоте Орудий.

– У Прохвоста. Его имя, как и имя Орднана, редко произносили вслух. В разных краях его называли по-разному: Люк, Лак, Люх. Были и другие варианты.

– Ого. Ладно. А где Герис?

– Тут, – отозвалась сестра у него из-за спины.

– Он где-то поблизости, – сказал Фебруарен. – Сильно изранен. На первый взгляд у него нет друзей и силы ему брать неоткуда. Эвийн собрала свои яблоки. И Пелла преданно ей в этом помогал.

К ним вышел похмельный и растрепанный Феррис Ренфрау.

– Давайте уже с этим покончим, – проворчал он. – И снова можно будет залезть в постель.

Хект переглянулся с Герис. Они оба уже достаточно давно промышляли убийством богов и понимали: у Прохвоста все еще остались шансы на спасение, особенно если он решит прибегнуть к каннибализму.

В мифах ничего не говорилось о связывающих его ограничениях.

– Прапра, ты и твои дружки знаете, где он? – спросила Герис. – И насколько силен?

– Слаб как дитя. С поправкой на божественное происхождение. Слабее, чем был Харулк. И силы его тают, потому что волшебство брать неоткуда. Где он, точно не знаю. Зато могу указать направление.

– Спасибо, – поблагодарила Герис, и они с Хектом снова переглянулись.

– Какие в нашем распоряжении средства? – уточнил Пайпер. – Есть что-то, чего не было там, наверху?

Он уже видел прореху, зиявшую в радужном мосту.

– Куча железа – элен-коферы его просто обожают, немного серебра, я удивилась: думала, они уж точно заберут все до последней пылинки, неполная бочка огненного порошка, но зарядить его не во что – разве что пара стареньких ручных орудий.

– Если он с трудом передвигается, стрелять и не придется. Можно просто посыпать его монетами и железяками – пусть тает.

– Монет нету, – отозвалась Герис. – Гномы забрали. Разве только у тебя в карманах что-то завалилось.

– Мелочи есть немного. Спрошу Анну и детей. У них наверняка остались мелкие монетки – в ботинках и в рукавах.

Хект, Герис, Фебруарен и Отродье вышагивали в авангарде. Сверху кружил в дозоре Асгриммур. Его птичьи крики очень трудно было разобрать. Позади за отрядом шли с полдюжины Старейших.

Прохвост обнаружился без особого труда: валялся там, где и упал, – на неровной земле в двух милях от городка элен-коферов.

Он представлял собою жалкое зрелище: могучее когда-то Орудие превратилось в полупрозрачный пузырь, который лежал в леске среди камней и мусора и едва пульсировал. Лак не внушал страха. Сверху его покрывали палая листва и грязь. Он сочился какой-то жижей. В срединном мире на такое тут же слетелись бы мухи.

– Давайте прикончим его и отправимся восвояси, – предложил Хект и направил ручное орудие на лиловато-коричневую каплю, которая темнела внутри пузыря.

Пузырь начал медленно отползать в тень, отбрасываемую скальным выступом. И тут вдруг Фебруарен спросил:

– А почему бы с ним не договориться? В нашем распоряжении мог бы оказаться хитрейший из богов – проворачивал бы за нас грязные фокусы.

Асгриммур переваливающейся птичьей походкой подошел к пузырю и клюнул его. Хект решил, что это зывали к мести жившие внутри у вознесшегося призраки.

– Лучше убить его и больше не опасаться удара в спину, – отрезала Герис.

Она и Хект выстрелили из ручных орудий, потом Пайпер воспользовался серебряными монетами, а Герис посыпала божество железными опилками из кузницы.

В голове у каждого раздался полный отчаяния и изумления божественный крик, предсмертный вопль создания, которое долгое время считало, что уничтожить его невозможно.

Пузырь растекался по земле.

– Не слишком-то впечатляющее зрелище, – заметила Герис.

– Но весьма назидательное. – Хект кивнул в сторону наблюдавших за ними богов. – Посмотри на них – они в ужасе, подавлены. Самого изворотливого из Старейших уничтожила парочка смертных людишек из срединного мира. Будем надеяться, они этого не забудут.

Ренфрау, Фебруарен и Асгриммур что-то неразборчиво забурчали.

– И Серый Странник не вмешался, – сказал Ренфрау.

– Терпение кончилось, – проклекотал Асгриммур.

В мифах и легендах Орднан терпел и каверзы, и злобные выходки, и откровенное предательство. Лаку, если верить сказаниям, суждено было стать причиной гибели Старейших, а его детям, страшным чудовищам, – сражаться с богами во время последней битвы.

– Но теперь все изменилось? – спросил Хект.

– Все изменилось под стенами Аль-Хазена, – поправил его Фебруарен.

– Или же Аль-Хазен как раз и был началом Сумерек, а миф просто неверно все истолковал, – вставил Ренфрау.

Хекту эта теория совсем не понравилась.

Остатки жидкости из пузыря впитались в землю.

– У кого-нибудь есть предложения? – обратилась к присутствующим Герис. – Бросим его? Выкопаем это все и сожжем? Развеем по ветру? Смешаем с ядом, например с железной рудой, чтобы не собрался снова воедино?

– Может, все сразу? Раскалим землю в плавильне вместе с железной рудой, – предложил Ренфрау с едва заметной ухмылкой.

Герис поглядела на него с подозрением.

– Поживи с мое, тоже так сможешь. Я сразу понимаю, что человек задумал, видя, что он делает, – пояснил Феррис. – Ты же интересовалась кузницей.

– А где яйцо? – спросил Фебруарен. – Ведь должно было остаться большое яйцо.

– Ренфрау угадал мои мысли, – призналась Герис. – Нам понадобятся все свободные руки. Феррис, спрошу в последний раз: здесь кто-нибудь станет помогать Прохвосту?

– Нет, – ответил тот, но потом добавил: – Так мне кажется. Если только тайно. Что движет Ночью...

– Неисповедимы пути. Асгриммур, слетай-ка туда и скажи им, что мы затеяли.
С воинственным криком орел неуклюже поднялся в воздух.

– Похоже, ему понравилось быть орлом, – предположил Хект, наблюдавший за недолгим полетом.

– Хорошо бы, – кивнул Фебруарен. – Если мы здесь застрянем, ему так и придется им остаться.

Асгриммур тяжело опустился на обломок скалы и сказал, медленно и тщательно выговаривая слова:

– У нас мало времени. Этот мир гибнет. Там, где раньше был... горизонт, теперь лишь серый туман.

И снова поднялся в воздух.

– Вот уж новости, – проворчала Герис.

– Не стоит об этом забывать, – отозвался Фебруарен.

– Но у вас же есть план? – чуть испуганно спросил Ренфрау.

– Мы бы уже выбрались отсюда, если б этот паскудник не вырвался на свободу, – проворчала Герис и пнула земляной пригорок.

Люди и боги принесли ведра и инструмент, Герис взялась за лопату, копнула и велела всем:

– Соберите ту землю, которая будто маслом пропиталась, и тащите в кузницу.

Сама она наполнила два ведра и двинулась к таверне.

Когда на Кор-бена Ярнейна напала словоохотливость и он принимался болтать о гномьем ремесле, Герис держала ушки на макушке.

– Такая вот девчонка, – проворчал Кловен Фебруарен. – Железноглазый нас до скрежета зубовного доводил своими рассказами. Как разойдется – скука смертная. Но Герис слушала. Хочешь к этой девчонке подольститься – расскажи ей про Ночь и железо.

– Прапра, что-то у тебя настроение хорошее, – заметила Герис.

Она как раз разламывала комья земли и кидала их в плавильню. Сначала температуру поддерживали такую, чтобы выпарилась влага и погибло все живущее в почве, а Прохвост не сумел бы конденсироваться. Потом Герис прибавила жару, и в итоге у них получилось несколько сотен фунтов непрозрачного стекла. Стекло поместили в керамические формы, в которых гномы отливали слитки, и остудили. В середине одного такого стеклянного кристалла обнаружилось сияющее, словно полыхающее огнем яйцо.

– Пайпер, ты только взгляни! Ну разве я не гениальна?

– Когда нужно приструнить Ночь, тебе нет равных.

Герис подольстилась к единственному богу-мужчине, и тот, красуясь перед ней, зашвырнул стеклянные болванки подальше в море. Одну-единственную, с огненным яйцом внутри, Герис оставила – отнесла в таверну и выставила там на всеобщее обозрение.

Потом в присутствии Ферриса Ренфрау, Кловена Фебруарена и Асгриммура, которые следили, чтобы не было уверток и оговорок, волшебница заставила Старейших снова принести клятвы.

– Наконец-то! Теперь можно спокойно выпить пива, – сказала она Хекту. – Эй вы, негодяи, не вздумайте мною воспользоваться, если напьюсь.

И Герис откупорила свой собственный маленький бочонок темного эля.

Пайпер Хект мучился первым в жизни похмельем. Ощущение не из приятных, и тот факт, что почти все остальные пребывали в том же виде, ничуть его не утешил. Накануне Анна с детьми отправились спать, пока празднество не перешло в настоящее буйство, и потому смотрелись лучше прочих.

– Я же ничего такого не сделал – глотнул пару раз, и все, – пожаловался Хект Асгримуру, но тот сочувствия не проявил.

Вознесшийся не смог толком напиться, а ведь там, где прошла его молодость, пьянство считалось искусством достойных мужей.

Весь вечер Хект нянчил кружку и качал головой, глядя на Старейших. Как и их бывлая паства, боги полагали, что самый лучший способ развлечься – напиться вдрызг и затеять драку.

Таверне здорово досталось.

Анна принесла Хекту завтрак – кусочки ветчины и сыра, копченые и порядком засохшие. Пришлось тщательно все пережевывать.

– Пайпер, скажи Герис, надо отсюда выбираться. Эти Орудия пожирают все, что под руку попадет. Завтра, кроме пива, ничего не останется.

Хект с ворчанием потер виски. От головной боли это не спасало.

– Хлеб кончился?

– Да. Мука и все, из чего его можно испечь, тоже. Осталось немного копченого мяса и жесткого сыра. Даже фрукты сушеные кончились.

Откуда ни возьмись появилась Вэли.

– Отец, я нашла немного лука. Фунтов двести.

Лучше уж лук, чем засохшая ветчина.

– Скоро мы все с удовольствием будем есть лук. А это еще что?

Старейшие внезапно подскочили, словно укушенные, и начали перешептываться.

– Позови Герис, – велел Хект, достал ручное орудие с огненным порошком и со стуком положил его на стол.

Фитиля под рукой не было, но это и неважно: Старейшие не понимали, как действует его оружие. Они вообще плохо понимали механику и технику, этими делами ведали эленкоферы.

Пайпер жевал ветчину и наблюдал. Рядом уселась Герис и тоже принялась молча жевать и наблюдать.

Подтянулся Кловен Фебруарен, а следом за ним и Феррис Ренфрау – оба с тяжелого похмелья.

– В нормальном мире умелый волшебник избавится от похмелья в мгновение ока, – простонал Фебруарен.

– Да, в мире, где есть цвета и волшебство, – вторил ему Ренфрау.

В таверне все было бесцветным. Хект уже понимал, что это значит: никакой магии.

Он пощупал левое запястье. Амулет на месте.

– Совсем нету волшебства, – пролепетал Фебруарен, заметив его жест.

Из толпы Старейших выступили двое – на вид пышущие здоровьем мужчина и женщина лет сорока, близнецы Гаурлр и Гаурли. Изначально они не принадлежали к Лучезарным, но были Ранулами – их сокрушили Старейшие во время Войны Богов. Тогда кое-кто из проигравших оставил свой мир и переселился в Небесную Крепость.

Любопытство так и подмывало Пайпера Хекта расспросить их и разузнать все подробности о тогдашней схватке.

Близнецы подошли к нему. Вид у них был почтительный.

– Вполне очевидно, вы нам не доверяете, – сказала женщина, – несмотря на все вырванные вами клятвы и уверения.

– Вы к Герис обращайтесь. – Хект указал на сестру. – Она здесь принимает решения.

– Как пожелаешь, – кивнула Гаурли.

– Вы судите о нас по Лаку, – сказал ее брат, поворачиваясь к Герис. – И думаете, раз он себя так ведет, то и мы тоже будем. Но это не так.

У Хекта вертелось на языке едкое замечание: мол, и одного взбрыкнувшего Орудия вполне достаточно, – но он сдержался и ничего не сказал.

– Почти все знания о вас исчезли из срединного мира, – сказала Герис. – Вы остались лишь в крестьянских сказках и Асгриммурических воспоминаниях о Небесной Крепости. Да еще в голове у Отродья. И судя по этим обрывкам, верить Лучезарным не стоит.

– Возможно. Естественно, точка зрения людей отличается. Но надо же принимать во внимание их смертность. Мы стараемся выжить. Нам нужно попасть в срединный мир, чтобы почерпнуть силу. В том мире, пока вы живы, мы будем верны своим обещаниям. Никаких уловок, предательства, никаких казуистических глупостей, чтобы отвертеться от обговоренных обязательств. Нам грозит вымирание, а это не самая заманчивая перспектива.

– Раньше мы думали: лучше казаться людям хитрыми и коварными, – подхватила Гаурли, поворачиваясь к Хекту. – Хотя дурную славу себе заработали не из-за каких-то особых ухищрений, а потому, что смертные подвержены иллюзиям и нечетко мыслят.

Хект не был уверен, что все понял, но слова Гаурли ему понравились.

В таверну ворвался Корбан Железноглазый и едва не упал, запнувшись на пороге. Храбрый, но не предвещающий ничего хорошего поступок. За гномом следовала дюжина приземистых волосатых коротышек, весьма свирепых на вид. Все они были в доспехах и прихватили с собой острых предметов.

Элен-коферы.

У каждого гнома и гномихи на шлеме сыпал искрами горящий фитиль. И у каждого было с собой, помимо всего прочего, не менее двух ручных фальконетов.

– Я так и думал, что они вскоре раздобудут себе игрушки с огненным порошком, – прошептал Хект Герис.

– Но их появление – добрая весть.

Раз гномы явились, значит все сумеют выбраться из Обители Богов. Если Железноглазый их выпустит.

Никто из Старейших не стал угрожать элен-коферам. Мудрое решение, если вспомнить, что на кону стояла жизнь богов.

Наследный принц элен-коферов с важным видом прошелся по таверне, взглядываясь в каждого бога и каждого смертного. Пайпер Хект спокойно встретил его взгляд, а потом захихикал.

– Что это тебя так позабавило?

– У тебя башка горит.

– Ой-ой!

Сбившийся на сторону фитиль поджег волосы Кор-бена Ярнейна, и гном мигом потерял свой грозный вид.

Сын Ярнейна полил незадачливого батюшку водой. Сцена получилась такая нелепая, что напряжение в зале разрядилось.

Железноглазый притворился, что ему тоже весело.

– Герис, девочка моя, ты превзошла мои ожидания. Вытащила их из плена и укротила. А каковы были шансы?

– Я знал, ты справишься, – встрял Медяк.

– Подкатываешь ко мне?

Младший гном ни о чем подобном не помышлял и потому вспыхнул не хуже своего фитиля.

– Ладно, шучу. Железноглазый, прекращай строить из себя грозного злодея и помоги нам убраться с этой помойки, пока мы с голоду не померли.

– Пивом и луком питаетесь? Вот же рай на земле.

– Так ты подслушивал у замочной скважины.

Хект поразился: вот это смелость. Железноглазый вполне мог устроить ей веселую жизнь.

– Герис.

– Знаю-знаю. Все, прекращаю.

– Мои извинения, – объявил Железноглазый. – Я и правда не думал, что вам удастся удержать все под контролем.

– У нас все готово. Договор заключен. В обмен на свободу Лучезарные помогут Пайперу. Как только к ним вернуться силы, вместе займемся большой семейкой Харулка. Итак, расскажи, как вернуться домой.

– Душа моя, все просто. Почти точно так же мы открыли проход для твоего престарелого родича. Пакуйте вещички, и все на борт.

– Ладно, – отозвалась Герис, поднимаясь.

– Но сначала я все осмотрю. Проверю: все ли так, как кажется.

– Тебе судить. Делай что хочешь. Так мы и договаривались.

– Какой соблазн. Можно ведь просто оставить все потихоньку угасать. Так для элен-коферов в некотором роде восстановится равновесие. Но мы и правда обещали. Хоть и оставили за собой право передумать, если речь пойдет о нашем собственном выживании.

– Какие же вы страшные хвастуны и ни капельки не волнуетесь, что кто-нибудь это поймет. Ну же, Железноглазый! Я тебя видела в деле и знаю, что вы замышляете.

– Герис, ты просто чудо. Как жаль, что ты не из элен-коферов, я бы тебя заполучил в свой гарем.

Один из волосатых коротышек чувствительно шлепнул наследного принца по левому плечу.

– Какая жалость. Но я бы затребовала себе особые права. Значит, мы поплывем.

– Погребем. Только так это и можно сделать.

– Не совсем правда, но мы же не будем придираться и выпытывать, где укрыты тайные тропы в мир элен-коферов? Я хочу домой. Но мне кое-что нужно сделать перед уходом. – С этими словами Герис торопливо вышла.

Железноглазый вопросительно поглядел на сидевших за столом мужчин, а потом пожал плечами.

Герис вернулась, прихватив с собой яйца, оставшиеся от Прохвоста, Красного Молота и Зира. Она свалила их на стол прямо перед Лучезарными и показала, кто есть кто.

– Возможно, я смогу возродить этих троих. Я единственная, кому это под силу, и потому хочу услышать аргументы за и против. Буду иметь в виду характер каждого.

Говоря проще, Герис давала понять, что не особенно расположена выслушивать доводы в пользу Прохвоста.

У богов имелось собственное мнение, и они начали громко его высказывать.

– Прекратите! – рявкнула Герис. – Дебаты устраивать не будем. Проголосуем. Оставляю и за собой право голоса. Сперва обсудим Лака. Голосую за то, чтобы милосердия ему не оказывать. Этот сукин сын должен остаться здесь.

Шестеро Старейших согласились с ней. Спренгуль и Фастфаль пришли в смятение, но потом с неохотой поддержали большинство.

По отношению к ним проявили мало терпения, они были слабейшими из освобожденных Орудий.

– Ладно. Превосходно. Прохвост остается тут. – Герис указала на яйцо, оставшееся от бога войны. – Здесь у меня нет четкого мнения. О нем я ничего не знаю. Вступлю, только если голоса разделятся поровну.

Но этого не произошло. Тихого Зира, которого в нынешние времена почти никто и не помнил, уважали все соплеменники. Его товарищи, по всей видимости, думали, что ему следует занять место верховного божества. Он был самым мудрым и самым старшим.

– Остается Красный Молот. Мыслить и планировать не умеет, поэтому и оказался в таком положении. Разное о нем говорят. Думаю, он наверняка выкинет еще какую-нибудь смертельно опасную глупость, вздумай я его воскресить.

Трое Старейших проголосовали за воскрешение, двое против; Гаурли и Гаурлр воздержались, а с ним и приемная дочь Красного Молота Старица.

Остальным было плевать.

– Присоединюсь к тем, кто против, – сказала Герис. – Пока присоединюсь. Значит, голоса разделились поровну – три на три. Железноглазый, займись Лаком и Красным Молотом. Лака нужно оставить здесь, Красного Молота прихватите домой, пусть лежит пока. Что это вдруг у тебя так глазки заблестели?

– Лака отдадут на милость элен-коферов? Лака, который причинил нам столько зла? Бесценный подарок.

– Железноглазый, ты не сможешь ему отомстить.

– Но...

– Чтобы ему отомстить, придется его воскресить. А этого допустить нельзя. Я именно потому и хочу его здесь бросить, чтобы не осталось никаких шансов на воскрешение. Если Лак выберется из этого мира, то рано или поздно отыщет себе помощников – вроде тех людей, что пытались воскресить своих Старейших в Коннеке.

Железноглазый злобно посмотрел на Лучезарных и сказал:

– Хочешь на меня это все свалить?

– Временно. В один прекрасный день Красный Молот уже не будет так опасен – и я верну его.

Жатва принялась возражать.

– Нет, не сразу, – ответила ей Герис. – Не хочу, чтобы он выскочил и на всех накинулся, понимаешь?

Пайпер Хект перехватил взгляд Фебруарена. Старик, похоже, тоже поражался этой новой Герис.

Корабль покачивался в гавани возле причала. Бесхозное судно стало частью местного пейзажа и едва держалось на плаву – а ведь когда магии было достаточно, оно превращалось в золотую ладью.

Гномы вывели ладью в залив и гребли до тех пор, пока не добрались до невидимого барьера. С причала казалось, что море вдаль окутывает туман, но возле барьера, если хорошенько прищуриться, становилось видно срединный мир: покрытое волнами холодное темно-серое море, в котором то тут, то там плавали глыбы льда, отколовшиеся от ледников на севере. В этой части срединного мира про лето давно забыли.

– Приготовьтесь, – велел Железноглазый Старейшим. – Магия срединного мира уже не та, но даже ее остатки ужалят вас. Такого вам не доводилось пробовать вот уже много лет. Когда она на вас обрушится, не потеряйте себя.

Асгриммур в одиночестве стоял на корме.

– Он что – хандрит? – спросил Хект у Герис.

– Бойтся. Не хочет снова перемещаться с помощью Модели. В последний раз едва уцелел.

– Мне этот ужас знаком. – Хекта и самого такое путешествие порядком вымотало. – Хотя в тот раз, когда вся семья вокруг меня столпилась, было не так уж и страшно. Скажи ему, пусть летит. У него же крылья есть.

– Хорошая идея. Хотя ему очень хочется снова принять человеческое обличье.

Железноглазый со своими подручными трудился над проходом в срединный мир. Все сразу же почувствовали, когда он открылся.

Боги задохнулись от изумления. Кто-то вскрикнул. Магия, хоть и скудная, была очень вкусной.

– Полегче! – прогремел Железноглазый. – Не вынуждайте меня принимать меры!

Боги никак не могли угомониться, но все еще сохраняли здравый рассудок. Железноглазый напомнил им, что выжить можно, лишь проявив терпение. Нужно открыть портал, чтобы ладья смогла выйти в срединный мир.

По воде стали разбегаться ручейки цвета. На гнилом дереве заиграли золотые отблески.

– Ну вот, – посетовал Железноглазый. – Какая уж тут дисциплина.

Кое-кто из Старейших превратился из человека в облачко серого тумана, облачка извивались и переплетались, пытаясь прорваться к магии.

– Они посеют ужас вокруг островов, где живут моры, – проворчал Фебруарен.

Еще несколько богов поддались голоду.

– Будем надеяться, про свои обязательства не забудут, – добавила Герис.

Проход продолжал открываться. Железноглазый действовал с осторожностью.

– Чего-то опасешься? – спросил Хект.

– После того, что Герис учинила с Харулком? Да еще наверняка с помощью элен-кофиров? С чего бы это мне опасаться проникать в его мир? Сородичи Ветроходца непременно пожелают обезопасить себя от его участи.

– Теперь время назад не повернешь. Знание распространилось. Сам Господь не сможет ничего обернуть вспять.

Какое богохульство! Господу подвластно абсолютно все.

Хекту очень хотелось в это верить, но он не мог. Больше не мог.

– Твоя правда, Предводитель Войска Праведных, но изначальные Орудия все равно будут пытаться.

Несомненно.

Асгриммур отправился проверять, насколько успел открыться проход. Последние двое Старейших поддались голоду. Одержимый чуть поднял крыло, расслабил его.

– Герис, уже почти пора. Будь осторожна во время перемещения, – сказал он, вспрыгнул на борт ладьи, с трудом сохраняя равновесие, и устремился вперед.

Едва не плюхнувшись в воду, Асгриммур чиркнул по волнам правым крылом, потом левым и набрал высоту.

– Между вами что-то происходит? – спросил Хект у Герис.

– Пока нет.

– Герис!

– Я не то имела в виду, что ты подумал. Хотя в любом случае это совершенно не твоего ума дело.

– Герис! – Он попытался подпустить в голос мужской властности.

– Братец, не лезь. Или домой потопаешь пешком. До Фрисландии живой доплывешь – а там всего каких-нибудь месяца три идти.

Фебруарен и Ренфрау потешались над их диалогом, но молча.

– Тридцать восемь лет мужчины указывали мне, что делать и чего не делать, – проворчала Герис. – И было мне паршиво. Теперь с этим покончено. Спасибо большое, но в паршивые истории отныне я буду влипать самостоятельно.

Фебруарен незаметно махнул Хекту рукой, так, чтобы Герис не видела: мол, лучше заткнись.

– Как пожелаешь, – смирился Пайпер.

Он признавал право сестры решать самой, но такое желание поставило его в тупик.

В этом новом мире стоило подумать, что он уже ко всему приспособился, как на него тут же обрушивалось что-нибудь еще, и так каждый раз.

Железноглазый что-то прокричал по-элен-коферски. Взлетели весла, судно развернулось и устремилось в открывшийся проход.

Даже Пайпер Хект почувствовал, как все изменилось, когда они выплыли из Обители Богов.

Ренфрау мгновенно исчез своим непонятным способом, и, кроме гномов, на корабле остались лишь Хект и его разношерстное семейство.

– Прапра, ты с нами? – спросила Герис. – Или у тебя свои какие-то дела?

Хекту показалось, что Фебруарен чересчур долго думал над ответом.

– У меня имеются свои обязанности. Увидимся в особняке. – И волшебник исчез с хорошо слышным хлопком.

– Давайте поближе все, вокруг Пайпера, – велела оставшимся Герис. – Анна, вы с Пеллой – в середину. Лила и Вэли – вы как раньше. Пайпер, держи.

Она вручила брату уцелевшее от Зира яйцо, обернутое в элен-коферовскую тряпицу.

Пайпер удивился – яйцо было тяжеленным, словно из железа.

– Что?

– Просто держи покрепче. Во время перехода. Мне нужно, чтобы руки были свободны. Уронишь в Ночи – всем нам пожалеть придется. Возможно. Наверняка не знаю. Только вот не могу я одновременно тебя домой доставить и с этим разобраться. Пелла, давай.

Мальчишка с восхищением смотрел на холодное Андорежское море и видневшиеся на севере ледяные скалы. Где-то там его тетка прикончила Ветроходца.

Хект засунул яйцо за пазуху, приладил понадежнее.

Корбан Железноглазый крикнул своим гребцам, и те развернули ладью. Сейчас они вернутся в Обитель Богов.

Родные теснее прижались к Пайперу.

– Через несколько часов девяти миров не станет, – объявил Железноглазый. – Мы запечатываем Обитель, и она сгинет. Герис, предупреди своего предка, чтоб больше туда не совался, а то погибнет. Там не останется ничего – только яйцо Прохвоста.

– Передам, хотя вряд ли он захочет туда вернуться.

– Герис, знакомство с тобой для меня большая радость. Поминай элен-коферов добрым словом и иногда хорошим глотком эля, если сможешь.

Хект понял то, чего не поняла Герис: Железноглазый прощался с ними навсегда. Корбан не собирался больше знаться со срединным миром, для него эта глава завершилась.

Пайпер ощущал надежно спрятанное яйцо Зира – рубашку словно оттягивала дюжина кирпичей. Яйцо было теплым. Хект обнял Анну и Пеллу, а те обняли его. Герис с девочками плотно обхватили всех троих, держась за руки.

Свет для Пайпера Хекта померк.

10

Альтен-Вайнберг, страх перед днем грядущим

Элспет пребывала в дурном расположении духа, ей казалось, хорошо она себя вряд ли уже когда-нибудь снова почувствует. Вести о кончине Катрин еще официально не дошли до Альтен-Вайнберга, но даже теперь на будущую владычицу давило неподъемное бремя империи. Насколько же хуже все станет, когда на нее накинется все эти жадные курфюрсты и вельможи?

И где же Феррис Ренфрау и Предводитель Войска Праведных? В особенности Пайпер Хект. Альгрес Дриер действовал сурово и беспощадно, но этого было мало.

– Хильда, почему я так одержима человеком, который старше меня и вдобавок уже не свободен?

Элспет уже успела поведать о своем неукротимом чувстве к Предводителю Войска Праведных. Леди Хильда не удивилась.

– Ваше чувство едва ли можно назвать неукротимым, но оно гораздо более заметное, чем вы думаете, – сказала тогда Хильда.

Теперь же она ответила:

– Может, все потому, что вам не хватает отца.

– Когда я подхватила эту болезнь, мой отец еще был жив.

– Да, знаю. Племенца. – После того как Элспет наконец-то призналась, Хильде не единожды пришлось выслушать эту историю. – Но зачем задавать вопросы, если вы не желаете слышать ответ?

Хильда с почти угрюмым видом вернулась к вышиванию, но потом вдруг хихикнула.

– Что такое?

– Сколько у вас было возможностей воплотить в жизнь свои мечты, с тех пор как Катрин притащила его сюда? Но вы до сих пор девственны.

– Хильда, я – не просто женщина, я еще и символ. Товар.

– Все это я уже слышала. А она что здесь забыла?

Хильда имела в виду госпожу Дельту ва Кельгерберг, которую не переносила на дух (чувство было взаимным). Ва Кельгерберг когда-то состояла в свите у Элспет, а потом хитростью перебралась в свиту императрицы Катрин.

– В чем бы там ни было дело, Дельта будет вести себя как можно несноснее. – Элспет втайне злорадствовала: всего через несколько дней жизнь ва Кельгерберг значительно усложнится. Еще совсем немного, и она пожнет плоды своих трудов.

Зачем явилась госпожа Дельта, Элспет выяснить не успела, потому что вмешался Альгрес Дриер:

– Ваше величество.

– В чем дело, капитан?

Дриеру не помешало бы подучить этикет, особенно в присутствии придворных дам. Сейчас в зале их сидело с полдюжины, и каждая шпионила для своего мужа или любовника. А то и для того и другого сразу.

– Феррис Ренфрау молит об аудиенции. Я знаю, вы обычно выслушиваете его доклады как можно скорее.

– Поскольку нынче его трудно застать, воспользуюсь возможностью. Хильда, проводите госпожу Дельту во флигель, а потом присядьте где-нибудь в сторонке, чтобы я могла принять Ренфрау, не запятнав свою репутацию.

– Уж я позабочусь об этой ва Кельгерберг! – пробормотала леди Хильда и отправилась выполнять поручение.

Хильда и раньше выполняла роль дуэньи на таких встречах. Недруги наследной принцессы пытались раздуть слухи, но все обвинения вызывали лишь насмешки и презрение: в Альтен-Вайнберге слишком хорошо знали Элспет Идж.

Пока леди Хильда выпроваживала придворных дам, явился Ренфрау. Госпожа Дельта негодовала, ведь Ренфрау приняли раньше ее. Дриер занял пост в дверях. Он тоже засвидетельствует благоразумное поведение Элспет.

– И снова вы выглядите так, будто прямиком из свинарника явились, – поприветствовала Элспет главу имперских шпионов. – Мне думается, вам не повредило бы время от времени принимать ванну.

– Постараюсь запомнить, ваша светлость. Но я уже тут. Можем мы удалиться в тихую комнату?

– Нет. Единственную подходящую сейчас как раз перестраивают. Воспользовавшись вашим советом, я велела проверить наши тихие комнаты. Во всех обнаружались щели, и я приказала заняться починкой. Если щели останутся, кое-кто ответит головой.

– Прекрасно, хоть в данный момент и неудобно. – С этими словами Ренфрау достал замшевый мешок и вывернул его на пол.

Из мешка высыпались черные горошины, которые развернулись и превратились в многоножек. Многоножки разбежались по залу, выискивая невидимых соглядатаев.

– Когда мастеровые доложат, что комнаты готовы, я лично произведу инспекцию.

– Сообщи им об этом. А пока ваши жуки не дадут Ночи вмешаться. Итак, какие важные вести вы принесли на этот раз?

– Не столь важные, как тогда, когда сообщил, что вы станете императрицей, но вам все равно следует знать. Помните правило: не перебивать. Потом я отвечу на ваши вопросы. Если они будут к месту.

– Неужели я когда-нибудь задавала неуместные вопросы? – отозвалась Элспет.

Глянув на капитана Дриера и леди Хильду, стоявших у дверей, она спросила себя: не решила ли Хильда добавить к списку своих побед еще и Дриера?

– Вы правы. – Ренфрау тоже оглянулся на «свидетелей», но его мысли трудно было угадать.

Он поведал ей о своих приключениях в иных мирах, где встречал богов, которых, если верить уверениям церкви, никогда не существовало, и сказочных созданий – гномов и моров.

Услышав пылкий рассказ своего главного шпиона о юной Филлиас Пескадора, девушке из племени моров, Элспет с изумлением спросила:

– Становится девственницей каждый раз, как принимает человеческое обличье и выходит из воды?

Какое полезное умение!

– Да. Но вопросы потом, – отозвался Ренфрау и продолжил рассказ.

Элспет заметила грязную повязку на его левом запястье.

– У Предводителя Войска Праведных есть сестра? – Больше всего Элспет интересовали личные подробности.

– Да, если я правильно все понял. А их отец был генералом из Братства Войны по имени Грейд Дрокер. И незаконным сыном принцепата Муньеро Делари, одного из самых могущественных волшебников в коллегии.

– Я его видела, когда мы были в Броте.

– Я так и подумал. А принципат Делари, в свою очередь, видимо, приходится внуком Кловену Фебруарену или Девятому Неизвестному. Фебруарен был в Небесной Крепости и во всем участвовал. Занимательный персонаж и весьма умелый чародей, хотя хорошо это скрывает.

– Я знаю еще одного такого же персонажа.

– Знаете. Хотя с каждым днем ему все сложнее. Та женщина, Герис, звала Фебруарена «прапра». Так что он, видимо, приходится дедом ее деду. Она и приемные дочери Предводителя выпестовали у себя весьма примечательные таланты. А вот Хект и его мальчишка по имени Пелла так и остались никем.

Элспет совсем не рада была услышать о том, что у Предводителя Войска Праведных имеются дочери, пусть и приемные, хотя он этого и не скрывал. Из-за рассказа Ренфрау девочки казались более настоящими.

Принцесса не задала ни единого вопроса об этой Анне Как-Ее-Там.

А Ренфрау не стал ее разуверять или успокаивать.

– Вы говорите так, будто бы вас долго не было, но прошло всего два дня.

– В тех краях время движется иначе. Нельзя вычислить точное соотношение, но сейчас оно составляет не менее десяти дней к одному.

– Он приедет? Они едут сюда?

Элспет старалась говорить ровным тоном, но понимала: Ренфрау ей не провести. Хотя волновалась она не о главе имперских шпионов: кто-то еще мог их подслушивать.

– Они не особенно-то держали Ферриса Ренфрау в курсе дел. Слишком многое им обо мне известно. Но жизнь складывается в узор, который вполне можно распознать. Предводитель Войска Праведных нагонит свои войска. Возможно, прихватит с собой того мальчишку Пеллу, матери-то с парнем уже не совладать. Остальные собирались остаться в Броте. Девочки обучаются в одной из престижнейших церковных академий.

– Значит, все вернется к началу – еще до того, как убили Джейма и Катрин сошла с ума.

– Вот только теперь у нас будет новая императрица. А сейчас пойду и приму ванну, как вы того и желали.

– И снова навстречу приключениям? Или же мне позволено будет надеяться, что вас проще теперь разыскать?

– Возможно. Я буду здесь во время передачи власти, когда дойдут вести о гибели Катрин. Недавно я видел графа фон Рейма. Если сможете, поговорите с ним. Он с братьями может стать весьма ценным другом.

Граф и четверо его братьев приходились братьями Хильдегрюн Маченской, матери Катрин, которая умерла, когда Катрин была еще младенцем. Дядюшки играли роль ангелов-хранителей Катрин. В целом Элспет ладил с ними лучше, чем со своей сестрой.

Она смотрела вслед Феррису Ренфрау. Какие такие срочные вести он сообщил, которые не могли бы подождать еще час? Или даже день? Элспет заметила, что своих загадочных многоножек Ренфрау не забрал. Быть может, и забирать-то уже было некого.

Коротышка возник из ниоткуда, крутанувшись на месте, как раз тогда, когда леди Хильда вводила в покои для вышивания Дельту и остальных дам. Госпожу Дельту успели угостить кофе, и от таких почестей настроение ее улучшилось.

За мгновение до появления волшебника время в зале остановилось для всех, кроме Элспет и самого коротышки. Старик принялся:

– Уже побывал здесь. Шустрый! Нужно было тогда лучше за ним присматривать.

– Что вам угодно?

– Хотел рассказать о приключениях Предводителя, но Отродье, как я вижу, уже дожил.

– Если вы имеете в виду Ферриса Ренфрау, то да. Он только что ушел. Судя по его рассказу, вы – Кловен Фебруарен, так называемый Девятый Неизвестный.

– Меньше болтать языком придется. Перескажите его историю, и я доскажу то, что он упустил.

Стал бы Ренфрау что-то утаивать? Да. Почти наверняка. Даже ближайшие союзники редко во всем честны. Элспет пересказала основное и, глядя на веселое лицо своего собеседника, поняла, что кое-что Ренфрау не сказал, а кое-чего коснулся едва-едва.

– Так что же он утаил?

– Из того, что вам нужно знать, не так уж и много. Кое-какие мелочи, например тот факт, что давным-давно он работал на меня. А еще то, чего нам удалось добиться в мире, которого, если верить обещаниям религиозных вождей, не существует.

– И чего же вам удалось добиться?

– Многого. Хотя всю правду еще предстоит узнать. Я и сам кое о чем умолчу. Неведение может избавить вас в будущем от многих печалей. Как бы то ни было, мы не хотим, чтобы вы отвлекались, когда в Альтен-Вайнберг дойдут вести о вашей сестре. Не унывайте. Пайпер Хект и Войско Праведных скоро будут здесь.

Он развернулся на месте.

Время снова пошло.

– Капитан Дриер, я желаю видеть графа фон Рейма или кого-то из его братьев. Ступайте, – велела Элспет и повернулась к госпоже ва Кельгерберг.

Надо поскорее разобраться с ней и покончить с этой неприятностью.

Капитан Дриер разыскал троих дядюшек Катрин. Все трое приняли приглашение наследной принцессы и явились на встречу.

– Спасибо, что так быстро пришли, – поблагодарила их Элспет. – Я едва смела надеяться, что кто-то из вас явится.

– Сама ваша просьба говорит о том, что дело важное, – ответил граф фон Рейм, чуть склонив голову.

Альберт фон Рейм напоминал Элспет ее отца: он был невысок, в отличие от остальных двух братьев, которые походили на свою племянницу Катрин – такие же долговязые и белокурые.

– Прошу прощения, но у меня нет тихой комнаты. Момент поистине неудачный, но выяснилось, что все они в плохом состоянии. Хотя то, что я хочу вам сообщить, скоро станет известно всем.

Меньший из братьев, Фридл, был, наверное, лет на двадцать младше Хильдегрюн. В нем было немного того, что так влекло Элспет в Предводителя Войска Праведных. И он тоже был женат и верен жене.

– И что же вы хотите нам сообщить?

– Сначала скажу, что поведал мне об этом Феррис Ренфрау. И посоветовал немедленно известить вас. У него имеются свои необычные способы добывать сведения.

– Так говорят. И что же?

– Трудно просто так вывалить на вас все это. Ренфрау сказал, Катрин мертва. По никому неизвестным причинам она помчалась галопом по берегу Терагая в Броте, упала в реку и утонула. Это все, что он мне сообщил.

Дядюшки Катрин молчали. Наконец двое младших повернулись к графу фон Рейму, и тот выдавил:

– У Господа нашего и впрямь мрачное чувство юмора: забрать к себе дочь вот так, когда Он допустил подобное с ее матерью. Вам что-нибудь еще известно?

– Нет. Но она наверняка была чем-то расстроена, раз отправилась скакать верхом. Так она справлялась со многими невзгодами.

– Да. Наверное, так и было. Хотя Катрин постоянно находилась в смятенных чувствах. Начала страдать от приступов безумия. В нашем семействе есть такая врожденная склонность. – Граф склонил голову, словно в молитве.

Элспет не стала ему мешать.

Спустя несколько мгновений граф посмотрел на нее:

– Возможно, ее кончина – благословение для империи. Кое-кого из нас недуг терзал десятилетиями. Она могла учинить несметные беды.

Элспет заметила на щеке у графа мокрый след. Его братья изо всех сил старались сохранять суровое молчание.

– Мы услышим все в подробностях, когда придет Войско Праведных, – сказала принцесса. – Насколько я поняла, были свидетели. И несколько человек утонули, пытаясь вытащить Катрин из реки.

– Благодарю вас, Элспет, что выбрали время рассказать нам обо всем. Катрин ничего подобного бы не сделала.

Средний брат, Родольф, впервые за все время открыл рот и промямлил:

– Теперь понятно, почему переполошились браунскнехты.

– Именно, – согласилась Элспет. – Они еще не знают, в чем дело. Узнают тогда же, когда и все остальные. Но к тому моменту у них в руках будут ключевые посты.

Старший фон Рейм снова ее поблагодарил, и братья удалились. На пороге граф остановился и смерил Элспет загадочным взглядом.

Она понадеялась, что поступила правильно.

Не следует делать из этих людей врагов.

11

Антье, жены покойников

Спустя два дня после возвращения Бернардина в Антье из города выступил отряд. Сорок копейщиков отправили в дальний поход и наказали ехать налегке и быстро. На самом деле народу в отряде набралась почти сотня – конюшие, сержанты, слуги, никто не отправился в одиночку. Да еще три сотни лошадей.

Всем ведь нужно было на чем-то ехать, везти еду, палатки, пожитки. Обычно боевых коней не загружали работой, и они трусили себе спокойно, пока не доходило до схватки, но в этот раз на них навьючили припасы.

Брат Свечка наблюдал за отрядом, стоя над городскими воротами, и поражался этому, как выразились воины, «налегке». На востоке всадники действовали совершенно иначе, хотя монаху рассказывали, что и за ними частенько следовали длинные караваны верблюдов.

Совершенный беспокоился. Выступавшие в поход вояки боялись своего командира. Даже лошади казались чуть напуганными.

Графиня Сочия поставила во главе отряда Кедлу Ришо и с презрением отвергла все возражения. Ко всем, кто пытался ей перечить, она охотно применяла силу.

Желающих перечить было на удивление мало.

Со времен кауренских событий слава Кедлы умножилась, а Сочия уже давно жила в Антье и успела заработать солидную репутацию. Все помнили о резне у брода Суралерт, где она расправилась со знатными вельможами и церковниками.

Почти всех жителей Антье устраивало правление графа Реймона. Графиня пообещала ничего не менять и даже, возможно, пойти еще дальше в своей решимости.

Но... Женщина во главе войска?! Пусть даже и свирепая. Такое можно встретить только в древних легендах, а не в нынешние времена.

В ответ на подобные возражения Сочия напоминала о королеве Изабет, Анне Менандской, императрице Катрин и ее сестре Элпет. Обе дочери Йоханнеса Черные Сапоги присутствовали на поле боя во время кальзирского священного похода, а ведь им тогда было меньше лет, чем Кедле Ришо сейчас. Да и сама графиня Антье Сочия Рольт сражалась с оружием в руках с шестнадцати лет. И Кедлу теперь посылает лишь потому, что сама пока не может держаться в седле.

Нрав графини был известен, да и суждению графа Реймона в городе доверяли, и потому дворяне и вельможи не стали спорить с желаниями Сочии.

Антье закроет глаза на такое неслыханное дело, пока Сочии и Кедле сопутствует удача.

Всадники выехали на рассвете. Стоял сильный туман, и старик убеждал себя, что щеки у него повлажнели именно поэтому. Его одолевала грусть. Из-за этого похода Кедле пришлось бросить все.

Она была дорога монаху почти так же, как Сочия. Он знал ее с пеленок, она была единственным дожившим до взрослых лет ребенком его близких друзей. Он ведь обратил Раульта и госпожу Арчимбо в мейсальскую веру еще до ее рождения.

Раульт с женой все еще не могли оправиться от потрясения и не нашли в себе сил смотреть, как их до зубов вооруженная дочь уезжает из Антье в окружении неотесанной солдатни. Ее кровожадность глубоко их уязвляла.

Неотъемлемой частью мейсальства было миролюбие. Хотя добрый Господь и утверждал, что злу необходимо противиться всеми возможными средствами, не исключая и оружия, почти все ищущие свет сражений избегали. Сам брат Свечка никогда во гневе не поднимал ни на кого руку. А вот Кедла не просто откликнулась на свирепый зов – ради него оставила своих детей.

Время между возвращением Бернардина и отъездом Кедлы выдалось для Свечки хлопотным: он много времени проводил с четой Арчимбо, напоминая им, что нужно держаться и оставаться сильными ради внуков. Старику пришлось молча терпеть разгром, который Сочия учинила среди сторонников Брота. Помимо всего прочего, публично казнили одиннадцать членов Конгрегации по искоренению богохульства и ереси. Графиня арестовала сорок три человека по подозрению в шпионаже для бротской епископальной церкви, а потом приказала изгнать епископальных священников, которые не скрывали своих взглядов еще до приключившейся с Реймоном беды.

Священников этих изгнали лишь мольбами брата Свечки. Сама Сочия хотела собрать их вместе и сжечь – точно так же, как Конгрегация сжигала ищущих свет.

Брат Свечка спустился со стены и отправился в дом, который Сочия отдала Кедле и ее спутникам. Пекарь Скарре с женой обосновались на первом этаже. У них в Антье стали появляться клиенты, которым полюбился мягкий кауренский хлеб. Еще в доме теснились супруги Арчимбо, их внуки, Гилеметта и Эскамерола. Гилеметта и Эскамерола присматривали за детьми и прислуживали в графском замке – в основном ходили за графиней и Люмьером. Раульт с женой пока сидели без работы. Раульт был дубильщиком, а дубильное (как и мясницкое) ремесло в Антье сильно пострадало: поскольку враг постоянно нападал и брал город в осаду, сократилось количество скота, который раньше во множестве пасся за стенами.

У кожевников дела тоже шли неважно.

Дважды по дороге к Арчимбо наблюдал брат Свечка, как якобы друзья графа Реймона загоняют якобы врагов графа. Старик уверен был, что у Бернардина имеются свои люди в Конгрегации и кузен графа знает, кто в ней состоит и кто ей сочувствует. В городе начали сводить старые счета.

Свечка не осмеливался вступать. В Антье сильна была мейсальская вера, но многих ищущих свет войны и осады сильно ожесточили, у горожан больше не осталось сил прощать или оказывать снисхождение Свечке, который проповедовал прощение.

– Волки на воле, – сказал Раульт Арчимбо. – Именно поэтому мы не стали провожать Кедлу.

Это была неправда, но совершенный не стал возражать. Раульт имел право не одобрять поведение дочери.

– Зашел посмотреть, как вы тут. Надолго не останусь: графиня вечно находит для меня дело.

Именно так все и было: Сочия оказалась в весьма затруднительной с точки зрения политики ситуации – что делать с герцогским титулом, предназначавшимся Реймону? Граф погиб, и титула теперь не видать, если только по какому-нибудь невероятному стечению обстоятельств Изабет вдруг не согласится передать его Люмьеру.

Брату Свечке приходилось вести переписку, поскольку он знал Изабет. Пока королева ничего не ответила, но наверняка скоро придут неутешительные известия.

Благодаря визиту Свечки супруги Арчимбо смогли узнать новости о Кедле, и при этом им не пришлось скрывать свое неодобрение.

И в мейсальском семействе, как и в любом другом, могут кипеть страсти.

Свечка повидался с детьми, поговорил с Арчимбо, а потом спустился на первый этаж к Скарре и его жене. От ходьбы по лестницам нестерпимо ныли колени. Пообещав напоследок увидеться со всеми на еженедельной службе, монах отправился в крепость, зажав под мышкой большую буханку лучшего творения Скарре. Сочия пристрастилась к мягкому хлебу, пока скрывалась вместе с совершенным в кауренской пекарне. Брат Свечка принес ей буханку три часа спустя после отъезда Кедловой сотни.

Сочия сидела с виноватым видом, ожидая, что старик начнет читать ей нотации. По канонам своей религии она поступала дурно. Но Свечка обманул ожидания графини. Он не видел смысла в нравоучениях: власти над Сочией у него было не больше, чем над разбушевавшейся грозой.

Пусть гнев девушки сам иссякнет.

– Так они выехали? Без происшествий? – спросила графиня.

Старик притворился, будто не догадывается, что Сочии уже давно обо всем доложили, и ответил:

– Да. Ехали быстро – как люди, ведомые ясной целью.

Свечка старался сохранять довольный вид. Спорить он не хотел – слишком уж стар для этих бесконечных перебранок.

Быть может, девчонка научится наконец думать, если не будет постоянно зацикливаться на том, чтобы оправдать себя.

Старик был уверен, что Кедле дозволили не только подобрать павших. Их, конечно же, разыщут, но самые свирепые воины поскачут дальше в надежде поймать израненного патриарха.

У Безмятежного, когда он еще был просто Бронтом Донето, произошло несколько столкновений с жителями Антье, и все по его собственной милости. Кедла постарается положить этому противостоянию конец.

Втайне брат Свечка молил доброго Господа о заступничестве. Монах не хотел, чтобы души Сочии Ролът и Кедлы Ришо запятнали те злые дела, которые, несомненно, воспоследуют, если Безмятежного все же схватят.

Спустя восемь дней после отъезда Кедлы к воротам Антье приблизилась шумная толпа оборванных крестьян с разбитыми телегами. Кедла наняла их доставить в город павших. Все тела успели порядком разложиться. Среди покойных были погибшие жители Антье, включая графа Реймона, а еще те спутники Безмятежного, за останки которых можно было получить выкуп.

Крестьяне, которые заверяли всех в своей любви к графу Реймону, привезли не только мертвецов – с ними вернулись двое раненых солдат из отряда Кедлы, а еще дюжина пленных братьев из Конгрегации, несколько епископальных священников и шестеро арнгендцев.

Кедла столкнулась с арнгендским отрядом в три сотни человек, который тоже разыскивал Безмятежного. Неопытных врагов возглавляли крысы из Конгрегации, которым благоволила Анна Менандская. Кедла учинила настоящую резню. Среди ее людей погиб один солдат, еще двоих ранили, но они вполне могли ходить. У противника якобы погибло две сотни.

Девушка устремилась дальше на север. Ее воины в нее просто влюбились. Сочия ревновала.

Уже потом, сидя в одиночестве в своей келье, брат Свечка пробормотал:

– Загадочны и неисповедимы пути врага.

12

Брот, возвращение домой – мимолетный визит

Пайпер Хект и его семейство переместились в бротский особняк принципата Муньеро Делари. Во время последних событий, когда солдаты из Войска Праведных сражались в вечном городе, особняк сильно пострадал.

Хект с сестрой тут же начали причитать и попрекать друг дружку: мол, никто не вспомнил о том, что во дворце теперь никто не живет.

– Отец, я проверю, как там дом Анны. Здесь оставаться нельзя, – заявил Пелла и поскорее улизнул, пока ему не надавали лишних указаний.

Но оказалось, что Пелла ошибся: в особняке по-прежнему жили слуги Делари – Туркин, Фельска и госпожа Кридон.

– Не высовывайся, братик, – посоветовала Герис Хекту. – Теперь у тебя за спиной войско не стоит.

Пайпер уже и так мрачно размышлял об этом.

Много лет назад, когда он был другим человеком, эр-Рашаль аль-Дулкварнен вручил ему амулет, который предупреждал об опасности, исходившей со стороны Ночи. Девятый Неизвестный заменил амулет на другой – такой, который эр-Рашаль не мог отследить.

Когда Хекту ничто не угрожало, он про амулет забывал. Так случилось и в Обители Богов, сам Фебруарен предупреждал его, что там оберег действовать не будет. А вот теперь амулет Пайпера снова заработал.

И левое запястье слабо, но постоянно зудело, сводя Пайпера с ума.

– А где мое яйцо? – спросила Герис.

– Вот, – отозвался Пайпер, доставая яйцо из-за пазухи.

Оно стало каким-то другим – холодным и легким.

– Что случилось? Оно умерло. Или еще что. Что ты натворил?

– Ничего. Ты же сама там была и все видела.

Их разговор прервала госпожа Кридон, кухарка принципата Делари:

– Не стоит спорить здесь, работники могут услышать. Пойдемте со мной. Туркин доложит хозяину, что вы вернулись.

– Правильно, – согласился Хект. – Пошли. С такой легкостью я еще не перемещался – почти ничего не почувствовал.

– Спасу твою задницу от местных злодеев – снова перенесу из города, пока не разошлись слухи о твоём возвращении.

– Для этого понадобятся все трое, – сказал Хект, который не готов был перемещаться в обществе одной только Герис. – Так что с яйцом?

– Не знаю. Я думала, оно... ну, сбежит, если Зир соединится со своей второй душой. Может, старший из стариков разберется. Разрази меня гром! С этой стороны помойка-то вполне ничего себе, а снаружи – полный ужас.

Кухарка отвела их в крыло, отведенное под кухню, кладовые и комнаты слуг.

– Подвалы в полном порядке, – сообщила она. – Можем разместить вас там.

Анна приуныла. Скоро она снова останется одна, а дети как раз вошли во вкус приключений. От девчонок-то уж точно жди неприятностей. Пелла хотел вернуться в войско вместе

с отцом и утверждал, что образование, на котором так настаивал Хект, он сможет получить у Титуса Консента, Драго Прозека, Кейта Рука и прочих. Учитывая то, что все Праведные с готовностью потакали мальчишке, матери было трудно переубедить его.

– Напомни навестить Ною с детьми перед отъездом, – попросил Хект. – Если, конечно, получится.

Фельска устроила их со всеми возможными удобствами, а госпожа Кридон накормила.

– Удивительно, что мародеры не перевернули тут все вверх дном, – поразила Анна.

– Кое-кто пытался, – отозвалась кухарка. – Но хозяин это предвидел. Если появляется кто-то, кого дом не знает, незваного гостя тотчас разрывает на части.

В комнату вошел Оса Стил. Увидев Хекта, он задохнулся от удивления. Мальчик для утех выглядел точно так же, как во время той первой осады Антье, где они и столкнулись, не постарел ни на один день. Пайпер хотел было поинтересоваться, что Стил тут делает, но потом вспомнил, что Кловен Фебруарен вызволил Осу из того же подземелья, где томился Пелла.

– Хорошо выглядишь, Арманд.

– Вы тоже, Предводитель. Мой господин, не велит ли новая императрица своему Войску Праведных отправляться в поход в Святые Земли?

– Пока это еще не решено. А что?

– Когда сидишь в камере без света и без надежды, невольно обращаешься мыслями вовнутрь. У меня обнаружилась духовная сторона, о которой я и не подозревал. Хочу совершить паломничество. Должок отдать некоему шельмецу.

Хект едва заметно кивнул, давая понять Стилу, что все понял.

– Предводитель, я могу пригодиться. И здесь я уже загостился, играя на остатках принципатовой привязанности.

– Сможешь перебраться в Альтен-Вайнберг? И вести себя прилично? – Хект не мог сказать об этом прямо, но сексуальные наклонности Стила вызывали у него отвращение.

– Ответ на первый вопрос – да. На второй, честно говоря, только – возможно. Сейчас я не испытываю никаких желаний, но все может измениться.

Шпиона на эр-Рашаля и Ферриса Ренфрау, мальчишка, которого заколдовали, чтобы он оставался вечно молодым, попал в серьезные передраги и сталкивался со страшными злодеями. Но не сдавался.

Удивительно быстро вернулся Туркин и сообщил, что скоро придет принципат Делари.

Потом явился и Пелла:

– Дом Анны в хорошем состоянии, но там живут три человека. Сказали, им Палудан Бруглиони приказал, потому что сенаторы запретили Пинкусу Горту и дальше посылать констабулеров охранять дом.

– Нужно повидаться с Пинкусом, – сказал Хект. – Давненько его не видел.

– Кончай мечтать, – осадил его Герис. – Может, ты и в друзьях с Гортом, Салюдой и даже Палуданом Бруглиони, но это никак не меняет политического расклада. И не отменяет тот факт, что ты внезапно сделался героем Граальской Империи, которая вот уже двести лет остается злейшим врагом патриархов.

– Вот так и бывает, когда не только на тактическом уровне взаимодействуешь с миром.

– Даже притворяться не стану, что поняла, о чем ты болтаешь. Туркин, мы не специально на тебя внимания не обращаем, просто нам нравится браниться. Какие-то еще новости, кроме того, что дедушка идет?

– Нет, больше ничего, миледи.

– Ха! Слышал, Пайпер? Все слышали? Хоть одного мужика удалось так обдурить, что тот принял меня за благородную даму.

– Печально слышать.

– Дети, хватит.

В комнату успел тихо войти Муньеро Делари. Судя по виду, услышанное мало его обрадовало, но он не стал ничего говорить, а подошел к кухарке.

– Госпожа Кридон, как все аппетитно выглядит. Когда Туркин за мной пришел, я еще не успел поесть. Сможете и меня покормить?

Кухарка хмыкнула: глупый вопрос – конечно сможет, принципат же ей жалование платит.

Делари снова оглядел своих потомков, и снова на лице его отразилось недовольство.

– Анна, у вас от приключений щечки зарумянились.

Этот комплимент Хект выслушал без всяких опасений. Старик предпочитал женщинам юношей, хоть после расставания с Осой Стиллом и не проявлял к этой области особого интереса.

Герис заворчала. Настроение у нее портилось на глазах. Хект решил, что ей, вероятно, хочется, чтобы ее похвалили за победу над Старейшими.

Но ему уже поздно было что-то говорить – получится, будто за уши притянуто.

Лила тоже все поняла, и ей как раз было совсем не поздно:

– Опах, вы бы видели Герис! Она была великолепна. Всех этих древних богов держала в ежовых рукавицах. Кроме тех, которых Анна прикончила. Вот было дело!

Опах? Так на севере обращались к дедушкам.

Делари не возразил. Значит, не в первый раз уже такое терпит.

Когда постоянно торчишь в походах, упускаешь из виду разные перемены. С другой стороны, потом обращаешь на них внимание.

– Расскажи-ка, – велел Делари. – Герис, ты меня поражаешь. Здорово выросла с тех пор, как тебя Дрокер привел. Госпожа Кридон, все готово? Да? Садимся. Этот пирог с ягнятиной просто восхитительно пахнет. Лила, рассказывай. Все рассказывай. – Принципат подозрительно покосился на остальных детей – слишком уж тихо себя ведут. – Арманд, ничего из услышанного здесь никому не повторять.

– Вы мне не поверите, но я и так всегда молчал.

Стил верно сказал: Хект ему почти не верил. Пайпер потер запястье. Он и не думал, насколько вездесуще в этом мире волшебство.

В последнее время Лила постоянно преподносила сюрпризы. Вот и сейчас – удивила своим даром рассказчицы. Взяли исполняла роль хора и время от времени вставляла какие-нибудь интересные подробности, но не часто, чтобы не мешать.

– Занимательно, – заключил Делари, когда Лила смолкла (к тому времени все, кроме нее, успели уже наесться пирогом). – Ничего себе приключение. Завидую я тебе, Герис. У меня-то приключений никогда не было.

Хект с Осой уставились на принципата.

Стил, Туркин, Фельска и госпожа Кридон похвалили Лилу за убедительно рассказанную сказку. Конечно же, это все ложь. Тех демонов просто не существует. И лучше бы девочке не повторять это все там, где могут услышать священники. В последнее время церковь стала чуточку более терпимой, спасибо Предводителю, но у узколобых членов Конгрегации память хорошая.

Хекта так донимал амулет, что он наконец взмолился:

– Принципат, проверьте эту штуку, которую мне Фебруарен дал. С ума меня сводит. Ой! Получается, не надо проверять.

На забитой народом кухне материализовались две сверкающие колонны, которые превратились в Гаурли и Гаурлра.

– Да, умеет наша Лила рассказывать – все будто наяву является, – сострил Пелла.

Перед ними, несомненно, предстали Орудия Ночи.

– Вот вы где, – обратился к Герис Гаурлр. – Вас трудно было найти. Спасибо, нам уже лучше. Магии очень мало, но она действительно еще осталась. Искупаться бы в Кладези силы.

– Твой мир странным образом изменился, Убийца Богов, – а это уже Гаурли обратилась к Хекту. – Нас почти позабыли.

Никто из присутствующих не стал отстаивать догматы своей веры.

И никто, кажется, не знал, что сказать.

– Хотите пирога с ягнятиной? – спросила госпожа Кридон.

– Когда мы принимаем облик смертных, нашим телам нужно питаться, как и смертным, – сказал Гаурлр. – Так что да, милая дама, с удовольствием съем пирога.

Госпожа Кридон покраснела.

Гаурли кивнула: она тоже хотела есть.

– А где остальные? – спросила Герис.

– Резвятся на воле, – отозвался Гаурлр. – Нежатся в остатках силы. Смотрят, как изменился мир. Гадают, что вы такое сделали, чего не делал никто до вас.

Хект наблюдал за слугами Муньеро Делари. Сам-то старик воспринял гостей очень спокойно, а ведь был принципатом в бротской церкви.

Некоторые религиозные деятели признавали, что в Ночи все правда – достаточно лишь, чтобы хоть кто-нибудь в эту правду верил, – и пытались такой верой управлять.

– У Пайпера появились еретические мыслишки, – протянул принципат Делари и хихикнул. – Да, Пайпер, кое-кто из нас действительно понимает, что Ночь превосходит размерами нашего единого Бога. Почти все понимают. И почти все могут увязать это утверждение со своей верой. В древней Андорегии поклонялись семейству богов, которых называли Старейшими. Мало кто теперь верит в их существование, но Старейшие все еще верят сами в себя, а на сегодняшний день это важнее. В общем, церковь вместо того, чтобы отрицать очевидное, разжаловала Старейших в служак ворога. Пусть себе существуют в виде демонов, так они не покушаются на славу Господа.

– А из особенно любимых можно и святых сделать. – Гаурли и Гаурлр усмехнулись.

И уловили, в каком направлении текут его мысли.

– Убийца Богов, они не могут изменить нашу суть с помощью догматов веры, – сказала Гаурли. – Все совсем не так, как думают смертные, но это лишь потому, что они смотрят на мир смертными глазами, чувствуют смертными сердцами, которые вылепила их смертная жизнь. Это неважно. Мы заключили сделку. И будем со своей стороны соблюдать условия. Мы – это собрание Старейших. Лучезарные. Прочие воскрешенные создания и изначальные боги не будут подчиняться этим обязательствам.

– Вы резвитесь на воле? – Герис непросто было отвлечь. – Как такое возможно? Раньше, когда вы пытались прикончить моего брата, даже Всеотец едва мог коснуться Гриммсонов в этом мире. Когда они отъехали на юг от Брота, с ними могла общаться лишь Изгнанница.

– Арленсуль действительно была Изгнанницей и могла действовать независимо от Обители, – пояснил Гаурлр. – Вы изменили участь для всех нас. Выпустили из Обители. Открыли для нас весь этот мир, хоть нам и приходится мириться с большими ограничениями. Мы постараемся изучить предел своих сил.

– Так что же Герис такое сотворила, что не делал никто до нее? – поинтересовался Хект.

– Освободила Лучезарных от древних оков веры. Она верит, что мы существуем. Твои глаза это подтверждают. Меньше преград. Свобода ценой силы.

Хект переглянулся с Герис. Оба нахмурились. Их воспитали в совершенно разных верах. Ни один не понимал того, что творилось здесь и сейчас. Все это невозможно было впихнуть в пределы того, чему их учили.

– Сможете вызвать остальных, если они мне понадобятся? – спросила Герис.

– Да, но не слишком быстро, – ответил Гаурлр. – Вот если мы откроем путь Ранулам, то сможем все делать молниеносно.

– Несомненно, а еще выпустите на волю толпу потусторонних негодяев, которые моим внукам ни в чем не клялись, – протянул принципат Делари, накладывая себе пирога.

Хект задумался. Чтобы добраться до родного мира, близнецам нужна помощь смертных?

– Мы поклялись, – отрезала Гаурли, которую явно злило постоянное недоверие. – И выполним свою часть сделки.

– Вы знаете, где сейчас остальные? – продолжила расспросы Герис.

– Неточно, – признался Гаурлр.

– А где Зир?

Гаурлр прищурился и куда-то стрельнул глазами. Казалось, он озадачен и хочет что-то скрыть.

– Ну и? – рявкнул Хект.

– Здесь, – выпалила Гаурли. – Но я его не вижу.

– А ты, Гаурлр? – спросила Герис.

– Чувствую его. Он наблюдает. Весьма недоволен, что мы рассказали о нем. Но я тоже его не вижу.

Вид у Герис был такой, будто она вот-вот взорвется.

– Уже фокусы начались?

Хект схватил сестру за локоть и покачал головой:

– Он не нарушил правила. Не забывай, Орудия любят шуметь попусту, вечно выискивают лазейки.

Герис достала ручной фальконет:

– У меня тут две унции серебряной картечи – вот хорошая лазейка.

Да она вот-вот потеряет самообладание.

– Нам, смертным, нужно немного отдохнуть, – сказал Хект. – Тяжелый выдался денек. Близнецы пожали плечами.

– Этот город полнится пороками, – сказала Гаурли. – Мы тут все разведем.

– Идите повеселитесь. До встречи.

Близнецы исчезли почти с той же легкостью, как Ли́ла, Герис и Кловен Фебруарен.

На Герис напала охота ссориться.

– Герис, ты слишком тревожишься. Не кипятись и не нарушай нашу часть договора.

Волшебнице явно это в голову не пришло.

– Ой! Я ведь чуть не нарушила? Это они меня провоцировали!

– Нет. Не провоцировали. Они и правда собираются держать слово, будут скрупулезно следовать условиям до самой твоей смерти. Действительно думают, что им это выгодно.

– Ты-то откуда знаешь?

– Мне так кажется, – пожал плечами Хект. – Разумный подход.

– Не понимаю.

– Тебе туманят зрение предрассудки. Сама посуди, ты их вытащила из ловушки Астриммура, потом из Обителя Богов. Теперь они поняли, что срединный мир – всего лишь еще одна тюрьма, хоть и побольше. Здесь все определяет смертность.

– Ого, братик, да ты меня пугаешь.

– Им понадобятся верующие. Прямо сейчас у них есть только мы. А мы им не поклоняемся.

– Я думала, они сами друг в друга верят и поэтому освободились и могут бродить где вздумается.

– Конечно. В некотором роде. Теперь они могут попасть туда, куда не могли раньше. Возможно, даже до Кладезя Ихрейна сумеют добраться. Но им по-прежнему нужно кормить две души.

Все уставились на Хекта с таким изумлением, словно у него волосы зеленые выросли.

– Поверю, братец, тебе на слово. Объясни-ка поподробнее.

– Они этого не сказали, но им нужно питаться разными способами. Одной магии недостаточно. И того, что мы верим в их существование, тоже. Мы не настоящие верующие. А чтобы сохранить бессмертие, им нужны почитатели.

Все по-прежнему удивленно на него пялились.

– Настоящие почитатели, – повторил Хект. – Именно их они и хотят разыскать, пока будут нашими союзниками – ненадолго, всего лишь пока не сменится одно мимолетное поколение – и богами, которых можно будет постоянно видеть, которые будут действовать. В случае неудачи смертность их одолеет, они угаснут и сольются с Ночью.

Воздух в кухне дрогнул, и из ниоткуда возник Кловен Фебруарен:

– Четко мыслишь, Пайпер. Удивляюсь, как это ты додумался. Сообразительный паренек, но ум свой используешь, только чтобы поискуснее отколошматить тех, кто против твоей воли идет.

– Я особенно об этом и не размышлял. Но очевидно же. И я правда думаю, нам всем необходимо отдохнуть. Чтобы с этим справиться, нужна бодрость. А еще мне пора в свое войско вернуться. Уверен, у Седлако и прочих там все из рук валится.

Хект проспал восемнадцать часов. Дважды он просыпался и ходил отлить, но потом снова забирался обратно в постель. Когда его растолкала Анна, Пайпер все еще не хотел вставать.

– Пайпер, поднимайся. Грядут неприятности.

– Неприятности? – переспросил Хект, стряхивая окутывающий голову туман.

– Пошли слухи, что мы тут. Делари считает, что за особняком следили создания Ночи. Жди беды. Аддам Хоф снова возьмет меня с детьми в Каstellу. Там пересидим в безопасности, пока Пинкус разбирается с беспорядками.

Хект снова потряс головой:

– Надо было это предвидеть.

– Старик и предвидел. Именно поэтому обо всем договорился с Хофом, Пинкусом и патриархом. Ему, кстати, не помешало бы имя себе выбрать, если хочет, чтобы чернь принимала его всерьез.

– Джервес сам себя пока всерьез не принимает. И какой у нас план?

– Тебе надо поесть, потом Герис и Лила перенесут тебя к Войску Праведных, а мы тут окопаемся и подождем, пока все не уляжется.

– Я хотел кое-какие дела переделать, кое с кем повидаться.

– С тобой тоже кое-кто хочет повидаться – и отнюдь не твои друзья.

Анна права. Без своего Войска Праведных Хект соблазнительная добыча.

– Ладно, встаю.

– Скажу госпоже Кридон.

Когда Хект явился в кухню, там уже болтались Герис и Лила. Госпожа Кридон поставила на единственный уцелевший стол тарелку с едой (разумеется, почти все из свинины).

– Вам всем не терпится от меня избавиться?

– Точно, – призналась Герис. – Тут премерзкие ходят слухи. У Горты людей не хватит, чтобы тебя выручить. Братство законным образом тебе помочь не может. А кое-кто из тех, кто тебе на самом деле благоволит, и палец о палец не ударит – боятся, что подумают, будто бы они помогают патриарху, в котором сами совсем не уверены.

– Понимаю. Пелла, значит, с собой взять тебя не смогу. Принесешь мои пожитки? Потом что-нибудь придумаем.

Анна посмотрела Хекту в глаза и одними губами произнесла: «Спасибо», видимо решив, что он нашел удачный предлог, чтобы оставить мальчишку в безопасном месте.

Помрачневший Пелла пришел к такому же выводу.

Лила крутанулась на месте и исчезла, а через мгновение появился Кловен Фебруарен. Лила с Герис по очереди наблюдали за событиями. Фебруарен что-то прошептал Герис, и та кивнула.

– На площади Мадур собирается толпа, – сообщила вернувшаяся Лила. – Зачинщики похожи на типов из Конгрегации.

– Не близко, – заметила Герис. – Немного времени у нас есть, но не будем тратить его попусту. Пусть сунутся сюда – не найдут ничего, кроме ловушек. Лила, отправь своего отца, а потом перемести остальных в Каstellу.

– Только не прямо внутрь, – отозвалась девочка. – Доставлю на ближайшую улицу. У членов Братства припадок будет, если мы вдруг окажемся в замке в обход них.

– Да. Пайпер, готов?

– Я? Нет, – ответил Хект, который едва не ударился в панику, вспомнив, каково ему было, когда он путешествовал только вдвоем с Герис.

Сестра и Лила обняли его, и Лила кивнула.

Поворот.

Его окутала тьма, кишевшая жуткими страшилищами, но страшилища не сочли его значимой персоной и не обратили на Хекта внимания. Потом все залило утренним светом, повеяло холодом. Пайпер оказался в предгорьях Джагских гор, рядом с перевалом Ремейн.

– Не так уж и плохо было? – спросила Герис.

– Да. Может, привыкаю.

– Слышу в голосе сомнение.

– Так и есть. Не могла же Ночь изменить свое ко мне отношение.

– Нужно обрядить этого недоростка Арманда в шутовской наряд – пусть ходит за тобой хвостом и напоминает, что ты вовсе не такая уж важная персона, как тебе кажется.

– В детстве не довелось меня подразнить, так теперь наверстываешь?

– Возможно.

– Я вот о чем: для Ночи я больше не важен. И это после всего, на что она пустилась, чтобы меня прикончить.

– Значит, Ночь наконец осознала, что джинна обратно в бутылку не запихнешь.

– Это только одна теория, и слишком ты хорошо думаешь о Ночи.

– А у тебя какая теория?

– Ночь забыла обо мне, потому что нашла тебя.

– Не думаю. Меня бы Асгриммур предупредил. Нам с Лилой нужно возвращаться. Просто сиди тут спокойно, Праведные скоро подойдут.

– Так вы меня закинули вперед них? И как же мне им все объяснить? – ужаснулся Хект, жалобно глядя на Лилу.

Но девчонка словно не слышала его. Будто замороженная, она смотрела, как в кристально прозрачном воздухе проступили серо-лиловые громадины Джагских гор, увенчанные ослепительно-белыми снежными шапками. Ветерок, дующий с высокогорий, пробирал сильнее самого холодного бротского утра. Хект вздрогнул.

– Что-нибудь придумаешь, – ответила Герис. – Ты же умный у нас. Проклятье, да свали все на колдовство. Или на божественное вмешательство. И так, и так правда.

– И никто мне не поверит.

– Так еще и лучше. Лила! Нам пора.

– Ты иди вперед, а я догоню. Хочу на горы посмотреть.

– Надолго не задерживайся, – пожалала плечами Герис, повернулась и исчезла.

Выждав с полминуты, Лила сказала:

– Обещай, что будешь осторожен. – Девочка подошла ближе, обняла Пайпера, сжав его правое предплечье и левое запястье – будто проверяла тайком, на месте ли амулет (амулет был на месте, и рука от него все еще зудела). – Ты мне почти как отец. – Эти слова Лила выдавила словно под пыткой, потом развернулась и пропала – Пайпер даже почувствовал легкое дуновение.

Он глубоко вздохнул, поежился, решил пройтись, чтобы согреться, и направился вниз с холма. Где-то поблизости должна быть дорога на перевал.

Обнаружив дорогу, Хект уселся на камень и приготовился ждать. Вокруг не было ни души – дурной знак. Может, это все из-за приближающегося войска?

Лила вернулась в Брот и увидела, что Герис и Кловен Фебруарен уже сидят, сдвинув головы, и обсуждают, как переместить ее, Вэли и Муньеро Делари в тайный подвал во дворце Чиаро, где пряталась Модель. Анну и Пеллу перекинули поближе к Каstellле: они перейдут мост, их впустят через ворота, и тогда Анна приготовит комнаты, чтобы девочки тоже потом присоединились.

Госпожу Кридон, Туркина и Фельску отправили в покои принципата Делари во дворце Чиаро. Там для них безопаснее всего.

Пока Герис все это объясняла, Девятый Неизвестный со смехом вернулся из ниоткуда в обнимку с громко причитающим Одиннадцатым Неизвестным.

К Лиле и Герис присоединилась Вэли, и втроем они переместились туда, где ярко горели фонари и кипела работа – прямо к Модели, хотя сделали это так, чтобы их появления не заметили священники и монахини, которые доводили до совершенства огромную объемную карту известного мира. В центре карты располагался Брот. Чем ближе к краям, тем менее подробной становилась Модель.

Окрестности Брота и Центральная Фиральдия были выполнены с такой точностью, что остроглазый и внимательный наблюдатель различил бы двигающиеся по дорогам и улицам крошечные точки. На западе от Фиральдийского полуострова плыло к морю призрачное облачко тумана.

Столетия назад патриарх и коллегия приказали построить Модель, чтобы можно было видеть и понимать, что творится в ширящемся чалдарянском мире. Этот проект во многом превосходил все церковные начинания. С самого начала его скрывали, да никто особенно им и не интересовался, поэтому даже не засылал шпионов. Со временем о Модели позабыли уже и сами церковники. Единственным из недавних патриархов, кто слышал о ней (необычайный случай), был Хьюго Монгоз, принявший имя Бонифация VII.

Но работа по-прежнему шла. Кловен Фебруарен и Муньеро Делари, Девятый и Одиннадцатый Неизвестные, надеялись натаскать Герис и сделать ее Двенадцатым Неизвестным.

Хотели, чтобы волшебство осталось в семье.

Герис еще не совсем понимала, что затеяли старики.

С ворчанием она оттащила своих спутников подальше от священников и монахинь и сказала:

– Что-то не то с Пайпером творится.

Остальные молча ждали. Никто ни о чем не спросил, поэтому Герис не удалось воспользоваться заранее заготовленной шуткой, и она разозлилась.

Вечно-то с этим семейством так.

Кловен Фебруарен все же смилостивился и заметил:

– У него и правда небольшие заскоки начались, когда он умер, а мы его вернули. Но я думал, он с ними справится.

– Он научился их скрывать, если ты об этом.

– Возможно, – пожал плечами волшебник.

– И от себя самого скрывает. Думаю, ему так тяжело было перемещаться, потому что он снова открывался Ночи.

– Ответ содержится в самом вопросе.

– Что-что? – не поняла Герис.

– Если перемещения выбивают его из колеи, пусть ходит пешком.

– Все не так просто. Жаль, что я с ним не перемещалась до того, как он умер, – было бы с чем сравнить.

– Сегодня ему плохо пришлось?

– В этот раз нет. Может, привыкает. Но я не особенно в это верю. Что-то такое странное с ним творится.

– Лила, а ты что думаешь? – спросил Фебруарен.

– Думаю, он за нас волнуется. А еще ему несладко приходится, потому что меняется весь его мир. Вы вспомните, откуда он явился.

– Герис, так дело в этом? Наш Хект – заблудшая душа, потому что все, во что он верил, пошло прахом?

Герис страшно не хотелось признавать, что именно это она, возможно, и почувствовала. У нее и у самой случались приступы неуверенности, а она-то никогда ни во что не верила по-настоящему. Но это было не все. Далеко не все.

– Так что будем просто за ним приглядывать. Вмешаемся, если пойдет по неверному пути.

Герис во всем разберется. Пайпер – ее брат. Именно так родня и поступает.

Раньше у нее родни не было – такой, с которой она была бы связана кровными или душевными узами.

Когда верховый патруль Войска Праведных обнаружил Хекта, он крепко спал, свернувшись на земле. Было два часа дня. Патрульные оказались самыми суеверными солдатами во всем войске. Один, перепуганный, остался караулить, а второй тут же помчался докладывать.

Высокопоставленные офицеры прибыли только через два часа. К тому времени вокруг храпевшего Предводителя уже столпилось человек пятьдесят.

Подъехали Титус Консент и Клэй Седлако, глава разведки и начальник кавалерии Праведных. Консент и Предводитель дружили еще с тех времен, когда Пайпер Хект был всего лишь простым наемником на службе у Бруглиони – одного из пяти бротских кланов. Консенту минуло только двадцать пять лет, но в его темных волосах уже пробивалась седина. Он спрыгнул со своего гнедого коня и посмотрел на полковника Седлако – не требуется ли тому помощь.

У Клэя Седлако, когда-то служившего в Братстве Войны, которому он, скорее всего, до сих пор слал донесения, была лишь одна рука. Но он хорошо справлялся даже в бою, так что и спешил без труда. Рыцарь привык к своему увечью.

– Кто его обнаружил? – спросил Консент.

Двое патрульных подняли руки.

– Разбудить не пробовали?

– Нет, мой господин. Если б не дышал, за мертвого бы сошел. С тех пор как нашли, ни разу не шевельнулся.

Хект лежал на боку, свернувшись калачиком и подтянув ладони к лицу.

– Спит как младенец, – заметил Седлако.

У Клэя было худое овальное лицо. Его золотистые волосы уже начали редеть. На поджаром теле не было ни грамма лишнего жира. Если бы не отсеченная рука, Клэй представлял бы собою образец профессионального солдата. Он принадлежал к тому типу людей, которые даже в самых суровых условиях остаются подтянутыми и собранными.

Титус Консент же, напротив, всегда казался чуть взъерошенным. Он тоже был худым и поджарым, как и все Праведные. Даже не в походе они жили в аскетических условиях и никогда не сидели без дела.

И все по вине этого человека, который сейчас спал на холодной земле.

Консент оглянулся на толпу солдат. Крепко же Хект уснул, раз не слышит этого гвалта. Титус обошел друга и не заметил ничего необычного – разве что сам факт того, что Пайпер вдруг появился здесь.

– Не по погоде одет, – сказал Седлако.

– Да. Вы правы.

Хект был одет так, как всегда одевался в походе, – неприметно и просто. Только наряд его был уж больно легкий. Значит, явился откуда-то с юга.

– Цепкий у вас глаз, я и не заметил, – восхитился Консент, а потом встал на колени и потряс Хекта за левое плечо.

Добудиться его удалось не сразу. Когда Пайпер наконец очнулся, он ничуть не испугался, как ожидал дэв, а медленно обвел всех мутным, недоуменным взглядом; недоверие в его глазах постепенно сменилось изумлением.

– Где я? Как я сюда попал?

– Я надеялся, это вы нам скажете. Мы на подходах к перевалу Ремейн, к югу от того места, где в прошлый раз попали в засаду. А вот как вы сюда попали – это уж вам объяснять.

– Не знаю, Титус. Был в Броте, в доме у принцепата Делари. Мне странный сон снился. О древних богах. Не кошмар – просто сон, будто воспоминание о том, чего не было. А потом ты меня растолкал. И вот я здесь – зубами от холода стучу.

Предводитель сел, но вид у него был такой, словно на ноги ему без посторонней помощи не подняться.

Титус Консент не испытывал сомнений, которые полагалось бы испытывать благочестивому чалдарянину или даже дэву, коим Консент и был до обращения. Ведь целый год Титус провел в Коннеке, выслеживая и истребляя возродившихся демонов древности.

– Мы всех их прикончили. Последним был Бестия. При вас его добили.

– Не те Старейшие, Титус. Северные.

– Доннер? Орднан? Долг? Эти?

– Второго знаю. Помнишь, как тогда рвануло под Аль-Хазеном? Это с ним случилось то, что мы потом учинили с Бестией, Черенком, Кинтом и прочими.

– У них разные были имена, в зависимости от того, где именно им поклонялись. Кое-кто пересекался и с теми созданиями, которых прикончили мы. В древнем Эндоненсисе любили северного бога войны. Тамошние воины надеялись, что их заберут к себе Похитительницы Павших.

– Ясно.

– Долг был богом войны. У него много разных имен – больше, чем у других. Иногда его так просто и звали: Война. Доннер приходился сыном Орднану. Эдакий тупоголовый здоровяк владел знаменитым волшебным молотом, таким тяжелым, что никто, кроме него, даже поднять не мог. «Доннер» означает «гром». Когда он забавлялся со своим молотом, гремел гром. Или, что более вероятно, когда его ронял.

– Красный Молот.

– Хм...

Солдаты помогли своему Предводителю подняться на ноги и дали ему плащ, оставшийся от кого-то из убитых. Каждый, кто проходил мимо, старался подобраться поближе, чтобы своими глазами убедиться, не врут ли слухи. Полковые повара принесли еду, и Предводитель в досталь поел.

Он казался озадаченным. Словно какая-то мысль никак не давала ему покоя.

Вскоре вокруг Хекта собрались все офицеры. Никто ничего не говорил, но при всем своем хорошем отношении к командиру волнения они скрыть не могли. Таинственное появление командира не на шутку напугало их, такого страха они не испытывали с того дня, когда наемный убийца прикончил Предводителя, а тот потом взял и воскрес.

От черных подозрений Хекта защищал сам его титул – Предводитель Войска Праведных, командир Войска Господнего, которому предначертано очистить Святые Земли от неверных. Предводитель Войска Праведных не станет знаться с демонами и слугами тьмы. Ведь не станет?

Но подчиненные Хекта все равно волновались.

Лишних лошадей и повозок у Праведных не было, и Предводителю пришлось ехать на муле. Забрать чужого коня он наотрез отказался. Мула звали Чушка; Пайпер знал его, как знал и его хозяина Просто Джо, еще со времен своих ранних походов на западе. Просто Джо любил животину до самозабвения – гораздо больше, чем людей. И именно благодаря Джо в Войске Праведных с животными дела обстояли гораздо лучше, чем во многих других войсках. Так с самого начала и повелось: где бы Пайпер ни командовал, Джо всегда занимался животными. Никаких других стремлений, кроме как облегчить жизнь своим четверногим любимцам, у Просто Джо не было. И тем самым он значительно облегчал жизнь и двуногим.

Офицеры в Войске Праведных признавали, что Джо хорошо знает свое дело, но дружба Предводителя с деревенским олухом всегда приводила их в недоумение. Их ужасно раздражало, что командир неизменно защищает его и во всем потакает этому мужлану.

Тому имелось несложное объяснение: Просто Джо был дорог Пайперу из-за общих воспоминаний.

– Из той компании, что отправилась в Коннек покарать Антье за неподчинение патриарху, нас уцелело только четверо, – объяснял Хект. – И только Джо до сих пор со мной. Меня с ним многое связывает.

Еще уцелели Пинкус Горт и Бо Бьогна. Горт стал главнокомандующим в патриаршем войске – теперь этот титул мало чем отличался от титула главного полицейского в Броте. Бьогна куда-то запропал. В последний раз Пайпер его видел, когда тот под прикрытием шпионил для Горты (или для Бронты Донето, или для церкви, а может, для всех троих сразу). Бьогна и Просто Джо были близкими друзьями. Если Бьогна жив, то рано или поздно он обязательно найдет Джо.

Праведные – верховые и пешие – шли через холодные Джагские горы. Предводитель почти все время о чем-то размышлял, не замечая настороженных взглядов своих спутников. Он вспоминал о других уцелевших в том первом бедственном походе на Антье. Никто из них не тянул с ним лямку. Бронт Донето, ныне низложенный патриарх, все еще питал жгучую ненависть к Коннеку. Еще там был Оса Стил – мальчик для утех при бротском епископе Антье Серифсе и имперский шпион.

Значит ли теперь все это хоть что-нибудь? Или же остались только чувства?

Наверное, нет.

Когда Войско Праведных спускалось по северному склону Джагских гор, мысли Хекта переключились с прошлого на будущее. Он так до сих пор и не знал, решится ли новая императрица на священный поход. Меж тем близилась весна.

А еще нужно как-то подготовить своих людей к тем изменениям, которые, несомненно, начнутся, когда объявятся новые особые помощники.

Конечно же, Старейшим хватит ума замаскироваться. Но сумеют ли они не выдать себя?

Скромность была им несвойственна.

В случае чего ждать им придется недолго – быстро познакомятся с тем, с чем уже пришлось познакомиться Красному Молоту.

13

Тель-Мусса, танец двух демонов

Как оказалось, характер Черного Роджерта действительно можно было обернуть против него самого, но не так, как Нассим Ализарин планировал, и едва ли так скоро, как надеялся.

Все те пороки, которые дю Танкрет выпестовал за первое свое владычество над Геригом, остались при нем и усугубились. Его злобная репутация крепла. Собственные подчиненные ненавидели Роджерта. Во время схватки с воинами Ализарина один навайский рыцарь, которого звали Маттиас из Камаргары, попытался прикончить дю Танкрета, нанеся ему булавой удар в спину. В решающий момент оба скакуна споткнулись о раненого пехотинца – и противники вылетели из седел.

Желая избежать той участи, которая ожидала его по возвращении в Гериг, Маттиас сдался Ализарину. Дю Танкрет отделался сломанной правой берцовой костью.

Рыцарь не противился своим пленителям, но веру менять отказался. Нассим выпросил его обо всем, что тот знал о Гериге и Черном Роджерте, выдал лошадь и денег на дорогу и отпустил.

В Гериге меж тем зрело недовольство. Братство Войны едва помогало дю Танкрету. Слуги, жившие за пределами самой крепости, уже охотнее беседовали с врагами Черного Роджерта.

Старый Аз вернулся из пятидневного похода – он шпионил за крепостью.

– Генерал, добрые вести: нога у Черного Роджерта заживает худо.

– Приятно слышать, что хотя бы иногда удача ему изменяет. Если только он не притворяется, потому что не хочет рисковать и выезжать вместе с патрулями.

– Отговорка?

Много лет уже ходили слухи о том, как нерешителен дю Танкрет в бою, но Нассим не особенно им верил. Слишком уж Роджерт был удачлив.

– Слуги разгневались настолько, что готовы помочь нам попасть в крепость?

– Нет, этому не бывать. Они боятся Роджерта больше, чем Господа и ворога, вместе взятых. Сами каждый день видят, что бывает с теми, кто навлек на себя его гнев.

Нассим хмыкнул и быстро перебрал в уме недавние события. В целом хороший выдался день, да и неделя тоже. Из Гаэти прибыл новый четырехфунтовый фальконет, а с ним и двенадцать бочек огненного порошка, по двадцать пять фунтов каждая. Руннские дэвы делали порошок лучше, но и этот сойдет. Хороший разумнее приберечь на тот случай, когда надежность будет важнее всего остального.

– Думаю, это и правда добрые вести. Азер, сумеем ли мы обманом заставить кого-нибудь сделать за нас смертельно опасную работу?

– Это какую же?

– Известно, что слуг, которые живут за пределами самой крепости, в воротах Герига обыскивают. Но тех, кто заходит, обыскивают не так тщательно, как тех, кто выходит. Роджерт очень боится воровства. Наверное, нетрудно будет тайком пронести туда огненный

порошок по унции за раз. Так, чтобы контрабандисты сами не знали, что именно они несут. Можно подложить заряд в уязвимом месте, а потом поджечь его.

Спутники Горы молча уставились на командира. И этот человек терзался муками совести после того, как пытался прикончить Черного Роджерта с помощью огненного порошка? А ведь тогда у него был настоящий доброволец.

– Вы настолько одержимы дю Танкретом и так хотите положить конец его черной повести? – спросил Костыль.

Не сразу осознал Нассим причину всеобщего молчания. Его охватил стыд, но несильный. Людей, которые будут рисковать жизнью сейчас, Гора не знал лично.

– Понимаю, что ты имеешь в виду. Нет, я не одержим. И тем не менее давайте взвесим наши шансы. Можно ли подложить заряд огненного порошка в Гериг?

Все пожалы плечами. Никто особенно не вдохновился предложением: проще пробить стену снаружи.

– Ладно. Аз, разузнай. И по-прежнему старайся пропихнуть туда шпионов. Нужно больше сведений. У Роджерта имеется какой-то план. Как только дю Танкрет выздоровеет... Не хочу внезапно удивиться.

Но удивляться все же пришлось, хоть и не выходкам Роджерта дю Танкрета. Новые события заслонили его злодеяния.

– В Гериг явился отряд воинов из Братства, – сообщил Аз. – Весьма опасные и целеустремленные типы.

– Сколько их? – уточнил Нассим. – Неужели теперь дю Танкрет для нас слишком силен?

– Тридцать четыре копья, как они считают. Значит, около ста двадцати воинов да еще сколько-то слуг, которых в случае необходимости тоже можно вооружить. Все – закаленные вояки, участвовавшие в кальзирском походе или других кампаниях. Но быть может, Черный Роджерт сильнее и не станет.

– Хм?..

– Ходят слухи, они явились, чтобы за ним следить. Братство не смогло помешать его возвращению в Гериг, но хочет держать негодяя в узде. Сломанная нога послужила для них отличным предлогом, чтобы выслать сюда своих людей.

– Занятно, – протянул Ализарин. – Его же соотечественники хотят держать его в узде.

– Командир отряда – человек мрачный, но толковый. Мне мало удалось про него разузнать, только что здесь он по явному приказу владык ордена, приехал из самой Каstellла-Аньела-долла-Пиколины.

– Хм?.. Тогда его, возможно, сопровождают люди из особого ведомства. А значит, явились обуздывать Черного Роджерта, а не с нами, надоедливymi разбойниками, разбираться.

– Если тут замешано особое ведомство, дю Танкрета, видимо, подозревают в связях с Ночью.

– Ходили слухи, что у него есть прикормленный волшебник.

Хотя доказательств этому добыть никому не удалось.

Все охотно предполагали о Роджерте дю Танкрете самое дурное.

– Разузнай все, что можно, об этих рыцарях, – велел Гора.

Через четыре дня в Тель-Муссу наведалься приятный гость: Азим аль-Адил ед-Дин остановился в крепости по пути домой из Дринджера. Юного Аза любили солдаты Тель-Муссы, и в сердце старого генерала он тоже завоевал себе почетное место.

– Останусь до завтра, – сообщил юный Аз Нассиму. – У меня послание к каифу и этим бездельникам в Шамрамди.

– Пять минут и то благословение.

– Я вам кое-что привез, дядюшка. – Такое обращение принц использовал, чтобы выразить свою привязанность. – Два подарка от моего двоюродного деда. Хотя лучше взглянуть на них без посторонних глаз.

– Пойдемте полюбуемся звездами.

Солнце еще только садилось, и воздух не успел остыть, но Нассима это не опечалило: в последнее время ему требовалось больше тепла. А наверху не было посторонних глаз.

Ализарин уселся в тени на деревянный стул западного образца (теперь ему трудно было вставать, если он усаживался по-восточному, скрестив ноги). Стул нагрелся. Юноша вежливо ждал приглашения сесть, хотя положение занимал более высокое, чем Гора.

– Должно быть, подарки эти невелики, если уместились в вашей суме, – заметил Нассим.

Сложив руки на коленях, юноша несколько мгновений смотрел на них.

– Перед тем как вручить дары, хочу предупредить вас: злобный колдун из Аль-Кварна уцелел в сражении и улизнул от преследователей. Направлялся сюда, хоть и тайно. Индала назначил за его голову большую награду. Некоторые из тех, кто выслеживал его, погибли. Весьма неприятной смертью. Но награда велика. Ее будут добиваться все племена.

– До нас доходили слухи, что он едет на север.

– Это правда. Почему – мы не знаем. Оставленные им служаки утверждают, что он винит вас в победе Индалы.

– Победа, как говорят, далась весьма дорогой ценой. Какой толк объединять каифаты, если не осталось воинов, чтобы сражаться с истинным врагом? Если ша-луг продолжат сопротивляться...

– Как раз здесь можно перейти к дарам. – С этими словами юноша достал длинный белокурый локон.

Нассим поглядел на подарок, понял, что это такое, и отказался.

– Вам не понравился подарок?

– Ответить вам начистоту? Нет. Гордимер был военачальником ша-луг. Чтобы понять, что это значит и что я чувствую, надо самому быть ша-луг. Гораздо более ценный дар – сведения о том, где сейчас эр-Рашаль.

– Тогда и второму подарку вы не обрадуетесь.

– Если это то, о чем я думаю, то не обрадуюсь совсем.

– Да?

– Индала никогда не понимал, что такое – быть ша-луг.

– Это, по всей видимости, понимают только сами ша-луг. Второй подарок – титул военачальника.

– Этого я и боялся. Он приберегал меня до поры до времени, чтобы потом, когда добьется своего в Дринджере, сделать марионеткой.

– И?

– Мне нравится здесь. Мы кое-чего добились и надеемся добиться большего. Пока он не откажется от меня, буду воевать на этой маленькой войне.

– Он будет недоволен, – признал юный Аз, – хотя, наверное, не удивится. Надеюсь, он смирится с вашим решением.

– Военачальников ша-луг не назначают извне. Их выдвигают те, кем они командуют.

На самом деле кандидатуру выдвигали старшие офицеры и главы школ – выбирали среди своих.

– Не буду вас уговаривать, генерал. Будьте тем, кем нужно. Итак, как обстоят дела после возвращения Черного Роджерта?

– Ужасно. Страдают все. Хотя могло быть и хуже. Его ранили, и Братство Войны прислало своих людей, чтобы держать его в узде.

Обсуждая Гериг, они увлеклись, и у Нассима не осталось времени волноваться о том, как воспримет его отказ Индала. Бывало, Внушающий Великий Трепет страшно гневался, когда ему перечили.

– Паренек-то нерадостный от нас уехал, – заметил утром старый Аз. – Что вы такое сделали?

Мастер призраков стоял рядом с Горой у парашюта, а генерал смотрел на облако пыли, поднятое отрядом юного Аза, направляющимся на северо-восток.

– Не захотел становиться ручным военачальником Индалы.

– Хм... Мы этого ожидали.

– Очевидный ход событий.

– И вы действительно не примете назначение?

– От Индалы – нет. Это не его право.

– Понимаю, – усмехнулся старый Аз. – Стоит командирам полков и главам школ только позвать – Нассим Ализарин тут как тут.

– Нассима Ализарина забыли, – слукавил Нассим. – Но если бы меня вдруг позвали, нас ждало бы серьезное испытание: кому сохранить верность.

– Ваша правда, – хмыкнул мастер призраков.

Индала по-прежнему бы думал, что Гора и его люди принадлежат ему. Ша-луг бы рассчитывали, что в первую очередь Нассим и его воины – ша-луг, во вторую – дринджерийцы, в третью – подданные каифа Аль-Минфета. И к тому же враги захватчиков.

– Принцам обычно отказы не по душе, – сказал Аз.

– Этот разумнее прочих. Оставив нас здесь, Индала ничего не теряет. Нам ведь и правда удается пока справиться с этим гнойным нарывом на заднице у врага.

Но Нассим боялся, что спокойствие это показное. Индала мог избавить мир от всех командиров ша-луг, воспротивившихся новому порядку.

Гора все спрашивал себя: не следовало ли дольше поразмышлять над предложением.

Ализарин полюбил подолгу задерживаться наверху и смотреть на звезды. Ночное небо напоминало ему Господа Бога – такое же огромное, неизменное, и все же каждый раз, поднимаясь на башню, Нассим видел нечто новое. Больше всего ему нравились падающие звезды. В последнее время их было немало. Суеверные солдаты боялись связанных с ними дурных предзнаменований.

Праманская вера не предрекала конец света, однако упоминания о нем встречались у чалдарян, дэвов и дейншо. В этой беспокойной части мира каждый что-нибудь да знал о религии соседа, чтобы со спокойной совестью огреть того по голове.

Дейншо и дэвы верили, что апокалипсис можно предотвратить – надо всего лишь соблюдать закон. А вот чалдаряне считали кару огненную неизбежной: только так можно было очистить мир от скверны, чтобы на земле явилось Царствие Господне.

До самой полуночи Нассим считал звезды, стараясь приметить все новые, пока наконец не уснул там, где сидел.

С возрастом ему требовалось все меньше сна, но до сих пор если он ложился поздно, то и вставал тоже поздно. В те дни, когда Гора не выезжал вместе с патрульными отрядами, он иногда спал до полудня.

Но пушечный грохот кого угодно поднимет на ноги. После третьего выстрела Нассим уже торопливо спускался вниз.

Больше выстрелов не было.

По дороге к галерее над воротами ему попался какой-то люсидиец.

– Мой господин, это был тот колдун! Но мы вроде его подбили.

Хмурый Ализарин, еще не до конца проснувшийся, с трудом поднялся на галерею. Там так воняло огненным порошком, что он едва не задохнулся. Запах от дэвского порошка был не такой отвратительный. Пушкари уже успели вычистить два легких фальконета, проверили, нет ли трещин, перезарядили и теперь стояли с довольным видом.

– В этот раз громче, – заметил Нассим. – Это был наш новый друг из Гаэти?

– Да, мой господин. Вы останетесь довольны его работой.

Солнце еще не встало над пустынным горизонтом. За стенами крепости небо переливалось ночной синью, но света хватало, чтобы различить всадников, которым, к своему изумлению и разочарованию, довелось услышать фальконеты Тель-Муссы.

– Часовые были настороже, как мы и надеялись, – доложил люсидийский офицер. – Только почуяли что-то не то – тут же выдали колдуну по первое число.

– Превосходно. – Гора оглядел пустыню за воротами: покойники, мертвые лошади, окутанный тишиной склон, на котором ничто не двигалось – будто не осмеливалось двинуться. – Кто-нибудь спускался подобрать павших?

– Ждали разрешения открыть ворота.

Нассим с ворчанием дал разрешение и спросил себя: кого же все-таки прикончили его люди? Хорошо бы, там не оказалось вельмож с влиятельной родней. У него и так уже дурная репутация.

Едва ли к ним явился сам эр-Рашаль. Не стал бы тот лезть на рожон...

– Они были всего в нескольких ярдах от ворот, когда Юдех выстрелил, – доложил Мокам. – Мауфик говорит, на оклики не отвечали и не останавливались. Он сразу понял, что пришлецы замыслили дурное, и, если бы не выстрелил Юдех, сам открыл бы огонь. Готов был. Все солдаты твердят одно: было шестеро всадников, два выючных верблюда и два запасных скакуна. Верблюды в испуге умчались прочь. Вероятно, их не ранило. Но на земле остался кровавый след. Гамель аль-Ирики со своим отрядом готов отправиться в погоню.

– Кто это был? – спросил Нассим, боясь услышать ответ.

Все удивленно уставились на генерала.

– Шельмец со своими подельниками. Вам разве не сказали?

– Сказали. Но это невозможно. Не позволил бы эр-Рашаль вот так просто дать себя расстрелять.

– А что ему оставалось? – сердито отозвался Мокам. – Мой господин, это мы с ним такое сотворили. Он не ждал, что мы будем настороже, и фальконетов наших не ждал.

И все же Нассим никак не мог поверить в глупость эр-Рашаля, пока собственными глазами не увидел убитых. А ведь до этого он придерживался высокого мнения об осторожности Шельмеца и о его разведчиках.

Двоих из погибших Гора узнал: десятилетиями они таились в тени эр-Рашаля и даже выбривали себе головы точно так же, как их повелитель.

Ализарин успел застать отряд охотников.

– Гамель, будьте осторожны. Вы отправляетесь выслеживать самого опасного человека в мире.

Но Гамеля убедить не удалось. Родом он был из какой-то деревеньки в восточных владениях каифата, об эр-Рашале слышал только от ша-луг из Тель-Муссы и не особенно им поверил.

– Можете мне не верить, но ради тех, кто едет с вами, хотя бы притворитесь, – убеждал его Нассим. – Да пребудет с вами Господь. Мы будем за вас молиться. Если привезете мне эр-Рашаля, я окажу вам величайшие почести.

Под присмотром Нассима его соратники обыскали трупы – и людей, и животных: искали наживу и сведения, но обнаружили лишь самое очевидное. Пока мясо не испортится, в крепости будут есть конину.

Павшие не особенно благоденствовали при жизни. Быть может, это голод заставил эр-Рашаля позабыть об осторожности.

Нассим взобрался на башню, чтобы посмотреть на отъезд аль-Ирики.

Отряд вскоре разделился. Один из беглецов с двумя ранеными лошадьми и верблюдом устремился к Геригу, даже не скрываясь. Его быстро нагнали. Но преследователям пришлось убегать от арнгендского патруля. Вернулись они только с одной хорошей вестью: никого не ранили.

Остальным повезло меньше: они поймали эр-Рашаля.

К северо-востоку от Тель-Муссы пустыню заволокло дымом, беззвучно сверкнула молния. Через десять минут – еще одна, но уже дальше.

Из отряда уцелело четверо. Они-то и привезли назад павших, взвалив их на полуобезумевших коней. Гамель аль-Ирики еще дышал, но едва-едва. Его левый бок так обожгло, что торчали обгорелые кости, но лицо не задело.

– Только дурак не слушает, когда предупреждает генерал, – сумел выдавить он. – Может, этот Шельмец и не самый опасный на свете человек, но Гамеля аль-Ирики ему достать удалось. Только аль-Ирики отомстит! Аль-Ирики убил его коня и верблюда и зацепил его отравленными стрелами. – Вымолвив это, чересчур самоуверенный воин закрыл глаза.

– Нужно отправляться в погоню, – сказал Нассим.

– Костыль уже собирает всех, – отозвался старый Аз. – Одними отравленными стрелами и копьями тут не обойдешься.

– Да уж. Но он теперь безлошадный и ранен. Местности не знает. Может, нужно просто подкараулить его у источника.

– Я поеду, – с глубоким вздохом сказал аль-Азер эр-Селим. – Буду осторожнее, чем аль-Ирики.

– Обязательно. Мне без тебя не справиться.

Костыль и другие воины из старого отряда ша-луг усмехнулись, услышав слова генерала, и отправились мстить за причиненное колдуном зло.

Даже в самые спокойные дни работы в крепости хватало. Самое важное – емкости с водой, которые требовалось доливать и регулярно чистить, чтобы вода не застаивалась; еще надо было ухаживать за лошадьми, убирать навоз, привозить сено, пасти и охранять овец и коз, которых в случае нападения на Гериг немедленно отводили в безопасное место.

И самая неприятная обязанность – загодя копать могилы. Вырубать их в твердой почве было сущим наказанием. В тот день, когда в Тель-Муссу явился Шельмец, оказались заняты все выкопанные могилы, кроме одной.

Зато погибшие лошади для многих ягнят и коз отсрочили встречу с мясником.

14 Антье, Орудие

Брат Свечка не привык обращаться с мольбами к доброму Господу и обычно просил Его лишь укрепить своего слугу в вере. Но в последнее время, как ни прискорбно, монах обращался к Богу все чаще и столь же часто пытался вступиться за Кедлу Ришо.

На востоке от Кастрересона Коннек, образно выражаясь, охватило пламя. Два небольших арнгендских отряда (менее ста человек в каждом) болтались по округе в надежде, что Анна Менандская вышлет подкрепление. Оба этих отряда Кедла загнала за стены. Каждый день до Антье доходили все новые истории об очередной жестокой схватке, в которой пали братья из Конгрегации или арнгендские солдаты.

Сочия изнемогала от зависти, а брат Свечка изо всех сил пытался сделать так, чтобы она не забывала о своих обязанностях матери и повелительницы Антье.

Бернардин Амбершель почти не сталкивался с противниками правления Сочии: вояки ее любили, народ принимал.

Постепенно в результате военных побед зарождалось благополучие.

Сочия сцапала совершенного за поздним ужином. Старик сидел в небольшой комнатке, примыкавшей к кухне, где оба они часто ели в одиночестве. День у графини выдался непростой.

– Совершенный, а могу я приказать принять новый закон?

– Что-что? – Монах не успел даже донести ложку до рта.

– Хочу, чтобы за нытье секли, а за глупость карали смертной казнью. Чего только от меня не требуют! Недоумки! Чушь какая-то! Ведут себя как избалованные четырехлетки!

– Ногами топают и вопят? – уточнил брат Свечка.

– Почему они не желают думать? Почему не хотят принять ответственность за самих себя?

Совершенный молчал.

– И чего это вы на меня так вылупились? Нет, не смейте! Не смейте все это поворачивать против меня!

И снова совершенный ничего не сказал.

– Тут совсем другое дело!

«Конечно другое», – словно бы говорила улыбка Свечки. Когда ныла Сочия Рольт – то уж по важному делу, она же не лавочник какой-нибудь, не ремесленник, которому всего-то и надо, что немного уважения.

– Проклятье! Ладно, вы победили. Мне, возможно, тоже пришлось бы отведать плетки. Но даже если и так...

– Повзрослев, ты поймешь, что почти все люди слабы. И ленивы к тому же. Слабые и ленивые люди ноют и жалуются. Иначе пришлось бы рискнуть и сделать что должно. А те несправедливости, от которых они страдают, часто даже и исправлять нет нужды, потому что несправедливости эти существуют лишь у них в голове.

Сочия надулась.

– Чтобы поступать правильно, нужна особая сила, а чтоб понять все, зоркий глаз.

– Эти ваши уроки! Вечно-то вы мне урок норовите преподать.

– Таково, девочка, мое призвание. Я же вроде как учитель.

– Да? Слишком вы серьезно относитесь к своим обязанностям. Послушайте, вам-то не пришлось на эти жалкие выездные суды таскаться. – И девушка принялась расписывать брату Свечке мелкие тяжбы во всех подробностях.

– Понимаю теперь, почему Реймон постоянно где-то пропадал, рискуя головой. Но почему этими разбирательствами не занимаются на местах суды? Спроси у них, и понастойчивей. Такими тяжбами должны ведать приходские священники и местные судьи.

– Понятно, почему священники отлынивают: все записывается, и им потом аукнется, если когда-нибудь церковь приберет к рукам Антье. А судьи, скорее всего, не хотят оскорблять соседей и потому отправляют всех ко мне.

Брат Свечка кивнул. Вот это конкретное нытье действительно заслуживает внимания. Следует сказать Бернардину. Сочии нужно, чтобы ее правительство функционировало на всех уровнях.

Да. В этом деле могут пригодиться особые способности Амбершеля.

Только демона помяни...

– Совершенный, взгляните! С Бернардином что-то не то.

Комнатушка, где сидели брат Свечка и Сочия, была небольшой. Пока не явился Бернардин, монах с девушкой ужинали в одиночестве, только кузина Кедлы Гилеметта иногда приносила напитки и уносила грязные тарелки. В Коннеке, с его постоянными скандальными историями и тягой к романтической любви и супружеской неверности, никому, даже самым упорным педантам, не приходило в голову обсуждать трапезничающих наедине шестидесятивосьмилетнего мейсальского совершенного и графиню.

Бернардин действительно выглядел странно – будто был в трансе.

Пришел он не один, а с женщиной. Вернее, с совсем юной девушкой, лет пятнадцати-шестнадцати, как оказалось при ближайшем рассмотрении. Из-за ее необычайной красоты возраст не сразу бросался в глаза.

Незнакомка была высокой и стройной. Большие голубые глаза, крупный рот, пухлые губы. В одной руке она несла металлическое ведро, в другой – пятифутовый посох с футовым навершием в форме буквы «Т», в третьей – кристалл из материала, напоминающего кварц, длиной в фут и толщиной в два дюйма. Внутри кристалла мелькала темно-зеленая тень. В четвертой руке девушка держала еще одно ведро – деревянное.

Брат Свечка почти не обратил внимания на лишние руки: он не мог отвести глаз от завораживающего лица в ореоле белокурых кудрей, от шеи, украшенной ожерельем-четками из полудрагоценных камней. Справа над верхней губой у гостьи темнела небольшая родинка – самая прекрасная родинка на свете.

Свечка не мог заставить себя оглянуться на Сочию, но подозревал, что и ее девушка точно так же заворожила.

– Она принесла дары, – пролепетал Бернардин.

Брат Свечка хмыкнул.

А потом медленно налился краской, почувствовав то, чего с ним не случалось вот уже несколько десятков лет.

У совершенного началась эрекция.

Незнакомка улыбнулась, продемонстрировав невероятной белизны зубки, и он понял, что она обо всем догадалась.

Ни монах, ни графиня не спросили, кто она и зачем явилась. Демоница, коей она, вне всякого сомнения, была, если только в ее обличье перед ними не предстал сам властелин тьмы, сложила свои дары на стол.

Свечке наконец удалось отвести взгляд.

Он посмотрел на первое огромное ведро, напоминавшее деревенский пруд. В нем неторопливо плавали четыре рыбины каждая в фут длиной, напоминавшие формой китов. Рыбины перевернулись, демонстрируя гнойно-желтые брюшки и круглые смеющиеся пасти с торчащими кривыми клыками. Демоница ухватила Бернардина за рубаху и притянула к себе. Амбершель дышал прерывисто, словно только что пробежал целую милю.

Девушка стянула с рыцаря рубаху. Бернардин содрогнулся, будто его дернуло током. Незнакомка выудила из бадьи рыбу и прижала ее к груди Бернардина, потом достала вторую тварь, третью, четвертую. Наконец все четыре рыбины присосались к Амбершелю и медленно погрузились в его плоть.

– Когда придет их час, ты будешь ведать. Облачись.

Рыбины исчезли, от них остались только страшные лиловые шрамы.

Медленно двигая негнуцимыми руками, Бернардин оделся.

Девушка повернулась к Свечке. Она точно была демоницей. Монаху вспомнились суккубы. Никогда, даже в безумные юношеские годы, не представлял он себе подобного искушения.

Член Свечки стал тверже камня.

– Возьми посох.

Свечка подчинился. Посох был составлен из двух узких струганых досок, выкрашенных белой краской, и выглядел довольно грубо. Верхняя, горизонтальная планка находилась на уровне глаз. Демоница запустила руку в деревянное ведро и вытащила оттуда двух змей – таких огромных, что поместиться в этом ведре они никак не могли. Третья змея на фут поднялась над краем ведра. Первых двух девушка повесила на посох.

– Теперь я стал похож на Асклепуля. Или на Трисмегитара, – выпалил Свечка.

Оба имени он произнес неправильно, но не знал об этом. Но хотя бы одно из этих древних Орудий как-то было связано со змеями.

– Разоблачись.

Свечке совсем не хотелось раздеваться, но не было никаких сил противиться. Через минуту перед всеми предстал дрожащий костлявый старик со вздыбленным мужским достоинством. Положение и без того ужасное, но что еще хуже – Сочия во все глаза уставилась на это самое достоинство. Свечка чувствовал себя уродом, эдаким бедолагой, у которого откромсали нос и уши.

Демоница сняла с посоха змею и уложила ее вдоль левой руки совершенного. Змея была не мокрой и не склизкой, но холодной на ощупь. А потом всякие ощущения пропали.

– Господи! – воскликнула Сочия.

Змея слилась с рукой. В отличие от Бернардина, шрамов у монаха не осталось: тварь превратилась в жуткую цветную татуировку, ее клыкастая пасть теперь покоилась на тыльной стороне левой Свечкиной ладони.

Не успел монах оправиться от удивления, как девушка уложила вторую змею вдоль его правой руки, потом достала из ведра третью, смерила пристыженного Свечку взглядом, и в глазах ее заискрилось озорство.

– Нет! – прохрипел совершенный.

Гостья пожала плечами, и лицо ее исказилось в дьявольской усмешке. Девушка обошла Свечку и уложила третью змею ему на спину. Спустя мгновение злобная пасть третьей татуировки украсила его шею.

Четвертый змей свернулся на груди – вот-вот ужалит.

– Облачись. – Незнакомка бросила последний озорной взгляд на мужское достоинство Свечки и повернулась к Сочии.

– Кем пожелаешь обратиться сможешь, – сказала она и взяла со стола кристалл.

Брат Свечка меж тем неловко возился со своими одежками. Когда демоница отвернулась, у него, хоть и с неохотой, наконец заработала голова. Почему она так необычно разговаривает? Как героиня древних сказаний. Никакой акцент не казался бы таким странным.

– Помысли об обличье желанном, от прочих помыслов очисти разум. – С этими словами девушка провела перед собой кристаллом сверху-вниз, от головы до пят, и обратилась в пантеру – столь же соблазнительную. Пантера припала к полу посреди разбросанной одежды, смерила взглядом Бернардина и брата Свечку, замурлыкала, словно кошка, а потом что-то сотворила с кристаллом и снова стала женщиной, притом совершенно обнаженной.

– О нет, – простонал брат Свечка.

В его-то возрасте!

Теперь от мужских взглядов не было сокрыто ничего. Гостья превосходила красотой самое греховное соблазнительное видение. Боль усилилась.

Девушка принялась одеваться, и монах чуть не заплакал. В его-то возрасте! И положении!

Бернардин что-то пробулькал и упал в обморок. Брата Свечку же оставило всякое желание быть достойным человеком, он поклонился ворову глазами.

Демоница что-то зашептала Сочии – объяснила, как именно действует кристалл. Свечка уловил суть: можно в любой момент снова стать человеком, но, если сделать это на глазах у всех, предстанешь перед всеми обнаженной. Потом гостья заставила Сочию пройти через это унижение.

Бернардину повезло: он так и не пришел в сознание и не стал свидетелем позора.

Глядя, как раздевается девушка, к которой Свечка всегда относился как к дочери, он обнаружил в себе доселе неизвестные ему самому грани.

Без одежды Сочия очень напоминала Маргиту в юности, когда они еще только поженились. Хотя тогда Шарду анде Клэрсу, конечно, мало представлялось возможностей разглядеть все в таких подробностях.

Демоница заставила Сочию превращаться, пока та не усвоила урок, а брат Свечка не уверился, что все они попадут на плаху. Теперь можно счесть правдивыми самые нелепые обвинения церковников.

– Великолепно. Умением ты овладела, госпожа. Таков твой дар. Но расточительной не будь с ним. – Девушка поддернула платье, чтобы сидело удобнее. – Пора. Грядет сражение – воинами доблестными станьте.

Демоница забрала ведра и посох и направилась к дверям.

– Погоди. Кто? Что? – выдавил брат Свечка.

Искусительница повернулась и подмигнула ему. Не веря, что такое возможно, Свечка почувствовал, как его член становится еще тверже, мучительно упирается в штаны.

Демоница захихикала, будто глупая девчонка, вернулась и поцеловала Свечку своими невообразимыми губами.

Монах не выдержал.

– Мне нужно переодеться.

– Сядьте. Нам нужно разобраться, что тут такое случилось, – велела Сочия.

– Но мне нужно...

– Сядьте! Бернардин, вы уже можете связно думать?

– Да, но с трудом. Проклятье, это что такое было?

– Вы сами привели ее сюда. Кто она? Откуда явилась?

– Не помню, – пожал медвежьими плечами Бернардин.

– Видимо, главнокомандующий не со всеми темными богами расправился, когда истреблял воскресшие Орудия. Совершенный, прекратите ерзать.

Брат Свечка был уверен, что Сочия все поняла. Графиню это расстроило, а еще она злилась, что монах видел ее без одежды, хотя они и не стеснялись друг друга, когда бежали от главнокомандующего. Тогда скромность была непозволительной роскошью.

– Это было сверхъестественное существо, – предположила Сочия, принимая деловой вид.

– Какая гениальная догадка, – проворчал старик.

– Если будете цепляться...

– Ты права. Больше не буду. Мы все пристыжены.

– Вы себе даже не представляете насколько, совершенный.

– Что такое, Сочия?

– Вы отреагировали ого-го как. Бернардин, видимо, тоже. Я и сама это почувствовала. А я ведь никогда в жизни не думала так о женщине. Так что простите, что пялилась, я просто удивилась. Аарон! Лалита! Защитите меня! Направьте, выведите из греховного тумана.

– Нужно стряхнуть с себя морок, иначе мы не сможем собраться с мыслями и понять, что же такое произошло, – сказал брат Свечка.

– Она что-то забыла, – пробормотал Бернардин голосом сбитого с толку маленького мальчика.

– Что?

– Взгляните. – Амбершель пошевелил ногой что-то, лежавшее под столом, – сгибаться ему все еще было тяжело: его-то демоница не целовала.

– Сочия, подними, пожалуйста. Мои старые косточки плохо слушаются.

Графиня молча вытащила из-под стола находку.

– Ее ожерелье. Уронила, пока меняла обличье, и, наверное, забыла подобрать, когда одевалась.

– А она что – раздевалась? – прохрипел Бернардин.

– Спокойно, спокойно. Раздевалась. Когда в леопардицу превращалась.

Амбершель оглянулся на брата Свечку, тот кивнул. Как им теперь одолеть демонические пути? Может быть, госпожа Алексинак знает?

– На четки похоже, – сказал Бернардин.

Ожерелье действительно напоминало четки, составленные из огромных бусин.

– Она и правда его забыла? – недоумевала Сочия. – Или хотела, чтобы мы так думали?

Свечка пожал плечами. Все возможно. Может, демоница забыла ожерелье, потому что так усердно пыталась свести его с ума.

– Я так понимаю, вы тоже в полном недоумении, – предположила Сочия.

– К нам явился демон, – заявил брат Свечка, – зачаровал нас, искусил.

– Да неужто? Вы ведь у нас вроде как ищущий свет, а не какой-нибудь суеверный крестьянин, который верит в темных и злобных духов, оставшихся со времен богов.

– Именно так, девочка моя. Я – учитель и якобы совершенный, но вера наша не подготовила меня к тому, что с нами только что произошло.

– Не думаю, что наша вера имела тут какое-либо значение, – вмешался Бернардин Амбершель. – Будь здесь дэв, дейншо, праманин, мейсалянин, чалдарянин любого толка – никто бы из них ее не узнал, и все бы повели себя точно так же, как и мы. Это пылающее видение убивает веру. Любую веру.

– Что нам делать? – спросила Сочия. – Кем бы или чем бы она ни была, эта гостья только что открыла нам путь в новую эпоху, сделала из нас новых людей, вручила нам ужасные дары и ничего не объяснила. И мы не знаем ни почему она это сделала, ни какую цену придется за подарки заплатить.

– Хочу все забыть, – признался Бернардин, потирая грудь. – Хочу отправиться в бани и смыть это все с себя.

Тут можно было непристойно пошутить, но совершенный сдержался. Сочия тоже. Амбершель ушел, занятый своими мыслями.

– Смертные девушки бывают такими? – удивленно спросила Сочия.

– Быть может, одна на целое поколение. Мне нужно переодеться.

– Нам, верно, теперь трудно будет смотреть друг другу в глаза, но все же необходимо решить, как быть.

– Нужно разобраться, что это было за Орудие, – мрачно отозвался Свечка. – Много можно узнать по приметам, но вот почему она это сделала и почему именно с нами – мы не выясним.

– Не знаю, с чего и начать.

Совершенный, к несчастью, тоже не знал. Все, что он знал и во что верил, теперь вызывало сомнения.

– Мне нужно переодеться.

– Идите. Предавайтесь своим прекрасным фантазиям. Завтра подумаем, что делать и насколько все это изменит нашу жизнь.

В знак согласия брат Свечка что-то пробурчал и убежал подальше от места своего позора.

Он знал, что заснуть сегодня ему вряд ли удастся.

В эту ночь его будут обуревать вопросы и фантазии.

Он спрашивал себя: действительно ли происшедшее изменит его жизнь? Или лишь всколыхнет поверхность, под которой скрывается древний чудаковатый совершенный. Как бы то ни было, староват он уже и других таких приключений ему не надо.

Свечка взглянул в глаза настоящей Ночи.

Этому должна быть причина.

Подобные мысли порождали непреходящий ужас.

15

Альтен-Вайнберг, совещание

Войско Праведных целый день прождало за стенами Альтен-Вайнберга. Городу нужно было подготовиться.

Новую императрицу осаждали всевозможные приставалы. Все они тщетно надеялись, что она прекратит безумие, которое затеяла ее сестра: меньше всего высокопоставленным вельможам хотелось иметь дело с постоянным войском, подчинявшимся малейшей императорской прихоти. Бароны всеми силами хватались за возможность противостоять центральной власти.

С самого начала правления Иджей это мало кто пытался сделать, но всем всегда хотелось.

Бароны воспринимали власть с одной только точки зрения: что бы сами они сделали, достанься она им. И плевать, что Войско Праведных создавалось как оружие, призванное обрушиться на Святые Земли. Катрин использовала его для своей личной войны. Какие клятвы заставят новую императрицу не последовать примеру сестры? Предводитель Войска Праведных утверждал, что не станет орудием в руках политиков, но его же явно свела с ума младшая девица Идж.

Эти старики знали, как устроен мир. Знали точно.

А Предводитель хотел, чтобы они позволили ему быть подальше от политики.

Вот если бы Элспет продемонстрировала силу, которая так часто ощущалась в ней, но так редко себя являла.

Быть может, она научится доверять своей силе при поддержке капитана Дриера, Ренфрау и Войска Праведных. Они могут наглядно заявить о ее политической позиции.

Пока императрица справлялась неплохо. Конечно же, о событиях, произошедших в Броте, она узнала раньше всех остальных и была готова, сумела сохранить порядок.

Еще одного члена семейства Иджей настигла прискорбная кончина.

Три жены Йоханнеса погибли совсем не героической и не красивой смертью. Сам он пал в весьма обыденных, ничем не примечательных обстоятельствах, до срока. Его болезненный отпрыск наследник Лотарь протянул дольше, чем сулили самые благожелательные прогнозы, но все равно умер еще ребенком.

Катрин не была дурной женщиной, однако ее царствование получилось дурным, потому что она выбрала дурную веру и дурного мужа, который погиб дурной бессмысленной смертью из-за собственной дурной головы. В результате пострадала сама Катрин и императорский статус. Хотя во время ее недолгого правления все благоденствовали – ни бедствий, ни чумы, ни засухи, ни наводнения, ни голода. Все войны шли далеко и увенчивались победами.

Войско Праведных ждало под стенами, но Хект уже заслал в город своих людей – отправил их к тем Праведным, кто оставался в Альтен-Вайнберге на время последней кампании. Оставшимися командовал Бюль Смоленс, а засланными – Ривадемар Вирконделет, один из любимчиков Титуса Консента.

Смоленс долго служил у Хекта, но безоговорочного доверия больше не удостоивался, оттого что какое-то время оставался в патриаршем войске, когда Безмятежный сместил Хекта с поста главнокомандующего.

Почти все его люди вызывали у Пайпера сомнения – он до сих пор до конца не верил в обращение Титуса Консента в чалдарянскую веру, не был уверен, что Клэй Седлако и другие воины, связанные с Братством Войны, не остались верны своему ордену.

У них тоже имелись подозрения касательно командира. Все внимательно наблюдали за Предводителем. Ему редко удавалось повидаться с родными.

Как и раньше, Хект со своими людьми окопался в поместье Баярда ва Стил-Паттера, имперского посла в Броте. Баярд приходился сыном Омро ва Стил-Паттеру, эрцгерцогу Хиландельскому, главному среди советников. Советники эти первой своей целью считали притеснять детей Йоханнеса Черные Сапоги, каждый из которых, в свою очередь, назойливых стариков ненавидел. А назойливые старики собирались и дальше мешать тем, кто стоял у руля империи.

Почти все советники отправились участвовать в укрощении патриарших владений и пока не успели вернуться. Так что у Элспет оставалось еще время.

Баярд ва Стил-Паттер был другом Войску Праведных и Предводителю, а вот его отец – совершенно точно нет.

Хект еще не успел стряхнуть с себя дорожную пыль, когда к нему явился один из подчиненных Консента.

– Мой господин, нас забросали просьбами об аудиенции.

– И вы ждете от меня предложений.

– Это же ваше время. Господин Консент говорит, мы не можем им распоряжаться без вашего согласия.

– Скажите, что я со всеми увижусь, как только смогу. Чтобы было по-честному, станем тянуть жребий.

– Вот уж взбесится те, кто считает себя важной шишкой, мой господин.

– Еще больше разозлятся, когда узнают, что жребий мы подтасовали.

– Не следует никого намеренно провоцировать, мой господин, – отозвался офицер, немного подумав.

– Правильно говорите. Может, мне победа голову вскружила. Нужно все время напоминать себе: всем плевать на то, что мы сотворили в прошлом месяце. Думают лишь о том, что им удастся выклянчить сегодня и завтра.

– Да, мой господин. Я принес список – кто вас желает видеть и какие называют причины.

– Хорошо. Оставьте здесь – я просмотрю. Если кто-то уже здесь, скажите: до завтра никого не принимаю. Слишком устал.

Хект и правда устал. В последнее время это было его неизменное состояние.

В начале списка стояла наследная принцесса.

Среди прочих выделялись еще два имени – Феррис Ренфрау и граф фон Рейм. Фон Рейм был одним из дядьев Катрин, и ему Пайпер еще не был представлен. Граф не жил в Альтен-Вайнберге. Возможно, встреча с ним будет полезной.

– Отставить!

– Что, мой господин? – удивился уже направившийся к дверям офицер.

– Меняю приказ: с Феррисом Ренфрау увижусь, как только он сможет. Потом устройте встречу с графом фон Реймом – либо он сюда, либо я к нему. Лучше бы он сюда, но если

будет настаивать – сам к нему отправлюсь. С этим разберетесь, скажите Вирконделету и де Босу, что мне к их списку нужны пояснения. О половине из этих людей слышу впервые.

– Все понял, мой господин.

Феррис Ренфрау явился через час, и не один, а в компании Асгриммура Гриммсона. Телохранители Хекта не хотели оставлять командира в одной комнате с вознесшимся, явно тому не доверяя.

– Титус, если тебе так спокойнее, останься, – позволил Хект. – Вот только услышанное тебя не обрадует.

– Зачем вы пустили Гриммсона? От него так и веет опасностью.

– Потому что он опасен, – озадаченно ответил Хект.

Консент уже видел вознесшегося... Наверное, дело именно в этом: дэв знал его еще до того, как особая картечь в клочья разнесла охватившее Асгриммура помрачение.

– Волнуешься из-за того, кем он был раньше? – уточнил Хект. – Не волнуйся. Теперь он с нами.

На лице Консента отразилось удивление.

– Титус, приведи их. И пусть проверят тихую комнату. Она может нам понадобится.

Консент привел Ренфрау и вознесшегося. Двое вооруженных до зубов солдат встали по обе стороны от двери. Хект смирился с их присутствием, хотя что они смогут сделать, задумай вдруг кто-нибудь из гостей дурное?

Зато Титус успокоился, и то хорошо.

– Посмотрите-ка только на Асгриммура! – воскликнул Хект, отметив про себя, что вознесшийся все еще не отрастил себе новую руку. – Осовременился.

Бывший андорежский пират основательно обкромсал свою шевелюру, а оставшиеся волосы расчесал гребнем и смазал маслом. Вместо спутанной бородачи – маленький треугольничек на подбородке и едва заметные усы. Гардероб тоже успел обновить.

– Добро пожаловать в тринадцатый век, – добавил Пайпер и украдкой бросил взгляд на Ферриса Ренфрау: может, Отродье что-нибудь скажет о новом Асгриммуровом образе?

Ренфрау пожал плечами.

– Хватайте каждый по стулу и тащите сюда. Сядем в кружок и поговорим.

Все так и сделали, Титус тоже. Гриммсон и Ренфрау ждали, как объяснит Хект присутствие Консента.

– Титусу надо знать, что происходит. Я ему ничего не говорил.

– Ты вообще мало с кем откровенничаешь, – заметил Ренфрау.

– Не без причины. Подумайте только, с кем приходится иметь дело. Титус, ты знаешь этих людей и наверняка напридумывал про них всякого.

Консент кивнул, вид у него стал обеспокоенный.

– Все гораздо хуже, чем ты думаешь. – Хект оглянулся на стоящих в дверях охранников.

– Они нас не поймут, – заявил Ренфрау. – А если кто-то еще подслушивает, так это твой родственник, осведомленный гораздо лучше тебя.

– Поверю вам на слово. Так вот, Титус, как все было.

Хект кратко пересказал основные события, опустив несколько ключевых моментов вроде своей смерти от руки убийцы и последующего воскрешения.

– И это можно обсуждать не в тихой комнате? – пробормотал Консент.

Ренфрау успел принять предосторожности: их разговор караулили крошечные частички тьмы.

– Найди дело для Старейших, – сказал Асгриммур. – Им заняться нечем, поэтому они затевают всякие каверзы.

– Вели им прекратить. Их проделки никакой пользы не принесут, только привлекут внимание.

– Вот так просто и прекратить? – спросил вознесшийся. – Когда они невесть сколько не были в срединном мире?

– Им нужно понять, что это не тот срединный мир, который они знают. В нынешнем люди научились убивать богов. А кое-кто этому жизнь посвятил.

– Хочешь их запугать, когда они и так согласились тебе помогать?

– Нет. Предупредить хочу. Они Герис и меня зовут Убийцами Богов, мы заслужили. Но мы этим не забавы ради занимаемся. Старейшим нужно понять: кое-кто желает их истребить, потому что боги представляют угрозу. Например, особое ведомство. Люди из Братства видели, что случилось в Коннеке, были там.

– Кладези силы так ослабли, что новых богов не появится, – сказал Ренфрау. – Если Старейшие кормятся за счет других Орудий, сильнее они не станут – только время себе выторгуют.

– Если Кладези не наполнятся, как раньше, особое ведомство добьется своего и так, им не придется для этого и палец о палец ударить, – добавил Хект.

– В том смысле, что Ночь будет и дальше слабеть. Орудия никогда не исчезнут окончательно. Если только с сестрой твоей не повздорят.

– Среди них и умные попадают, – заметил Асгриммур. – Могут найти способ справиться с засухой.

Хекту в голову вдруг ни с того ни с сего пришла мысль – такая неожиданная, что он покачал головой, словно пытаясь ее стряхнуть или хоть объяснение какое-нибудь натрясти, чего это вдруг она явилась ни к селу ни к городу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.